

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 243
№ 255

Т. И. Петрова

**ЯЗЫК
ОРОКОВ
(УЛЬТА)**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
Ленинград 1967

4

П-30

Под редакцией
О. П. СУНИКА и В. И. ЦИНЦИУС

**БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
ИН-ТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР**

62710

7-1-3

187-67 (I пол.)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Работа по языку ороков является продолжением моих работ по языкам южной ветви тунгусо-маньчжурских народностей — нанайскому и ульчскому.

Еще со времен Л. Шренка рядом исследователей указывалось, что среди южной группы тунгусо-маньчжурских народностей имеется довольно тесная подгруппа, включающая нанай (гольдов), ульчей (мангунов) и ороков (ульта). Предполагалось, что по языку эти народности близки между собой.

Поэтому, когда мной были разработаны основы грамматик языков нанай и ульчей, встал вопрос о завершении этого цикла работ исследованием грамматики языка ороков.

В 1936 г. с Сахалина в Ленинград приехал учиться пять ороков в возрасте 30—35 лет; из них трое — представители рода Гетта, двое — Ториса. Студенты проявили большой интерес к разработке грамматики своего языка и охотно сообщали нужные сведения, рассказывали и сами записывали предания, сказки, загадки и рассказы из жизни ороков.

В 1949 г. в Ленинград, учиться в Педагогический институт им. А. И. Герцена, приехал орок Семен Павлов, который принял участие в проверке словаря, текстовых материалов и дал дополнительные к собранному мной тексты. На основании этого материала наиболее полно была разработана морфология орокского языка, изложение которой и составляет основную часть предлагаемого грамматического очерка.

Кроме описания грамматических форм и их употребления в языке ороков, автор ставил перед собой цель определить также место орокского языка среди других родственных ему языков тунгусо-маньчжурской группы. Для этого привлекался соответствующий материал из работ других исследователей по отдельным языкам этой группы, в основном из следующих работ: В. Г. Богораз. Материалы по ламутскому языку. Тунгусский сборник, 1. Изд. АН СССР, Л., 1931; Г. М. Василевич.

Очерк грамматики эвенкийского (тунгусского) языка. Учпедгиз, Л., 1940; И. Захаров. Грамматика маньчжурского языка. СПб., 1879; К. М. Мыльникова и В. И. Цинциус. Материалы по исследованию негидальского языка. Тунгусский сборник, 1. Изд. АН СССР, Л., 1930; Т. И. Петрова. 1) Очерк грамматики нанайского языка. Учпедгиз, Л., 1941; 2) Ульчский диалект нанайского языка. Учпедгиз, Л., 1936; Е. Р. Шнейдер. Краткий удэйско-русский словарь с приложением грамматического очерка. Учпедгиз, Л., 1936; В. И. Цинциус. Сравнительная фонетика тунгусо-маньчжурских языков. Учпедгиз, Л., 1949.

В 1926 г. вышла работа Наканоме Акира „Грамматика орокского языка“ (Akira Nakano. Grammatik der Orokko-sprache. Res. Rev. Osaka Asiat. Soc., № 8, 1926). Материалы, приведенные в указанной статье, настолько незначительны, что всю работу по языку ороков надо было проводить заново. В 1956 и 1959 гг. вышли две работы Дз. Икегами по отдельным вопросам языка ороков (J. Ikegami. The Verb Inflection of Orok Inquiries into the Japanese Language, № 9, Tokyo, 1959; J. Ikegami. The Substantive Inflection of Orok. Gengo Kenkyu Journ. Linguistic Soc. Japan, № 30, 1956). Поскольку исследования этого автора проводились в совершенно ином плане, его данные в настоящей работе не могли быть использованы.

Небольшое введение в работе построено в основном на литературных данных. Использованы также и некоторые устные сообщения студентов-ороков главным образом о родовом составе, кочевках, занятиях. Основные литературные источники: Б. А. Васильев. Основные черты этнографии ороков. Сов. этногр., № 1, 1929; С. Патканов. Опыт географии и статистики племен Сибирского Запада. Изв. Рус. геогр. общ., т. 31, ч. II, 1906; Л. Шренк. Об инородцах Амурского края, т. I, 1883; т. II, 1899; т. III, 1903; Л. Я. Штернберг. Классификация коренного населения Приамурского края. Сборник. Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны. Хабаровск, 1933.

ВВЕДЕНИЕ

Ороки (ульта ~ уйльта) принадлежат к южной ветви тунгусо-маньчжурских народностей. Эта малочисленная народность живет на о. Сахалине.

Первые известные нам сведения об ороках относятся к середине XVIII в. (М. Ринсо, Ф. Шмидт и П. Глен). В 1883 г. вышел первый том капитальной работы Л. Шренка. Шренк подошел к изложению материала об ороках с характерной для его работ тщательностью, однако, говоря об особенностях языка ороков, он вынужден был основываться на довольно поверхностных общих впечатлениях. В 1906 г. С. Патканов, сообщая о численности и расселении ороков, приводит в своей работе ряд характеризующих эту народность этнографических данных. В 1929 г. Б. А. Васильев дал этнографическую характеристику ороков без каких-либо сведений об их языке.

В 1933 г. был опубликован сборник работ Л. Я. Штернберга, в котором имелись статьи об ороках. В этих статьях приводятся сведения о самоназвании ороков и некоторые соображения об этнической близости их с другими народностями тунгусо-маньчжурской группы.

В литературе ороки были известны преимущественно под одним из двух наименований — „ороки“ или „орочены“. Л. Шренк приводит все наименования, под которыми были описаны ороки до него, а именно: у Мамя Ринсо — „ороцко“; в китайских рукописях — маньчжурское „орунчун“, а иногда видоизмененное китайцами — „голунчун“; это последнее название в свою очередь изменено Иакинфом в „элунчун“. Гиляки называют их „ороко“ или „оронгта“, айны — „орохко“.

Точно установить происхождение названия ороков теперь едва ли возможно. Во всяком случае несомненно, что этимологически слово „орок“ связано со словом „орон“, которым в тунгусо-маньчжурских языках обозначается домашний олень. Таким образом, слово „орок“ по своему происхождению близко к слову „орочен“, которым маньчжуры обозначали вообще всех оленных

тунгусов. Обычно название „орочены“ прилагалось к эвенкийскому (тунгусскому) населению, обитающему в западной Маньчжурии, в долинах Хингана. Сами ороки называют себя ороками только в тех случаях, когда разговаривают с народами, у которых они известны под этим названием.

В литературе приводится и самоназвание ороков — „ульта“ („уйльта“, „уйльта“).

Самоназвание „ульта“ известно уже давно. Еще Ф. Шмидт и П. Глен упоминают ороков под этим именем. Такое самоназвание послужило Ф. Шмидту основанием к отождествлению ороков с ульчами (по транскрипции Шмидта *olča, oltsha*).

Близость самоназвания ороков к наименованию ульчей отмечалась и Л. Шренком, хотя этимология этого самоназвания в применении именно к сахалинским орокам им и не рассматривалась.

Наконец, Б. А. Васильев, говоря о самоназвании ороков, приводит слово „ульта“. Он также сближает слова „ульта“ и „ульча“.

Этимология слова *ул'та ~ уjl'та* (как и ульча) неясна. Сами ороки своего самоназвания никак не поясняют и употребляют слово *ул'та ~ уjl'та* как неразложимый термин для обозначения своей народности. Если бы мы слово *ул'та ~ уjl'та* разложили предположительно на морфемы (основную *ул' ~ уjl'* и суффиксальную *-та*), то для них в языке ороков соответствующих живых значений не найти. Правда, фонетические закономерности орокского языка позволяют сопоставить суффикс *-та* с весьма продуктивными суффиксами *-нкā* в нанайском языке и *-нча* в ульчском: *-нкā ~ -нча ~ -нта > -тта > -та*. Суффиксы *-нкā* и *-нча* в языках нанай и ульчей образуют от соответствующих имен существительных имена, обозначающие название жителя данной местности. Если придавать такое же значение суффиксу *-та* в слове *ул'та ~ уjl'та*, следует ожидать, что основа *ул' ~ уил' ~ уjl'* будет связана с названием какой-либо местности, возможно реки, по типу: Валетта — название орокского рода, Валу ~ Вал — название реки. Суффикс *-та* можно также сопоставить с конечным элементом, имеющимся в родовых названиях Гетта, Муэттэ, а также Бояуса, Намисса и др., придав ему значение множественности, собирательности.

Но все это пока предположения. Вопрос о происхождении и семантике самоназвания ороков остается неразрешенным.

Ороки, как и другие тунгусо-маньчжурские народности, до Великой Октябрьской социалистической революции сохраняли пережитки родового уклада. Состав орокских родов был немногочисленным — Бояуса, Валу (Валусал, Валетта), Гетта, Муэттэ, (Муйгэттэ), Намисса, Синахуда, Сюэктэ (Соокта), Ториса. Перечисленные роды имелись как в северной, так и в южной части Сахалина. Кроме того, для ороков последней области отмечались

территориальные названия: барабайннени (жители р. Поронай), осоннени (жители р. Осо), найпутэннени (жители местности и сел. Тарайка). Группировки чаще носили названия по месту их основного обитания. Так, в районе Набильского залива жили роды Гетта, Ториса, Муэттэ, Сюэктэ. На север отсюда, в районе р. Вал, — роды Бояуса, Синахуда, Намисса, Валу. Эти две группы родов, по преданиям, объединялись в два союза: первый — под предводительством рода Гетта (дахиннени, т. е. жители р. Дахи), второй — Валу (валуннени). Такие объединения различных родов под единым названием имели в жизни ороков огромное значение. Эти группировки в старину вели между собой длительные войны, поводом которых являлась кровная месть. Эти междоусобия нашли свое отражение в фольклоре. Заслуживает внимания то, что указанные союзы строились по территориальному признаку. Поэтому роды „духай“ (родственные роды) Ториса и Бояуса оказались во враждующих группах.

Первые более или менее определенные сведения о численности ороков мы находим у Патканова. Общее число ороков по переписи 1897 г. устанавливается С. Паткановым в 749 человек. К 1926 г. в северной части Сахалина ороков было 162 человека. Приблизительно в то же время Наканоме Акира определял число ороков для южной части Сахалина в 300 человек. Таким образом, в 20-х годах на всем острове жило 450—460 ороков. При переписях 1927 и 1959 гг. ороки учитывались вместе с сахалинскими эвенками. В настоящее время ороков на Сахалине около 400 человек.

Ороки издавна характеризовались, во-первых, как народность, имеющая оленей, а во-вторых, как „кочующие охотники“. К двум отраслям хозяйства — оленеводству и охоте — следует присоединить еще рыболовство и добычу морского зверя.

Ранее вся хозяйственная деятельность ороков была тесно связана с оленеводством. Поскольку оленеводство вызывало необходимость кочевков, постольку и организация некоторых работ складывалась также в условиях кочевков. К таким работам относилась и охота. Поэтому-то ороки и характеризовались как „кочующие охотники“.

В летнее время ороки северного Сахалина концентрировались в пунктах, расположенных по берегу моря и по берегам рек. С наступлением осени ороки откочевывали от берега в глубь острова. Обычно они шли вверх по рекам, главным образом Тыми и Пороною, к местам, где имеется больше оленьего мха; в этих же районах производилась охота на пушного зверя и дикого оленя, который еще встречался в горных областях Сахалина. В конце осени по свежавыпавшему снегу выслеживали залегающего в берлоге медведя.

Когда выпадал снег и оленям становилось трудно находить корм в горных районах, ороки возвращались к прибрежным

участкам, но зиму проводили не на самом берегу, а в 10—15 км от него, в тайге. Весной ороки подходили к самому берегу, где сначала охотились на тюленя, а позднее, летом, переходили к рыбной ловле.

В настоящее время ороки не кочуют, а живут в постоянных поселках, расположенных по восточному побережью острова. В северной части Сахалина все ороки входят в колхоз „Вал“. Пастухи с оленьими стадами расходятся от р. Вал в северном и южном направлениях — до Пильтунского залива на север и до р. Даги и Набильского залива на юг. Основная группа южно-сахалинских ороков сосредоточена к востоку от р. Поронай, выпадающей в зал. Терпения. Отдельные небольшие группы живут в самой южной части острова, прилегающей к зал. Морж.

По вопросу о близости ороков к той или другой тунгусо-маньчжурской народности в литературе имеются различные точки зрения. В большинстве случаев ороков рассматривают как ближайших родственников ульчей, а еще чаще обе эти народности объединяют в один народ, часть которого осталась на материке (ульчи), другая переселилась на Сахалин (ороки). Такой взгляд основывали на сходстве в строении лица ороков и ульчей (Глен, Шмидт, Шренк), но не указывались конкретные черты, подтверждающие это положение.

Противоположная точка зрения высказана Г. И. Невельским, считавшим ороков потомками удских тунгусов. Не высказываясь за эту теорию, Б. А. Васильев указывает, что сами ороки не считают себя „родственниками“ ульчей.

Л. Я. Штернберг выделяет группу народностей с общим самоназванием „нани“, куда включает 1) сахалинских нани (ороков), 2) низово-амурских нани (ульчей), 3) нижнеамурских нани (гольдов), подразделяя их на сунгарийских, уссурийских, иманских и т. д., 4) юго-восточных нани (орочей), подразделяя их на северных — до сел. Ботчи — и южных.

Л. Я. Штернберг считал, что наиболее близки между собой ульчи, ороки и орочи. Его мнение основывалось на том, что сахалинские гиляки называют ороков „орныр“ (оленоводы), а амурские гиляки тем же именем называют ульчей. С другой стороны, амурские же гиляки называют ороков и орочей одним и тем же словом „тозунг“. Эти факты привлекались Л. Я. Штернбергом как доказательство того, что у соседних народов еще сохранилось воспоминание об этническом единстве трех названных народностей. Кроме того, подтверждение положения о единстве ороков и орочей Л. Я. Штернберг находил в сходстве отдельных элементов материальной культуры (крышеобразные крытые корьем жилища и сходство люльки у ороков и орочей).

Можно согласиться с тем положением, что народности, объединяемые Л. Я. Штернбергом в одну группу по якобы общему для них самоназванию „нани“, действительно близки между

собой. При сопоставлении языковых фактов близость этих народностей представляется несомненной, хотя в словарном составе языка ороков слово „нани“ мной найдено не было. Очевидно, Л. Я. Штернберг слышал его не от самих ороков.

В собранном материале имеется слово *нәннэни* 'житель земли; туземец'. По своему образованию оно близко к слову *нани*. Но в качестве самоназвания ороки это слово не употребляют.

Настолько тесно сближать ороков и ульчей, чтобы считать их одной народностью с подразделением на ульчей сахалинских (ороков) и на ульчей амурских (собственно ульчей), не позволяют языковые данные. Хотя ряд морфологических моментов и сближает язык ороков больше с языком ульчей, чем с языком нанай (гольдов), все же ряд других морфологических, а также фонетических и лексических отличий заставляет рассматривать его как самостоятельную языковую единицу, а носителей его как самостоятельную народность.

Ф О Н Е Т И К А

Гласные

В орокском языке пятнадцать гласных фонем, из них семь недолгих (*а, э, и, й, о, у, ъ*) и восемь долгих (*ā, ē, ē̄, ī, ī̄, ō, ū, ŭ*). По ряду все указанные гласные распределяются на передние, средние и задние, по подъему — на верхние, средние и нижние (табл. 1).

Таблица 1

Состав гласных

Подъем	Негубные		Губные
	передний ряд	средний ряд	задний ряд
Верхний	<i>и ī</i>		<i>у ū</i>
Средний	<i>й ī̄</i>	<i>э ē</i>	<i>ъ ŭ̄</i>
	<i>ē</i>		<i>о ō</i>
Нижний		<i>а ā</i>	

При этом в пределах каждого ряда имеются пары гласных, которые различаются лишь по подъему. Следует отметить, что отчетливо различаются лишь гласные среднего ряда *а* и *э*. Из гласных заднего ряда вполне четко различимы *о* и *у*. Что же касается *у* и *ъ*, а также гласных переднего ряда *и* и *й*, то на слух различие между ними уловить трудно.

Характеристика гласных

и, ī — переднего ряда, верхнего подъема, на слух напоминает русское ударное *и* (например, в словах „иней“, „ива“): *иктэ* ‘зубы’, *ситэу(н)* ‘новый’, *пхэ(н)* ‘вошел’, *сикэ* ‘веревка для посадки невода’.

i, ĭ — переднего ряда, среднего подъема, более широкий, чем первый, на слух часто воспринимаемый как *e*: *силма* ~ *селма* 'выборы', *гида* ~ *геда* 'копье', *синда-* ~ *сенда-* 'приходить', *пина* ~ *пена* 'рана на рыбе'. Для обозначения этих двух звуков — более узкого *i* и более широкого *ĭ*, не всегда различимых на слух, — в настоящей работе употребляется один и тот же знак *i*.

ē — переднего ряда, среднего подъема, дифтонгоидный, не имеет парного по подъему, а также парного недолгого, всегда смягчает предшествующий согласный, напоминает русское ударное *e* (например, в словах „день“, „пень“): *бē* 'луна', *мēва(н)* 'сердце', *сēсиңи* 'шум, звук'.

a, ā — среднего ряда, нижнего подъема, негубной, произносится при самом низком положении языка, на слух сходен с русским *a*: *абду* 'богатство, имущество', *џана* 'копье' (на нерпу), *кадара* 'большой, сильный'.

э, ē — среднего ряда, среднего подъема, негубной, приблизительно может быть сопоставлен с беглым *a* или *o* русского языка (например, в словах „садовод“, „водоворот“): *пэмү(н)* 'губы', *пэнэ(н)* 'колени', *сэлэмэ* 'железный', *эмэчү* 'отсюда'. Иногда в конце слов этот гласный напоминает русское *ы*: *хэрэ* ~ *хэры* 'немного'.

у, ū — заднего ряда, верхнего подъема, более узкий и более закрытый, чем русское *у*: *урэктэ* 'прутья', *пүјэ* 'рана', *су* 'вы'.

ÿ, ŷ — заднего ряда, среднего подъема, более широкий и более открытый, чем русское *у*: *ÿбу* 'часть, пай', *ÿда* 'лодка', *ÿхани* 'влез'. Наблюдается развитие *ÿ > o*: *бују(н)* ~ *бојо(н)* 'медведь', *коңгокту* ~ *коңгокто* 'колокол', *пуру* ~ *поро* 'палец', *муру* ~ *муру* ~ *моро* 'мысль, ум'. Для обозначения звуков *у* и *ÿ*, не всегда различимых на слух, в предлагаемой работе принят один знак *у*.

o, ō — заднего ряда, среднего подъема, губной, открытый: *оксо* 'сани', *токсо* 'глина', *боно* 'град', *бори* 'небольшая возвышенность без леса и кустарников', *мōма* 'деревянный'.

Согласные

Согласных фонем восемнадцать, из них двенадцать смычных (*п, б, т, д, ч, ж, к, г, м, н, н', џ*), четыре срединных щелевых (*в, с, х, ј*), один боковой (*л*) и один дрожащий (*р*). Наиболее богато представлены смычные, которые по работе активного органа делятся на четыре группы и внутри этих групп противопоставляются друг другу как глухие, звонкие, носовые: губные *п—б—м*, переднеязычные *т—д—н*, среднеязычные *ч—ж—н'*, заднеязычные *к—г—ң*.

У прочих согласных ни по количеству, ни по составу такой стройной системы не наблюдается (табл. 2).

Состав согласных

По способу образования	По активному органу				
	губные	переднеязычные	среднеязычные	заднеязычные	
Смычные	глухие	п	т	ч	к
	звонкие	б	д	ж	г
	носовые	м	н	н'	ŋ
Щелевые	глухие		с		х
	звонкие	в		ʃ	(ʒ)
Боковые			л		
Дрожащие			р		

Характеристика согласных

п — губно-губной, смычный, глухой; сходен с русским *п*: *пэму(н)* 'губы', *купэ(н)* 'нитки', *пэлкэ* 'крышка', *кап* 'вместе'.

б — губно-губной, смычный, звонкий; сходен с русским *б*: *буда* 'крупа', *убу* 'часть, пай', *бэјџэ* 'зверь'.

м — губно-губной, смычный, носовой; сходен с русским *м*: *мэнумэ* 'серебряный', *мбмо* 'трубка'.

в — губно-губной, щелевой, звонкий; резко отличается от русского губно-зубного *в*, напоминает неслоговое *у* и часто замещается последним: *васа* 'цапля', *лавикта* 'олений мох', *аундав* ~ *аундау* 'охотничий шалаш', *аври* ~ *аури* 'спящий', *нилаву* ~ *нилау* 'голый', *маџаули* ~ *маџавли* 'сильный, крепкий'.

т — переднеязычный, смычный, глухой; сходен с русским *т*: *талу* 'береста', *пута* 'мешок', *муиктэ* 'корни растения'.

д — переднеязычный, смычный, звонкий; сходен с русским *д*: *дана(н)* 'бедро', *додоу(н)* 'ковш из бересты', *мэгдэ* 'цельный'.

н — переднеязычный, смычный, носовой; сходен с русским *н*: *нари* 'человек', *пэнэ* 'колено', *тунда* 'пять'.

с — переднеязычный, щелевой, глухой; обычно произносится несколько мягче и более шепеляво, чем русский *с*, причем перед гласными более высокого подъема *э*, *у* шепелявость и мягкость усиливаются: *саџа* 'отверстие', *сии* 'буря', *мбсо* 'лес', *с'экс'э* ~ *сэксэ* 'кровь', *луктос* 'насквозь'. Возможно также чередование *с* ~ *х*: *синда-* ~ *хинда-* 'приходить', *сигбэрэ* ~ *хибгэрэ* 'жук-долгоносик' и др.

л — переднеязычный, боковой, щелевой; произносится мягче, чем русское *л*: *лојма* 'форель', *ула* 'олень', *хэлдэ* 'небольшая река'.

p — переднеязычный, дрожащий; менее раскатистый, чем русский *p*. Слов с начальным *p* в языке ороков, как и вообще в тунгусо-маньчжурских языках, не имеется: *мор* 'ум, мысль', *мујрэ* 'плечо', *пурил* 'дети', *тар* 'так'.

ч — среднеязычный, смычный, глухой, аффрицированный: *чавакта* 'когти хищной птицы', *чу* 'огниво', *дучуку* 'пешня', *кучэгэ* 'нож'. Перед *и* и *е* *ч* слышится как сильно смягченный *т*: *чиланај* ~ *т'иланај* 'южный ветер', *ачиуа* ~ *ат'иуа* 'крыса'. В других случаях наблюдается как бы расщепление *ч* на *тч*, как например *битчини* 'он был', *отчини* 'он сделался' (ср. найское *бичини*, *очини*).

з — среднеязычный, смычный, звонкий, слабо аффрицированный: *заха* 'деньги', *базитал* 'напротив'.

н — среднеязычный, смычный, носовой; сходен с русским смягченным переднеязычным *н* (*нь*): *н'арта* 'нарта', *н'уру* 'писать'.

ј — среднеязычный, щелевой, звонкий; сходен с русским *й*: *јау* 'хребет', *ајакта* 'злой', наречие *тајсаи* 'в глубь моря'.

к — заднеязычный, смычный, глухой: *кунилтэ* 'лыжи', *нэктэ* 'низкий', *сукту* 'засохший кедр'.

г — заднеязычный, смычный, звонкий: *гакта* 'клюква', *сэгдэ* 'красный'. Между гласными может давать щелевой вариант *γ*: *вагачи* ~ *ваγачи* 'они убили'.

η — заднеязычный, смычный, носовой: *ηала* 'рука', *моηо(η)* 'шея', *јаη* 'хребет'.

х — заднеязычный, щелевой, глухой; сходный с русским *х*: *хаса* 'крыло', *хэлэи* 'ласточка', *духаил* 'родственники по отцу'. В ряде глагольных форм дает варианты: *х* ~ *г* ~ *γ* ~ *h* (смычный звонкий, щелевой звонкий, фарингальный, щелевой глухой): *ηэнэхэмби* 'я ушел', *ηэнэгэси* ~ *ηэнэгэси* 'ты ушел', *ηэнэхэни* 'он ушел', *ηэнэхэпу* 'мы ушли', *ηэнэгэчи* ~ *ηэнэгэчи* 'они ушли'.

Особенности звукового состава слов

К основным фонетическим закономерностям, играющим значительную роль в огласовке орокских слов, следует отнести гармонию гласных, губное притяжение, стяжение гласных с *ј* или *и* в *й* ~ *е*, смягчение согласных, ряд ассимиляционных изменений, наблюдаемых в сочетании согласных звуков, удвоение и перестановку согласных.

Гармония гласных. В связи с противопоставлением гласных в зависимости от подъема языка при их произношении они распадаются на две группы:

$$\left. \begin{array}{l} \text{I} - \text{й} \quad \text{а} \quad \text{о} \quad \text{у} \\ \text{II} - \text{и} \quad \text{э} \quad \text{у} \end{array} \right\} \text{е.}$$

Сообразно с указанной группировкой гласных фонем каждое слово со всеми его формальными частями (суффиксами) может

иметь в своем составе гласные звуки только одной из двух групп — первой или второй. Только долгий гласный *ē* не подчиняется этому правилу, он встречается с гласными и той и другой группы: *агдүманнē* 'старший брат', *нэудүмәннē* 'младший брат'. Ведущими являются гласные корня.

Губное притяжение. При образовании некоторых форм слова имеет место изменение негубных гласных переднего ряда *и*, *й* в губные заднего ряда *у* и *ү* под влиянием губного гласного суффикса: *бэ́жи-* 'охотиться', *бэ́жучу* 'место охоты'. Также, если в основе преобладают губные гласные, широкий негубной гласный *а* или *э* суффиксов переходит в *о* или *у*: *бо́жо(н)* 'медведь', *бо́жомбо* 'медведя' (-ба — суфф. вин. пад.), *кото* 'нож', *котово* (-ва — суфф. вин. пад.), *би-* 'жить', *би-+у* > *биу* > *бу!* 'живи'.

Стяжение гласных. Такие сочетания, как *а́ж ~ ай*, *э́ж ~ эи*, *о́ж ~ ой*, *у́ж ~ уи*, *ү́ж ~ үи*, в большинстве случаев стягиваются в *ē ~ и*. Эта особенность орокской фонетики вносит затруднения при определении границ морфем (корней и суффиксов), так как вызывает изменение предшествующих согласных, смягчая и иногда удлиняя их. Например: *нэ́лэ-* 'бояться'+-*ж* (суфф. наст. вр.) > *нэ́ллэ* (причастие); *мэ́н-+ду+и* > *мэ́нзи* 'у себя'.

Смягчение согласных. Гласные переднего ряда *и*, *й*, *э* всегда оказывают палатализирующее влияние на предшествующие согласные: *н'йүма* 'сказка', *г'эва* 'заря', *м'илэктэ* 'рябина' и т. д. В настоящей работе смягчения не отмечается.

Ассимиляция согласных. Из случаев ассимиляции согласных прежде всего надо отметить регрессивную ассимиляцию носового переднеязычного *н* по действующему органу. Частота случаев ассимиляции этой фонемы объясняется тем, что ею оканчивается довольно большое количество именных и глагольных основ. Укажем основные случаи ассимиляции: 1) переднеязычная носовая фонема *н*, попадая в положение перед губным согласным *б*, ассимилируется и переходит в *м* (*апу(н)* 'шапка', *апун+ба* > *апумба* 'шапку'); 2) *н* в положении перед губной носовой фонемой *м* полностью ассимилируется и сливается с последующим *м* в один звук (*ун-* 'сказать', *ун-+ми* > *умми* > *уми* 'говоря'); 3) полная ассимиляция и слияние наблюдаются и в тех случаях, когда *н* оказывается в положении перед губным согласным *п* (*ун-+пи* > *уппи* > *упи* 'если скажет'; *апу(н)* 'шапка', *апун+пу* > *апуппу* > *апупу* 'наша шапка'); 4) точно так же могут сливаться в один звук оказавшиеся соседними звуки *н* и *н'* (*апун+н'и* > *апун'н'и* > *апун'и* 'его шапка'), а также *н* и *н̄* (*но́н-+н̄и+ни* > *но́н̄ини* 'принадлежащий ему'); 5) при сочетании *н* с заднеязычным *к* происходит полная регрессивная ассимиляция (*апун+ки* > *апукки* > *апук* 'по шапке'); 6) такое же явление полной ассимиляции наблюдается и при сочетании *н+т* (*апун+таи* > *апуттаи* 'в шапку'); 7) при сочетании *н+с* про-

исходит двусторонняя ассимиляция по способу образования (*ун-+сэри* > *уттэри* 'скажи'; *апун+си* > *апутти* > *апутчи* > *апучи* 'твоя шапка'); 8) случай двусторонней ассимиляции наблюдается и при сочетании переднеязычного *н* с заднеязычным *г* (*г*) — обе фонемы переходят в глухой заднеязычный *к* (*ун-+гэтчи* > *уккэтчи* 'сказав'); 9) *н* перед *л* переходит в *л* (*апун+лу* > *апудлу* > *апудлу* 'имеющий шапку').

Сказанное можно представить в виде следующей схемы:

<i>н+б</i> > <i>м+б</i> > <i>мб</i>	<i>н+н'</i> > <i>н'+н'</i> > <i>н'н'</i> > <i>н'</i>
<i>н+м</i> > <i>м+м</i> > <i>мм</i> > <i>м</i>	<i>н+н</i> > <i>н+н</i> > <i>н</i>
<i>н+п</i> > <i>п+п</i> > <i>пп</i> > <i>п</i>	<i>н+л</i> > <i>л+л</i> > <i>лл</i> > <i>л</i>
<i>н+т</i> > <i>т+т</i> > <i>тт</i> > <i>т</i>	<i>н+к</i> > <i>к+к</i> > <i>кк</i> > <i>к</i>
<i>н+с</i> > <i>т+т</i> > <i>тч</i> > <i>ч</i>	<i>н+г</i> > <i>к+к</i> > <i>кк</i> > <i>к</i>

Другие ассимиляционные изменения согласных встречаются как единичные случаи, например переход заднеязычного звонкого *г* в заднеязычный носовой *н* в положении перед губным носовым *м* (*орог-* 'приносить, привозить', *орог-+мори* > *орогнмори* 'принося, привозя').

Удвоение согласных. Частично может быть объяснено случаями полной ассимиляции, как указывалось выше. Сюда же можно отнести удвоение согласных и в таких словах, как *путтэ* 'ребенок', *пэттэ* 'нерпа', *даппа(н)* 'полог', если сравнить их соответственно с нанайскими и ульчскими *пиктэ*, *пэнтэ*, *зампа(н)*. Некоторые случаи удвоения, без сомнения, возникли в силу аналогии.

Перестановка согласных. Метатеза согласных наблюдается при сочетаниях губного и заднеязычного *кп* ~ *пк*, *гб* ~ *бг* (*икпэ* ~ *ипкэ* 'костер', *согбо* ~ *собго* 'железная часть гарпуна' и др.).

Фонетические особенности языка ороков сравнительно с ульчским и нанайским

При сравнении с нанайским и ульчским языками лексических, а также фонетических отличий в языке ороков оказалось значительно больше, чем предполагалось. Практически это выяснилось еще с того момента, когда в 1937 г. была сделана попытка вести объединенные занятия по родному языку с нанай, ульчами и ороками. При сравнении языка ороков с языками нанай и ульчей удалось подметить ряд закономерных фонетических соответствий.

В области гласных в орокском, так же как и в ульчском языке, по сравнению с нанайским следует отметить более энергичную лабиализацию: в ульчском и орокском имеем *у* там, где в нанайском *о* (закрытое).

Орок.	Ульч.	Нан.	
<i>убу</i>	<i>убу</i>	<i>обо</i>	'часть, пай'
<i>угда</i>	<i>угда</i>	<i>огда</i>	'лодка'
<i>уми-</i>	<i>уми-</i>	<i>оми-</i>	'пить, курить'
<i>уни</i>	<i>уни</i>	<i>они</i>	'река'
<i>сукта</i>	<i>суута</i>	<i>сопта</i>	'глубокий'
<i>сундата</i>	<i>сундата</i>	<i>содата</i>	'рыба'

В орокском, как и в ульчском, наблюдается долгое *ē* в тех случаях, где в нанайском имеем дифтонг *иа*.

Орок.	Ульч.	Нан.	
<i>гэсапса</i>	<i>гэсамса</i>	<i>гиасамса</i>	'стружки'
<i>мэва(н)</i>	<i>мэва(н)</i>	<i>миавā</i>	'сердце'
<i>пэ</i>	<i>пэ</i>	<i>пиа</i>	'береза'
<i>сэ(н)</i>	<i>сэ(н)</i>	<i>сиā</i>	'ухо'
<i>сэсици</i>	<i>сэси(н)</i>	<i>сиаси</i>	'шум'

В области согласных для орокского языка характерно наличие твердых переднеязычных *д, т, н* там, где в ульчском и нанайском имеются среднеязычные *ж, ч, н'*.

Твердый согласный *д* наблюдается вместо *ж* в начале слов перед широкими гласными *а, э*, реже — перед *у, о*.

Орок.	Ульч.	Нан.	
<i>дала(н)</i>	<i>жала(н)</i>	<i>жалā</i>	'сустав'
<i>дува</i>	<i>жуа</i>	<i>жоа</i>	'лето'
<i>дулу</i>	<i>жулу</i>	<i>жулуј</i>	'первый'
<i>дэйдэ-</i>	<i>жэйдэ-</i>	<i>жэйдэ-</i>	'гореть'
<i>дэунзи</i>	<i>жэунзи</i>	<i>жэуние</i>	'левый'

Это же соответствие проявляется в середине слова в сочетании *гд*.

Орок.	Ульч.	Нан.	
<i>сэйдэ(н)</i>	<i>сэјжэ(н)</i>	<i>сэјжэ</i>	'красный'
<i>тагда(н)</i>	<i>чајжа(н)</i>	<i>чајжā</i>	'белый'
<i>тугдэ</i>	<i>тујжэ</i>	<i>тујжэ</i>	'рысь'

В орокском языке твердый *д* имеется также в тех случаях, когда ульчскому *ж* соответствует нанайское *г*.

Орок.	Ульч.	Нан.	
<i>холдо-</i>	<i>холзо-</i>	<i>холо-</i>	'сушить'
<i>хураду-</i>	<i>хуражу-</i>	<i>хораго-</i>	'очнуться'
<i>-ду</i>	<i>-жу</i>	<i>-гу</i>	глагольный суффикс повторности
<i>аундав</i>	<i>аунжа</i>	<i>аонга</i>	'балаган, юрта'
<i>куду</i>	<i>куэжэ</i>	<i>куэгэ</i>	'кузнечные меха'

Сходным образом в орокском языке вместо согласного *ч* наблюдается согласный *т*.

Орок.	Ульч.	Нан.	
<i>тондо</i>	<i>чондо</i>	<i>чоҥдо</i>	'яма'
<i>итэ-</i>	<i>ичэ-</i>	<i>ичэ-</i>	'видеть'
<i>атаптаи</i>	<i>ачапти</i>	<i>ачапчи</i>	'навстречу'
<i>атту-</i>	<i>ачу-</i>	<i>ачо-</i>	'снимать'
<i>мутуду-</i>	<i>мучузу-</i>	<i>мочого-</i>	'возвращаться'

Явление замены *ч* звуком *т* в орокском языке распространяется также на те случаи, когда в ульчском языке это *ч* возникло вместо сочетания *рк* и соответствует нанайскому *јк*.

Орок.	Ульч.	Нан.	
<i>утэ</i>	<i>учэ</i>	<i>ујкэ</i>	'дверь'
<i>пута</i>	<i>пуча</i>	<i>појка</i>	'силок, петля'
<i>хэтути-</i>	<i>хэчучи-</i>	<i>хэјкучи-</i>	'дремать'

Как уже указывалось выше, в орокском языке среднеязычному (мягкому) *н'* в ульчском и нанайском также соответствует твердое переднеязычное *н*.

Орок.	Ульч.	Нан.	
<i>намаули</i>	<i>н'ама</i>	<i>н'ама</i>	'тепло'
<i>нуңу(н)</i>	<i>н'уңу(н)</i>	<i>н'уңуј</i>	'шесть'
<i>нуңна</i>	<i>н'уңн'а</i>	<i>н'оңн'а</i>	'гусь'

В орокском языке *н* наблюдается также там, где в ульчском соответствует нанайскому *јн*.

Орок.	Ульч.	Нан.	
<i>пана</i>	<i>пан'а</i>	<i>пајна</i>	'ладонь'
<i>пэнэ(н)</i>	<i>пэн'э(н)</i>	<i>пэјнэ</i>	'колени'
<i>сэнэ</i>	<i>сэн'э</i>	<i>сэјнэ</i>	'жабры'
<i>анани</i>	<i>ан'ани</i>	<i>ајнани</i>	'год'

В орокском языке в тех случаях, когда в нанайском и ульчском имеет место дифтонг, часто наблюдается губно-губной *в*.

Орок.	Ульч.	Нан.	
<i>тувэ</i>	<i>туэ</i>	<i>туэ</i>	'зима'
<i>дува</i>	<i>зуа</i>	<i>зоа</i>	'лето'

В орокском языке может встречаться *р*, в то время как в тех же словах в языке нанай этому звуку соответствует *ј*, а в ульчском происходит стяжение широкого гласного с *ј* в *и*.

Орок.	Ульч.	Нан.	
<i>нари</i>	<i>ни</i>	<i>нај</i>	'человек'
<i>тари</i>	<i>ти</i>	<i>тэј</i>	'топ'
<i>тар</i>	<i>ти</i>	<i>туј</i>	'так'

Языку ороков свойственны явления полной ассимиляции, почти чуждые языкам ульчей и нанай.

Орок.	Ульч.	Нан.	
окко-	оуко-	оуко-	'пастись'
путтэ	пиктэ	пиктэ	'ребенок'
пэттэ	пэнтэ	пэнтэ	'нерпа'
даппа(н)	зампа(н)	зампā	'полог'

В орокском языке, как и в ульчском, иногда отсутствует начальный *х*, имеющийся в языке нанай.

Орок.	Ульч.	Нан.	
ујтэ	ујчэ	хујчэ	'локоть'
ујси-	ујси-	хујси-	'звучать'
иктэ	иктэ	хуктэ	'зубы'

Орокскому начальному *к* (а также в середине слова) в нанайском, а иногда и в ульчском соответствует *х*.

Орок.	Ульч.	Нан.	
кэсэ	хэсэ	хэсэ	'слово, речь'
купси-	хумси-	хумси-	'перевортывать'
кэлэмэ	кэлэмэ	хэлэ	'заика'
мэркэ	мэрхэ	мэрхэ	'частый гребень'

Орокскому *п* в нанайском и ульчском может соответствовать *м*.

Орок.	Ульч.	Нан.	
апта	амта	амта	'вкус'
чипчиктэ	чимчиктэ	чимчиктэ	'почки растений'

То же и в словообразовательном непродуктивном суффиксе со значением „отбросы“ -пса, -псэ, -псо.

Орок.	Ульч.	Нан.	
гэсапса	гэсамса	шасамса	'стружки'
хоропсо	хоромса	хоромса	'сера в ушах'

Орокскому *л*, а иногда и ульчскому, перед *п*, *б* и перед гласными в нанайском соответствует *р*.

Орок.	Ульч.	Нан.	
гэлбу	гэлбу	гэрбу	'имя'
кулпе-	корпи-	корпи-	'успеть'
ханнули	ханурули	ханори	'шумно'

В редких случаях, наоборот, как и в ульчском, в середине слова перед *г* орокскому *р* в нанайском соответствует *л*.

Орок.	Ульч.	Нан.	
орге(н)	ори(н)	олигā	'свинья'
ирга	ирга	илга	'орнамент'

Как видим, некоторые фонетические явления, главным образом в области гласных, сближают орокский язык с ульчским. Так, более энергичная лабиализация, затем замена дифтонга *ia* долгим *ē* наблюдается как в языке ороков, так и в языке ульчей.

Интересный фонетический момент — стяжение широкого гласного и следующего за ним *j* или *и* в *ē* или *ī* — в нанайском языке хотя и встречается, но не имеет широкого распространения; в ульчском это явление охватывает больше форм, главным образом глагольных, и, наконец, в орокском мы наблюдаем это явление в широком масштабе, и только как исключение ему не подчиняются сочетания широкого гласного с *j* или *и* в ряде основ слов (*бајси* — 'лениться' и др.), в застывших формах наречий (*холдоптои* 'набок', *хумсэи* 'ничком' и т. д.) и в суффиксе направительного падежа *-таи*, *-тэи*, *-тај*, *-тэј*.

Фонетические различия в области согласных хотя и немногочисленны, но так как некоторые из них охватывают относительно большое количество слов и встречаются в наиболее употребительных формах, то вместе с морфологическими и лексическими особенностями они достаточно ярко выделяют орокский язык.

МОРФОЛОГИЯ

ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Язык ороков в качестве самостоятельного языка входит в состав южной группы тунгусо-маньчжурских языков. Будучи наиболее близким к языкам ульческому и нанайскому по общему характеру своего морфологического строя, орокский язык все же значительно отличается от них рядом присущих ему особенностей.

Так, хотя с точки зрения морфологической классификации орокский язык наряду со всеми прочими тунгусо-маньчжурскими языками и является языком суффиксально-агглютинативным, все же агглютинация в нем проводится далеко не столь последовательно, как например в языке нанайском. В ряде случаев отдельные морфемы в слове четко не выделяются, границы между основой (или корнем) и суффиксом, а также между некоторыми рядом стоящими суффиксами провести бывает крайне затруднительно. Модификация основ и суффиксов происходит в силу наличия указанных выше фонетических закономерностей — регрессивной, прогрессивной и при этом часто полной ассимиляции, слияния согласных, стяжения гласных и, наконец, изменения гласных в силу губного притяжения. В качестве иллюстрации к сказанному приведем следующие примеры.

уттэри 'скажи' — повелительное наклонение будущего времени для 2-го л. ед. ч. от глагольной основы *ун-* 'сказать' может быть разложено следующим образом: *ун-* + суфф. *-сэри* > *ут-* + *-тэри* > *уттэри* > *утэри*. В данном примере имеем случай взаимной ассимиляции, а затем слияния согласных. Указанное видоизменение основы и суффиксов для глаголов с основой на *н* является постоянным.

соррүри — пассивное причастие от глагольной основы *сори-* 'драться, бороться, воевать' может быть разложено следующим образом: *сори-* + суфф. *-вури* > *соривури* > *соррүри*. В данном примере изменения в основе и суффиксе произошли в силу губного притяжения.

Случаи слияния морфем не ограничиваются единичными примерами, а закономерно охватывают определенные формы. Если

сравнить язык орокский с языками нанайским и ульчским по степени распространения в этих языках явлений фузивности, т. е. слияния отдельных грамматических элементов в слове, то можно нанайский язык отметить как язык, в котором словообразующие и словоизменяющие элементы нарастают в известном порядке, сохраняя всегда свое постоянное и определенное значение, и в своих звуковых сочетаниях не сливаются тесно ни с основой, ни между собой. В языке ульчей уже можно наблюдать явления слияния отдельных элементов, но все же далеко не в таком объеме, как в языке ороков. Такая постепенность данного явления в родственных языках дала возможность выявить в орокском языке ряд слившихся словообразовательных и словоизменяющих элементов.

Кроме форм с суффиксальным образованием, в орокском языке имеются также формы, образованные путем повторения основ: *гѣдара* 'однажды', *гѣдара-гѣдара* 'иногда'; *боло* 'осень', *болон-болон* 'каждую осень' и др.

Не чужд языку ороков и описательный способ образования форм. В качестве примера можно указать на обозначение множественного числа предметов с помощью слова *бара(н)* 'много', образование формы, выражающей отрицание обладания предметом (выражающей „необладание“), образование отрицательных форм глагола, а также ряд других форм.

В прилагаемом грамматическом очерке орокского языка слова с учетом их семантики, роли и места в словосочетаниях, участия в тех или иных словоизменяющих процессах распределяются по следующим грамматическим категориям: имя существительное, имя прилагательное, местоимение, числительное, наречие, глагол (включая формы причастия, наклонения, деепричастия и пяти особых глагольных форм).

Деление это, основанное главным образом на семантическом признаке, прослеживается не только в словообразовании и словоизменении сгруппированных слов, но также и по их роли в предложении.

Что касается собственно структурно-морфологических особенностей орокского языка, то сопоставление сходных форм приводит к выводу, что в языке ороков от одних элементов тянутся связующие нити к языкам северной тунгусо-маньчжурской группы (это часто касается общих для всех тунгусо-маньчжурских языков моментов), от других (удельный вес которых больше) — к южной, а именно к языкам ульчскому и нанайскому. Так, склонение в орокском языке по количеству падежей, а также по звуковому составу падежных оформителей занимает как бы промежуточное положение между языками северной и южной группы, причем с последней (с языками ульчским и нанайским) его сближает большее число моментов, а именно отсутствие винительного-неопределенного падежа, наличие назначительного

падежа (дезигнатив) со сходным суффиксом, а также звуковое сходство ряда прочих падежных оформителей; с северной — главным образом форма исходного падежа и наличие совместного падежа.

Имя прилагательное орокского языка имеет много сходных черт с той же категорией в языках ульчском и нанайском. Это сказывается не только в общей этим трем языкам бедности словообразовательными элементами категории прилагательных, но также и в звуковой близости имеющих оформителей.

Кроме того, в противоположность языкам северной группы в языках ульчском, нанайском и орокском сравнительно широко применяется для обозначения признаков предмета сочетание, состоящее из наречия и глагола *би* (*кох-кох би* 'твердый').

По способу же согласования имен прилагательных с именами существительными язык ороков занимает промежуточное положение между языками эвенкийским и эвенским, с одной стороны, и ульчским и нанайским — с другой. Прилагательные орокского языка, как правило, не согласуются со своим определяемым словом в падеже, но согласуются в числе. Языкам северной группы — эвенкийскому и эвенскому — свойственно согласование и в числе, и в падеже, языкам ульчскому и нанайскому подобное согласование чуждо.

Некоторые своеобразные черты присущи орокским числительным и местоимениям. Так, в области количественных числительных орокский язык выделяется среди прочих тунгусо-маньчжурских языков наличием для единицы особого названия *йида* ~ *гёда*. Прочие отличия сводятся в значительной мере к ряду фонетических соответствий. По названию для сотни — *тангу* и для тысячи — *миңга(н)* числительные орокского языка стоят в одном ряду с тунгусо-маньчжурскими языками южной группы.

Отсутствие включительного местоимения объединяет орокский язык в одну группу с нанайским и ульчским.

Личные и вопросительные местоимения орокского языка типологически сходны с ульчскими. Своеобразны лишь формы личных местоимений 1-го и 2-го л. мн. ч. в винительном падеже — *мумбэпу*, *сумбэпу*, а также формы личных местоимений 1-го и 2-го л. ед. ч. в именительном падеже — *бии*, *сии*.

В разделе глагольных форм обращает на себя внимание тот факт, что ряд глагольных образований имеет своей основой форму активного причастия настоящего времени, что имеет место и в нанайском языке (формы настоящего и прошедшего времени изъявительного наклонения), а также в ульчском (формы настоящего, прошедшего и будущего времени изъявительного наклонения). В орокском же языке, кроме тех форм изъявительного наклонения, которые отмечены для ульчского языка, от указанных причастий образуются также формы сослагательного наклонения и повелительная форма 1-го л. ед. ч.

Характерной особенностью словообразования в орокском языке является субстантивирование определенных групп имен прилагательных, количественных числительных, указательных местоимений, активных причастий с помощью суффикса *-нне*, *-ни*, *-не*, *-ни* (восходящего к слову *нари* ~ *наи* ~ *ни* 'человек') и суффикса множественного числа *-сал*, *-сэл*.

Малочисленность живых словообразовательных элементов также сближает орокский язык с ульчским и нанайским, отдаляя от языков северной группы, в частности эвенкийского и эвенского.

Среди непродуктивных элементов в орокском языке имеются суффиксы одинакового звучания, но различного происхождения. Много омонимичных форм имеется и в словоизменении, особенно в притяжательных формах склонения.

В словаре орокского языка также обнаруживаются слова-омонимы: *када* 'скала' и *када* 'заездок (для ловли рыбы)'; *удэ* 'область, местность' и *удэ* 'кабарга', и др.

Кроме того, для некоторых предметов в языке ороков имеется по два названия. Например: 'средний палец' — *талдау* и *кото*, 'богульник' (растение) — *сэнэтурэ* и *сэккурэ*, 'бревенчатый домик на охоте' — *каланари* и *утэми*, 'затылок' — *апаи* и *утуму*, 'луна' — *лою* и *бэ*, 'подмышка' — *хавани* и *хангэжэ*, 'сало' — *нэму* и *зотчо*, 'олений желудок' — *нумиссэнэ* и *нуңисэ*, 'лестница' — *токпу(н)* и *капачикку*, 'кожемялка' — *кэдэрэ* и *тотто(н)*, 'ремни у лыж' — *вэсэпсэ* и *лапу*, 'кит' — *калема* и *кеңа*, 'выдра' — *дарам(н)* и *мудэ*, 'пестрая нерпа' — *оннори* и *иргала*, 'раб' — *бол* и *нака(н)* и др.

Это явление, возможно, связано с влиянием языков различных народов Приамурья и Сахалина.

ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ

В орокском языке имя существительное выделяется из всех прочих частей речи прежде всего своей семантикой: все слова, относящиеся к имени существительному, обозначают предметные понятия. Синтаксические функции этой части речи очень многообразны, но наиболее типичными являются функции подлежащего, дополнения и определения по принадлежности.

Наиболее распространенными являются имена существительные со значением названия людей, животных, вещей, веществ, явлений природы. Например: *путтэ* 'ребенок', *бојо(н)* 'медведь', *итто(н)* 'корыто', *ајси(н)* 'золото', *су(н)* 'солнце', *хэду(н)* 'ветер', и т. д.

Разнообразный круг абстрактных идей, выражаемых именем существительным, по-видимому, значительно уже, поскольку в именах существительных орокского языка почти не встре-

чается слов, означающих названия действий-состояний типа „ление“, „стрельба“ и т. п.

Немногочисленны также имена существительные со значением названия качества и свойств предметов (определенных признаков), как-то: *ајактанне* 'злоба, свирепость (чьа-либо)', *масинне* 'сила, могущество (чье-либо)'. Все подобные имена существительные являются производными от соответствующих имен прилагательных и, как видно из примеров, не мыслятся вне связи с предметом — носителем этого признака.

Названия пространственных понятий, величин и размеров употребляются также в притяжательной форме, так как всегда мыслятся в связи с тем предметом, с которым они соотносительны. Например: *хамари-ни*, *хаммё-ни* 'пространство позади предмета', *дб-ни* 'пространство внутри какого-либо предмета', *ојо-ни* 'поверхность предмета', *дйила-ни* 'величина какого-либо предмета', *дарала-ни* 'ширина предмета', *һонила-ни* 'длина какого-либо предмета', и т. д.

В словарном составе орокского языка выделяется группа имен существительных, основа которых или вполне тождественна глагольной основе (*һэлэ* 'волк', *һэлэ* 'бояться'; *курэи* 'забор', *курэи* 'загораживать'; *саури* 'стружки', *саури* 'строгать стружки'; *уи* 'звук', *уи* 'шуметь'; *субу* 'рыбья кожа', *субу* 'снимать с рыбы кожу', и др.), или же имеет наращение в виде *н*, которое выявляется при сочетании с некоторыми суффиксами, главным образом с падежными (*сори(н)* 'битва, война', *сори* 'воевать, биться'; *тојо(н)* 'угощение', *тојо* 'угощать'; *сёлма(н)* 'выборы', *сёлма* 'выбирать'; *саһна(н)* 'табак', *саһна* 'дымить'; *болодо(н)* 'место осенней кочевки', *болодо* 'кочевать осенью'; *тувэдэ(н)* 'зимовка, место кочевки', *тувэдэ* 'зимовать, кочевать зимой'; *дувада(н)* 'место летней кочевки', *дувада* 'кочевать летом').

Существительные без наращения являются названиями предметов, в какой-либо мере связанных с действием, выраженным соответствующей глагольной основой. Существительные же с наращением означают или предмет действия, или же место действия.

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

Имена существительные делятся на непроеводные и проиеводные. Последние образуются при помощи тех или других словообразовательных суффиксов. При этом в некоторых словах эти суффиксы являются уже непроедуктивными (мертвыми) и основы без них неупотребительными, в других именах существительных словообразовательные элементы (живые суффиксы) легко отделяются от основ, употребляемых и без них, и легко присоединяются к другим основам, придавая им то же самое значение.

Существительные с непродуктивными суффиксами

В группе существительных с омертвевшими суффиксами одни словообразовательные элементы встречаются в большом количестве слов, другие соединяются лишь с несколькими словами или даже встречаются лишь в единичных примерах. В существительных, имеющих один общий словообразовательный элемент, подмечается какой-либо общий признак и таким образом устанавливается значение данного суффикса. Рассмотрим некоторые из них.

В орокском языке, как и в других тунгусо-маньчжурских языках, многочисленную группу представляют существительные с омертвевшим суффиксом *-кта, -ктэ, -кто*. Объединяющим признаком этой группы существительных является обозначение или мелких однородных предметов, или предметов, разложимых на более мелкие составные части, или предметов, поражающих своим избытком: *бокто* 'орех', *иктэ* 'зубы', *чилчиктэ* 'почка растений', *босокто* 'почки у животных', *дэунэктэ* 'грибы', *чавакта* 'когти хищной птицы', *гакта* 'клюква', *гудакта* 'растительность на лице', *сиңэктэ* 'черемуха' (ягоды), *хавикта* 'плавник у рыбы', *хасикта* 'ель', *хэрэктэ* 'кожа человека', *хоңгокта* 'сугроб', *хэсиктэ* 'чешуя рыбы', *сэиктэ* 'мелкие сучья у дерева', *хосекта* 'ногти, когти', *урэктэ* 'прутья', *хумуктэ* 'кровеносные сосуды', *хэјэктэ* 'переменчивое течение', *пэуктэ* 'бородавка', *селукта* 'тонкие кишки', *тэуктэ* 'лужа', *синакта* 'мех, шерсть, перья', *сирэктэ* 'волоски из нитки', *суллакта* 'конский волос', *тиктэ* 'вошь', *сирикта* 'овод', *сируктэ* 'муравьи'.

В эту группу попадает и слово *упуктэ* 'пух', в нанайском языке имеющее окончание *-лтэ* — *упултэ*, так что, возможно, не во всех приведенных словах этот суффикс однороден.

Совсем немногочисленна группа существительных с омертвевшим суффиксом *-пса, -псэ, -псо* со значением „отбросы“: *гэсапса* 'стружки', *гэрапса* 'кость', *горепса* 'сброшенная кожа змеи', *хоролсо* 'сера в ушах', *пидэлпэ* 'опилки древесные'.

Группа существительных с омертвевшим суффиксом *-в, -у*, очевидно, представляет два различных способа образования, так как одни из этих имен существительных при присоединении падежных суффиксов выявляют конечный *н* основы, другие не выявляют (имена существительные, выявляющие конечный *н*, помещены в правом столбце, не выявляющие *н* — в левом):

<i>аундав</i>	'зимняя юрта'	<i>хапинав</i>	'оса'
<i>эулэв</i>	'излучина реки'	<i>имэв</i>	'свежая рыба'
<i>гатав</i>	'место сбора ягод'	<i>гајав</i>	'мизинец'
<i>сирунэв</i>	'муравейник'	<i>додов</i>	'ковш из бересты'
<i>ујнэв</i>	'привязь для оленя'	<i>хакпинав</i>	'диафрагма'
<i>хумунэв</i>	'могила'	<i>холзинав</i>	'шест для сушки невода'
<i>хулмэв</i>	'сундук'	<i>иллав</i>	'стружки, надеваемые шаманом'
<i>пинэв</i>	'наконечник стрелы'		

В некоторых словах левого столбца можно отделить от суффикса значимую глагольную основу, как-то: *аунда* 'переночевать', *хуму* 'хоронить', *сирунэ* 'дрожать', и т. д. Тогда суффикс *-в (-у)* можно сопоставить с причастием, оканчивающимся на *-ву*. Причастная форма с суффиксом *в-, -ву* (сокращенная форма причастия на *-вури*) в языке ульчей может употребляться в значении места действия, и действительно, указанное значение можно легко усмотреть в словах левого столбца.

Суффикс *-в* правого столбца можно считать восходящим к суффиксу *-вун*, с помощью которого в северной группе тунгусо-маньчжурских языков образуются имена существительные от глагольных основ. За это говорит то, что основы с указанным окончанием при присоединении падежных суффиксов выявляют конечный *н*.

В некоторых группах существительных, несмотря на как бы объединяющую звуковую принадлежность слов, выделить значимые элементы на данном этапе изучения языка кажется невозможным. Например:

<i>пэжэ</i>	'лоб'	<i>бэжэ</i>	'щенок'
<i>хужэ</i>	'рога'	<i>дусэ</i>	'тигр'
<i>хэңгэжэ</i>	'подмышки'	<i>гаса</i>	'утка'
<i>бэжэ</i>	'туловище'	<i>хојса</i>	'пена'
<i>пујэ</i>	'рана'	<i>писа</i>	'лопатки зверя'
<i>хэжэ</i>	'течение'	<i>хужэ</i>	'продукты'

К словам правого столбца можно присоединить и такие слова, как *хаса* 'крыло', *улисэ* 'мясо'. Для орокского языка они все имеют одно и то же окончание *-са*. Но в нанайском языке 'крыло' — *хасар*, 'мясо' — *уликсэ*. Следовательно, в первом случае в орокском языке можно отметить отсечение конечного *р*, во втором случае — выпадение *к*. Этот случай заставляет быть осторожным при выделении омертвевших суффиксов. Часто существительные, казалось бы, с общим оформителем не имеют ничего общего в значении, и общий их оформитель не один, а представляет собой несколько суффиксов-омонимов. В таких случаях особенно необходимо сопоставлять данные формы с соответствующими формами других тунгусо-маньчжурских языков, что позволит определить омонимику в суффиксах, установить суффиксы одного определенного значения и найти основы, почему-либо не употребляющиеся более в орокском языке.

Существительные с продуктивными суффиксами

Форм имен существительных с живыми словообразовательными суффиксами в орокском языке сравнительно не так много, и, за исключением двух-трех, они широкого распространения не имеют.

Одни из таких суффиксов являются словообразовательными в полном смысле слова, так как с помощью их образуются слова с совершенно новым значением. Таких суффиксов в словарном материале по орокскому языку оказалось возможным выделить восемь. Суффиксов же, не образующих слов с новым значением, а лишь вносящих дополнительный оттенок в имеющееся значение, в орокском языке можно отметить один — суффикс уменьшительный.

Суффиксы, образующие имена существительные нового значения, можно подразделить на такие, которые являются средством словообразования внутри категории имен существительных, и на такие, которые образуют существительные нового значения от другой части речи — от глаголов, имен прилагательных, числительных, наречий.

Образование существительных от других частей речи

В орокском языке можно отметить три суффикса, с помощью которых образуются имена существительные от глаголов.

Наиболее продуктивным является суффикс *-мзи*. Присоединением данного суффикса к глагольным основам образуются имена существительные со значением лиц, занимающихся данным действием как основным родом занятия: *ујлэмзи* 'работник', *ујлэ-* 'работать'; *улэмзи* 'повар', *улэ-* 'варить'; *мблимзи* 'заготовитель дров', *мбли-* 'заготавливать дрова'; *тапитчимзи* 'кузнец', *тапитчи-* 'ковать'.

Этот же суффикс имеет место и в таких словах, как: *идаламзи* 'стрекоза', ср. *идала-* 'колоть копьем'; *таваламзи* 'ночная бабочка', ср. *тава* 'огонь'.

Образованные от глагольных основ присоединением суффикса *-мзи* имена существительные в орокском языке сохраняют за собой глагольное управление своих основ: *чаива улэмзи* 'варщик чая', *мбово мблимзи* 'дров дровозаготовитель'.

В нанайском и ульчском языках такие уточнения значений с помощью дополнения редки; чаще сочетания указанных существительных с именами существительными же возможны только при посредстве притяжательных форм, например: в нан. яз. *колхоз даламзини* 'председатель колхоза'.

В других тунгусо-маньчжурских языках суффиксу *-мзи* соответствуют: эвенк. *-мни* (сахалинский диалект *-мну*); эвен. *-мңа*, *-мүэ*; нан. и ульч. *-мзи*; маньчж. *-мци*, *-мси*, *-ци*, *-си*.

Два других суффикса, служащих для образования имен существительных от глагольных основ, менее четки по значению.

Суффикс *-ку* имеет два значения. Путем присоединения его к глагольным основам образуются имена существительные, обозначающие:

орудия действия: *вāку* 'оружие' (копье, ружье и т. п.), *вā-* 'убить'; *дэптуку* 'всякая посуда для еды', *дэпту-* 'есть'; *хулику* 'игрушка', *хули-* 'играть'; *силтуку* 'таз', *силту-* 'мыть'; *каперакку* 'деревянные зажимы', *капера-* 'зажать, прижать'; *дучуку* 'пешня', *дучи-* 'долбить лед'; *ахерику* 'веник', *ахери-* 'подметать';

место действия: *бэјчуку* 'место охоты', *бэјчи-* 'охотиться'; *бику* 'место для жилья', *би-* 'быть, жить, существовать'; *кэрэкку* 'тона, рыбалка, невод', *кэрэ-* 'неводить'; *годуку* 'место икрометания', *году-* 'метать икру'; *дэрэкличику* 'место отдыха', *дэрэкличи-* 'отдыхать'; *хаулуку* 'опухоль', *хаулу-* 'пухнуть'.

В некоторых случаях в одном и том же слове совмещаются оба значения, например: *кэрэкку* 'тона, рыбалка' и 'невод' от *кэрэ-* 'неводить'.

Примечание: Интересно имя существительное *бōтавчику* 'жаворонок', образованное путем сложения двух слов: *бō* 'погода' и *тавчику*, производное от глагола *тавчи-* 'поправить, починить'. Таким образом, *бōтавчику* 'жаворонок' (исходя из значения суффикса) — 'орудие исправления, поправки погоды'.

В других тунгусо-маньчжурских языках суффиксу *-ку* соответствуют в эвенк. *-ңки*, в эвен. *-ңка*, *-ңкэ*, в негид. *-ңки*, в нан. и ульч. *-ку*, маньчж. *-ку*.

Для образования имен существительных от глагольных основ служит также суффикс *-пу(н)*, с присоединением которого к глагольным основам образуются имена существительные со значением названия орудия или вообще предмета, с помощью которого производится действие. Например: *сōпу(н)* 'чумашка для вычерпывания воды из лодки', *сō-* 'черпать жидкость'; *тэлэпу(н)* 'распялка для шкур зверей', *тэлэ-* 'распяливать шкуры зверей'; *хэрипу(н)* 'лопата', *хэри-* 'сгребать снег'; *хосипу(н)* 'скребок для сдирания мездры со шкуры'; *хоси-* 'сдирать мездру со шкуры'; *хōпу(н)* 'топор', *хō-* 'рубить'; *пупу(н)* 'пила', в нан. и ульч. яз. *пū-* 'пилить'; *пуннэпу(н)* 'палка погонять оленей', *пуннэ-* 'погонять, выгонять оленей'; *чинэпу(н)* 'посох', *гопу(н)* 'шест в лодке' (для этих слов основы не выделяются).

В других тунгусо-маньчжурских языках суффиксу *-пу(н)* соответствуют в эвенк. *-вун*, в эвен. *-вун*, в негид. *-вун*, в нан. и ульч. *-пу(н)*, маньчж. *-фун*.

Сказанное об образовании имен существительных от глагольных основ позволяет сделать вывод, что орокский язык в этом отношении заметно отличается от северной группы, и в частности от эвенкийского, и тесно примыкает к языкам южной группы — нанайскому и ульчскому. Это сказывается и в количестве возможных форм (эвенкийский имеет 17 словообразовательных суффиксов, орокский только 3, приблизительно столько же нанайский и ульчский) и почти в полной тождественности звукового

состава словообразовательных суффиксов (орокского, нанайского и ульчского языков).

Названия времен года и суток в орокском языке образуются от соответствующих наречий при посредстве суффикса *-ни*, *-не*: *долбо* 'ночью' — *долбони* 'ночь', *боло* 'осенью' — *болони* 'осень'. В предложениях эти имена существительные обычно имеют при себе определение или указательное местоимение *ча* 'тот', или числительное *гэда* 'один'. Например: *Гэда сэксэниду жэсилни нимэрэтчи* 'Одним вечером друзья его пошли в гости'.

В разделе образования имен существительных от прилагательных приходится иметь в виду два случая: во-первых, образование имен существительных от основ, означающих признаки, с помощью словообразовательных суффиксов (субстантивные образования) и, во-вторых, переход в существительные самих названий признаков (субстантивация).

Субстантивируется небольшая группа имен прилагательных, как-то: *горопчи* 'древний, прежний', *сагзи* 'старый', *маси* 'сильный', *баја(н)* 'богатый', *маңга* 'крепкий', *орки(н)* 'плохой', а также прилагательные со значением признака по цвету.

Указанные прилагательные, за исключением *маңга* 'богатырь', *баја(н)* 'богач', редко употребляются в значении имени существительного в форме единственного числа, хотя отдельные примеры встречаются: *Сэри нѳмбони хакпаккатчи, чирэхэни* 'Черное, набросившись, его придавило' (человек в темноте не разобрал, что на него напал медведь, видел только что-то черное).

Чаще встречаются указанные прилагательные субстантивированными в форме множественного числа: *Халанда горопчисал дай наду битчичи* 'Когда-то прежние люди (*горопчисал*) жили на большой земле'.

Субстантивируются также и прилагательные с суффиксом *-дума*, *-думэ*, имеющим значение 'тот, который...': *Тагдадумак хуниүэнди чиполохони-тани — паккэ осини* 'В белое палец окул — плохо стало'.

Прилагательные, оформленные суффиксом притяжания 3-го л. ед. ч., встречаются только в значении имени существительного. Относить ли эти формы к субстантивным образованиям или считать их субстантивированными прилагательными — вопрос открытый. Морфологически они характеризуются теми же признаками, что и имена существительные: они склоняются, имеют при себе всегда определение — имя существительное, с которым связываются личным окончанием 3-го л. ед. ч.: *бојо(н) ајактанни* 'злость, свирепость медведя' (*ајактанни* 'злость, свирепость чья-либо' от *ајакта* 'злой, сердитый'). Например: *Ула масинни жу мази, козини моми, хујэлни маңгаулил, бэжэни дай* 'Сила оленя мощная, шея его толстая, рога крепкие, туловище большое' (*масинни* 'сила чья-либо' от *маси* 'сильный').

Определенно субстантивное образование — это образование имени существительного от прилагательного при помощи суффикса *-нни*, *-ни*, *-нне*, *-ннэ*, как-то: *агдуманне* 'старший брат' от *агдума* 'тот, который старше', *горопчинне* 'прежние люди, старые люди' от *горопчи* 'старый, древний, прежний'. Или в загадке: *Тагданне ивэчихэмбэни сэгдэнне иви́ни* 'То, что нарубил белый (человек), красный (человек) втаскивает'. Здесь *тагданне* 'белый (человек)' производное от *тагда(н)* 'белый', *сэгдэнне* 'красный (человек)' от *сэгдэ(н)* 'красный'.

Суффикс *-нни*, *-ни*, *-нне*, *-ннэ* нельзя связывать с личным окончанием 3-го л. ед. ч. При образовании множественного числа, а также падежных форм он не отрывается от основы.

При помощи указанного суффикса могут образовываться также имена существительные и от причастий прошедшего времени: *нимэрихэнни* 'гость' от *нимэрихэ(н)* 'пришедший в гости'. Например:

Гочи нбчи соррүкил битчичи: мэн мэттэкэри нимэрипис'с'э, нимэрихэннетэи ула нумисэни, сундатта пачиккэни, орки(н) дэпивэ тојовкил битчичи. 'Еще они враждовали (из-за того, что), когда в гости приходили, пришедшего в гости угощали желудком оленя, хвостом рыбы или вообще плохой пищей' (*нимэрихэннетэи* — форма направительного падежа).

В рассматриваемую группу попадает и существительное *хусэнне* 'мужчина', которому в языке нанай и ульчей имеются следующие параллели: орок. *хусэнне*, ульч. *хусэни*, нан. *хусэнај*.

Указанные имена существительные, образованные от прилагательных посредством присоединения суффикса *-нне*, *-нни*, в падежном и прочем оформлении встречаются нечасто, и потому трудно проследить, насколько они подвергаются словоизменению. Пока можно отметить лишь форму множественного числа и форму винительного падежа единственного числа. Форма множественного числа та же, что и для прочих имен существительных с суффиксом *-сал*, *-сэл*, причем в словообразовательном суффиксе *-нне*, *-нни*, *-ни*, *-не* согласный теряет свою палатальность, а узкий гласный заменяется широким. Например: *агдуманне* 'старший брат' — *агдуманасал* 'старшие братья'; *горопчинне* 'древние люди' — *горопчинасал* (перевод тот же).

Форма винительного падежа у рассматриваемых существительных интересна наличием суффикса *-па*, *-пэ*, который в языках ульчском и нанайском можно считать почти омертвевшим, поскольку там он встречается только в наречиях. Например: *боалпа* 'снаружи', *дбкиапа* 'внутри', и т. п.

От числительных в орокском языке имеется ряд субстантивных образований, которые по значению содержат в себе одновременно и указание на число, и указание на предмет.

Имена существительные, употребляющиеся для счетных группировок дней, образуются от количественных числительных

через присоединение суффикса *-лта*, *-лтэ*. Конечный *н* количественного числительного при этом не выявляется: *илалта* 'три дня, трехдневка', *ила(н)* 'три'; *нуултэ* 'шесть дней, шестидневка', *нуу(н)* 'шесть'; *надалта* 'семь дней, неделя', *нада(н)* 'семь'.

Имена существительные, употребляющиеся для обозначения предметов с количественным признаком, образуются путем присоединения к повторительному числительному суффикса *-гда*, *-гдэ*: *дүрэгдэ* 'двойки' от *дүрэ* 'дважды' (*дү* 'два'), *иларагда* 'тройки' от *илара* 'трижды' (*ила(н)* 'три').

Из указанных двух видов образования в текстах наиболее часто встречаются имена существительные с суффиксом *-лта*, *-лтэ*, но они не дают разнообразных форм изменения — всегда это основа имени существительного в форме именительного падежа. Вторая форма с суффиксом *-гда*, *-гдэ* получена была в беседе с ороками; в текстах таких образований не встретилось. Итак, эти два типа словообразования только по своей семантике могут быть отнесены к именам существительным. Соответствующих форм словоизменения они не имеют.

Группа собирательных числительных, образованных от числительных количественных через присоединение суффикса *-нни*, *-нне* (см. сходное образование от прилагательных), представляет субстантивное образование не только по значению, но и по допустимым для них формам числа и падежа: *дүнни* 'двое', *дү* 'два'; *иланни* 'трое', *ила(н)* 'три'; *зинни* 'четверо', *зин* 'четыре'; *тунданни* 'пятеро', *тунда* 'пять', а также *бāрани* 'масса' от *бāра(н)* 'много'.

Примеры: *Гидара Набила унидуни зинни битчичи* — 'нэу-вунэсэл' 'Однажды на реке Набила четверо жили — все братья'. *Таматчу дүнне нэнуүэчи* 'Оттуда вдвоем ушли'. *Чомдико итэдүхэни хамаридуни тунданне гевлимари хиндаүачи* 'Вдруг он увидел, что позади него, впятером гребя, приближаются'. *Ночи зин бāранни битчичи* 'Они в очень большом количестве были'.

Форма числительного на *-нне*, *-нни* может принимать также оформитель множественного числа *-сал*. Например: *Иланнесал тагда(н) пэттэ вāүачи* 'Трое убили белую нерпу' (*иланнесал* 'трое' имеет форму множественного числа).

Образования с суффиксом *-нне*, *-нни*, *-ни*, *-не*, как и сходные образования от прилагательных, в винительном падеже имеют оформитель *-ла*, *-лэ*. Например: *иланнепа* 'троих'. *Пулахи иланнепа гэлэндэвэтчини курбуби* 'Пулахи послал троих разыскивать своего оленя'.

Вторая группа собирательных числительных с суффиксом *-туңаса*, *-туңэсэ*, *-туңасазири*, *-туңэсэзири* (*илатуңаса* 'трое, втроем', *дүтуңэсэ* 'двое, вдвоем' и т. д.) — форма, субстантивированная только по значению: *Би илатуңаса уиүэтчи, мб пэјсэј мэтэлэхэмби* 'Я троих (медвежат), связавши, под дерево бросил.

Гидара нбчи дүтунэсэ сиромбо гобдогочи 'Однажды они вдвоем на оленей охотились'.

Суффикс *-туңаса* может быть разбит на три элемента: *ту+ңа+са*, из них *ту* и *са* можно считать обозначающими собирательность, тесную связанность (ср. нанайское: *зуэту* 'оба', *зуэр* 'два'; *хэмту* 'весь целиком, все без исключения' от *хэм* 'все, всё, весь'), что же касается *ңа*, то имеется основание сопоставлять его с суффиксом *-ңа* в эвенкийском языке — *муңэ* 'наши люди, свои', *суңэ* 'ваши люди' — и таким образом связать его со словом *нари* ~ *нај* ~ *ни* 'человек' и с рассмотренным выше суффиксом *-нне*, *-нни*.

Словообразование внутри категории имен существительных

Среди суффиксов этой категории наиболее четким по своему значению является суффикс *-ннени*, путем присоединения которого к именам существительным, чаще всего обозначающим название места, образуются новые существительные со значением „житель данной местности“. Например: *Дахи* и *Валу* — названия рек, *дахиннени* 'житель по р. Дахи', *валуннени* 'житель по р. Валу'; *нимэ* 'сосед', *нимэннени* 'житель по соседству'; *нā* 'земля', *нāннени* 'туземец, человек земли'; *эвве* 'эта сторона', *эввеннени* 'здешний житель'; *дуку* 'дом', *дукуннени* 'жители одного дома, семья'; *буни* 'загробный мир', *буниннени* 'человек загробного мира'.

При склонении существительных указанного образования окончание *-ни* ставится после падежных суффиксов, что позволяет считать его притяжательным суффиксом 3-го л. ед. ч. Таким образом, выясняется, что суффикс *-ннени* — составной суффикс, в котором конечное *-ни* является притяжением. Первую же его часть *-ннэ* можно сопоставить с нанайским словом *нај* или же ульчским *ни* — и то и другое в значении „человек“. Тогда приведенные для примера слова в точном переводе могут значить: *дахиннени* 'человек р. Дахи', *буниннени* 'человек загробного мира', и т. д.

Несколько труднее дать такой же перевод словам *нāннени* 'туземец' и *нимэннени* 'житель по соседству', но все же значение этих слов вполне может быть увязано со словом „человек“.

Рассматриваемый суффикс можно считать идентичным суффиксу *-нне*, *-нни*, *-ни* при собирательных числительных *иланни* 'трое', *дүнни* 'двое', и т. д., а также в образованиях от прилагательных типа *агдуманне*, *горопчинне* и т. п. Связь суффикса *-ни* со словом „человек“ в подобных образованиях ульчского языка у самих ульчей не вызывает сомнения.

Употребление собирательного числительного типа *иланни* 'трое' в отношении не только человека, но и животных находит

свое объяснение в том, что в языке нанай слово *нај* 'человек' употребляется также и в значении „порода, разновидность, особь“. Например: *токаса нај* 'заячья порода', *соли нај* 'листья порода' (в сказках).

Орокскому суффиксу *-ннѐни* в других тунгусо-маньчжурских языках соответствуют эвенк. *-ган*, эвен. *-мѝа*, *-нкан*, негид. *-нкан*, *-кан*, ульч. *-нча(н)*, нан. *-нкѝа*, уд. *-нка*.

Второй словообразовательный суффикс внутри категории имен существительных *-пту(н)* можно считать уже омертвевшим, поскольку он является малопродуктивным: слов с ним зарегистрировано немного, причем значение основы некоторых слов нельзя определить.

При помощи суффикса *-пту(н)* образуются в основном названия предметов, соприкасающихся с данным предметом или надеваемых на него. Например: *тавапту(н)* 'место у печки', *тава* 'огонь'; *утапту(н)* 'носки', *ута* 'обувь'; *хосопту(н)* 'грудная клетка', *хосо* 'лапа зверя', *хосо-* 'чесать рукой'.

В других тунгусо-маньчжурских языках суффиксу *-пту(н)* соответствуют эвенк. *-птун*, эвен. *-пан*, *-пѝн*, негид. *-пун*, нан. и ульч. *-пту(н)*, маньчж. *-тунь*.

Имена существительные с суффиксом *-ска*, *-скѝа* представляют группу слов с четким общим признаком и с легко выделяемой основой, а именно название шкур животных, образованных от названия самого животного: *пѝттѝскѝа* 'нерпичья шкура', *пѝттѝ* 'нерпа'; *бојоско* 'шкура медведя', *бојо(н)* 'медведь'; *хониска* 'овчина', *хони(н)* 'овца'; *аминаска* 'кожа рыбы-самца', *amina сундата* 'рыба-самец'.

В других тунгусо-маньчжурских языках суффиксу *-ска*, *-скѝа* орокского языка соответствуют эвенк. *-кса*, эвен. *-са*, *-сѝа*, *-с*, негид. *-хса*, нан. и ульч. *-кса*, *-ксѝа*.

В орокском языке близкое суффиксу *-ска*, *-скѝа* звукосочетание *ксѝа*, *кса*, *ска*, *скѝа* встречается в небольшой группе слов как вполне омертвевший суффикс, как неотделимая часть слова. Например: *геокса* 'нерпа-однолетка', *тукса* 'заяц', *с'ѝкс'ѝа* 'кровь', *дѝкс'ѝа* 'весы', *суксѝа* 'шнурки обуви'; *бускѝа* 'хрящ', *силчискѝа* 'береста у огнива', *тѝвѝскѝа* 'тучи, облака', *турѝскѝа* 'голенщике', *силѝскѝа* 'роса', *синаска* 'луб с тальника'.

Итак, имена существительные с новым значением образуются от существительных же при помощи рассмотренных выше трех суффиксов: *-ннѐни*, *-пту(н)* и *-ска*, *-скѝа*.

Словообразование с продуктивным суффиксом *-ннѐни* довольно резко отличает отыменное словообразование имен существительных орокского языка от такого же образования в других тунгусо-маньчжурских языках.

Следует отметить еще суффикс *-ѝе*, который (как и его варианты *-кке*, *-вве* и др.) входит в состав многих имен существительных с пространственным значением (см. стр. 59).

Суффикс *-ze* придает имени существительному значение соответствующей стороны. Например: *су(н)* 'солнце', *суze* 'страна солнца' (так называют ороки Южный Сахалин); *нā* 'земля', *нāze* 'сторона земли, берег' (в противопоставлении водному пространству) и др.

Имеющийся в категории имени существительного словообразовательный суффикс *-та* не образует слов с новым значением, а лишь вносит новый признак уменьшения в уже имеющееся значение. Например: *дуку* 'дом' — *дукута* 'домик', *ула* 'олень' — *улата* 'оленок', *боји* 'кедр' — *бојита* 'невысокий кедр'. Встречается крайне редко.

Суффиксу *-та*, как уменьшительному суффиксу, в других тунгусо-маньчжурских языках соответствуют эвенк., эвен., негид. *-чан*, нан., ульч. *-ка(н)*, маньчж. *-кан*.

СЛОВОИЗМЕНЕНИЕ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

Имена существительные могут изменяться в числе, иметь притяжательные формы, а также падежные формы простого и притяжательного склонения.

Орокскому языку, как представителю тунгусо-маньчжурской группы языков, несвойственны категории рода и категории одушевленности и неодушевленности. В языке ороков все предметы подразделяются на два класса: человек (кузнец, учитель, ребенок и пр.) и все прочее (животные, растения, орудия, предметы быта, явления природы и т. д.). Такое подразделение подтверждается наличием и употреблением двух вопросительных местоимений: *нуј?* ~ *нуи?* 'кто?' по отношению к человеку и *хај?* ~ *хаи?* 'кто?', 'что?' — к остальному миру.

Конечные звуки основ имен существительных

В орокском языке образование форм числа, притяжания и склонения в морфологическом отношении однотипно. Какие-либо отклонения зависят исключительно от фонетических (ассимиляционных) изменений. А так как основа играет при присоединении суффиксов ведущую роль, то необходимо раньше всего ознакомиться с типами основ.

За исключением крайне ограниченного количества слов, имена существительные в орокском языке в основной форме оканчиваются на гласный звук. При присоединении же суффиксов притяжания и падежных суффиксов приблизительно 20—25% из них выявляет конечный *н*. Например: *апу(н)* 'шапка', *апунду* 'в шапке' (местн. пад.); *мури(н)* 'лошадь', *муринтаи* 'к лошади' (напр.-дат. пад.).

Просмотр словарного материала показал, что *н* выявляется в именах существительных со следующими окончаниями:

-пу(н) — словообразовательный суффикс (см. стр. 28) — *холу(н)* 'топор', *хэрипу(н)* 'лопата', *гопу(н)* 'шест в лодке', *чинэпу(н)* 'посох', *хосипу(н)* 'скребок';

-пту(н) — словообразовательный суффикс (см. стр. 33) — *хунапту(н)* 'наперсток', *сёпту(н)* 'наушники';

-га(н) — омертвевший элемент — *ачиҕа(н)* 'крыса', *анаҕа(н)* 'бусинка', *хацуҕа(н)* 'подвесной котел', *хулэҕэ(н)* 'верхний полоз нарт', *хуниҕэ(н)* 'указательный палец', *хуриҕэ(н)* 'гора', *сиҕэ(н)* 'женская серьга', *тэҕэ(н)* 'подол', *паҕдиҕа(н)* 'ступни';

-хи(н) — омертвевший элемент — *потчохи(н)* 'бокоплав' (рачок), *пухи(н)* 'кишки', *сэдэхи(н)* 'нары в доме', *холдохи(н)* 'сушеная юкола', *гултухи(н)* 'шест';

-в — в тех случаях, когда его по значению можно свести к словообразовательному суффиксу -вун северной группы тунгусо-маньчжурских языков (см. стр. 25), — *додов* 'ковш из бересты', *хапсав* 'женская сумка'.

Кроме того, конечный *н* выявляется в следующих группах слов:

в группе отглагольных образований (см. стр. 24) — *тувэдэ(н)* 'место зимней кочевки', *дувада(н)* 'место летней кочевки';

в группе заимствованных слов — *мури(н)* 'лошадь', *иха(н)* 'корова', *хони(н)* 'овца', *меокча(н)* ~ *меотча(н)* 'ружье', *даусу(н)* 'соль', *Сеса(н)* 'Япония'.

Остальные группы имен существительных, выявляющих конечный *н*, очень малочисленны и неустойчивы.

Из сравнительно обширного материала можно было выбрать лишь несколько имен существительных с закрытым слогом на конце, причем большинство из них имеет на конце *л*, и только единицы — *г*, *н*. Например: *бол* 'раб', *умул* 'пояс', *амичил* 'родные по отцу', *эничил* 'родные по матери', *духаил* 'однофамильцы', *маңусал* 'ульчи', *андал* 'друг', *пурэсэл* 'молодежь', *пурил* 'дети', *исал* 'глаза', *сагзисал* 'старики'; имеют на конце *г* и *н*: *мэг* 'нос лодки', *јаң* 'хребет гор', *пэрэг* 'дно'.

Конечный *л* в основах поддерживается в языке наличием форм множественного числа с суффиксом -сал и -л. Вообще же в орокском языке аналогия заметно сглаживает различия в окончаниях основ имен существительных, стремясь свести их к одному типу с конечным гласным. Нередки случаи, когда слово при присоединении падежных суффиксов то выявляет конечный *н*, то не выявляет. Например, *купэ(н)* 'нити' может иметь в винительном падеже форму и *купэвэ*, и *купэмбэ*; *кото* 'палец', *котово* (вин. пад.), *котонду* (местн. I пад.), т. е. в винительном падеже конечный *н* основы не выявляется, в местном I имеется. В примерах слов, выявляющих конечный *н*, *н* заключается в скобки. Например: *апу(н)*, *мори(н)*. В текстах такой прием не всегда проводится.

Число имен существительных

В орокском языке чисел два — единственное, не имеющее оформления, и множественное, оформленное специальным суффиксом -л или -сал, -сэл, -сали, -сэли. Например: *нари* 'человек', *нарил* ~ *нарисал* 'люди'; *дуку* 'дом', *дукул* ~ *дукусал* 'домá'; *ула* 'олень', *улал* ~ *уласал* 'олени'; *апу(н)* 'шапка', *апусал* 'шапки', и т. д.

При присоединении суффикса множественного числа соответствующие основы имен существительных не выявляют конечного *н*.

Иногда при присоединении суффикса множественного числа широкий гласный конечного слога основы меняется на *и*. Например: *һинда* 'собака', *һинзил* 'собаки'.

То же можно наблюдать и с гласным суффикса -сал, -сэл. Например: *энин-* 'мать', *энисилчу* 'ваши матери'; *амин-* 'отец', *амисилчу* 'ваши отцы'.

Вообще же следует отметить, что как суффиксом -л, так и -сал, -сэл ороки пользуются для имен существительных редко, а если встречается необходимость в указании множественности, то чаще употребляется слово *бара(н)* 'много'. С другой стороны, словарный материал по орокскому языку дает несколько имен существительных, в которых суффиксы, указанные для множественного числа, являются словообразовательными: *амичил* 'родные по отцу', *эничил* 'родные по матери', *духаил* 'однофамильцы', *исал* ~ *исасал* 'глаза', *пурэсэл* 'молодежь', *пурил* 'дети', *сагзисал* 'старики'.

Существительные *пурэсэл* 'молодежь' и *сагзисал* 'старики' образованы от прилагательных *пурэ* 'молодой' (о людях), *сагзи* 'старый'.

Суффиксы -л, -сал, -сэл как оформители множественного числа имеют широкое распространение во всех тунгусо-маньчжурских языках, причем -л больше используется северной группой, а -сал — южной.

Притяжательные формы имен существительных

С помощью системы притяжания выражаются отношения между предметами по их принадлежности, причем сюда следует относить не только выражение отношения предмета обладания к обладателю, но также и части к целому, опредмеченного свойства к его носителю и т. д. Притяжательные сочетания, которые выражают эти отношения, состоят из двух членов: первый — определение, выраженное именем существительным или личным местоимением, — обозначает обладателя, второй — определяемое, выражаемое всегда именем существительным, — обо-

значает предмет обладания. Это имя существительное в сочетании должно иметь притяжательную форму.

Притяжательные формы имен существительных образуются посредством притяжательных суффиксов. Притяжательные суффиксы (а вместе с ними и формы) делятся на личные и возвратные. Личные притяжательные суффиксы 1-го и 2-го л. ед. и мн. ч. употребляются при сочетании имени существительного с соответствующими личными местоимениями (*би улаби* 'мой олень', *си уласи* 'твой олень', и т. д.). Притяжательные суффиксы 3-го л. ед. и мн. ч. употребляются при сочетании имени существительного как с соответствующим личным местоимением 3-го л., так и с любым именем существительным (*нони поктони* 'его след', *бојо(н) поктони* 'след зверя').

Количество лично-притяжательных суффиксов определяется количеством личных местоимений, с формами которых они имеют тесную связь.

Личные местоимения			Лично-притяжательные суффиксы		
	ед. ч.	мн. ч.	ед. ч.	мн. ч.	
1-е л.	<i>би</i> 'я'	<i>бу</i> 'мы'	<i>-би, -ви, -в</i>	<i>-пу</i>	
2-е л.	<i>си</i> 'ты'	<i>су</i> 'вы'	<i>-си, -тчи, -чи</i>	<i>-су, -тчу, -чу</i>	
3-е л.	<i>нони</i> 'он', 'она', 'оно'	<i>ночи</i> 'они'	<i>-ни</i>	<i>-тчи, -чи</i>	

Лично-притяжательный суффикс 2-го л. ед. ч. под влиянием фонетических условий может совпадать с суффиксом 3-го л. мн. ч. *-чи*.

Возвратное притяжание выражает принадлежность предмета действующему лицу. Поэтому имя существительное с возвратным суффиксом может быть или определением, или дополнением, или обстоятельством, но никогда не выступает в роли подлежащего.

Возвратно-притяжательные суффиксы различаются только в отношении числа действующих лиц:

в ед. ч. *-би, -и* (последний — в ряде падежных форм) выражает понятие 'свой' для одного лица;

во мн. ч. *-бари, -бэри, -ри* выражает понятие 'свой' для нескольких лиц.

Например: *Би улаби итэхэмби* 'Я своего оленя видел'; *Бу улабари итэнэпу* 'Мы своего оленя видели'.

Приведем примеры на формы с притяжательными суффиксами.

Основа имени существительного с конечным гласным *ула* 'олень':

<i>улаби</i>	'мой олень'	<i>улапу</i>	'наш олень'
<i>уласи</i>	'твой олень'	<i>уласу</i>	'ваш олень'
<i>улаи</i>	'его олень'	<i>улачи</i>	'их олень'

улаби 'своего оленя' (выражает отношение к одному лицу)

улабари 'своего оленя' (выражает отношение к нескольким лицам)

Основа имени существительного, выявляющая конечный *н* (*апу(н)* 'шапка'):

апумби 'моя шапка'
апутчи 'твоя шапка'
апунн ~ *апунни* 'его шапка'
апумби 'свою шапку' (ед. ч.)

апуппу, *апупу* 'наша шапка'
апутчу 'ваша шапка'
апучи ~ *апутчи* 'их шапка'
апумбари 'свою шапку' (мн. ч.)

В притяжательных формах основы с *н* можно отметить ряд фонетических ассимиляционных изменений:

н перед суффиксом 1-го л. ед. ч. *-би*, а также перед возвратным *-би*, *-бари* переходит в *м* — *апумби* (регрессивная неполная ассимиляция);

н перед суффиксом 1-го л. мн. ч. *-пу* переходит в *п* — *апуппу* (регрессивная полная ассимиляция);

при присоединении суффикса 2-го л. ед. ч. *-си* и мн. ч. *-су* происходит двойная ассимиляция: *н* основы переходит в *т*, а *с* суффикса в *ч* — *апутчи* 'твоя шапка', *апутчу* 'ваша шапка', причем возможно и слияние *т+ч* в *ч*;

при присоединении суффикса 3-го л. как единственного, так и множественного числа конечный *н* основы может выявляться и может, ассимилируясь, сливаться; в первом случае имеем в единственном числе удвоение *апунни* 'его шапка', во множественном числе в силу ассимиляции — переход *н* в *т* — *апутчи* 'их шапка' (форма, омонимичная с формой, имеющей притяжательный суффикс 2-го л. ед. ч.), во втором случае имеем *апунн* 'его шапка', *апучи* 'их шапка'.

Притяжательные формы имен существительных связаны с группой так называемых несамостоятельных притяжательных местоимений.

Для личных притяжательных форм, связанных с 1-м и 2-м л. ед. и мн. ч., употребляются в роли несамостоятельных притяжательных местоимений два вида местоимений:

	ед. ч.		мн. ч.	
1-е л.	<i>би</i> ~ <i>мин</i>	'мой'	<i>бу</i> ~ <i>мун</i> (~ <i>муну</i>)	'наш'
2-е л.	<i>си</i> ~ <i>син</i>	'твой'	<i>су</i> ~ <i>сун</i> (~ <i>суну</i>)	'ваш'
3-е л.	<i>нб̄ни</i>	'его'	<i>нб̄чи</i>	'их'

Для возвратно-притяжательных форм употребляется несамостоятельное местоимение, не различающееся по числам:

	ед. ч.		мн. ч.	
	<i>мэнэ</i> (<i>мэн</i>)	'свой' (одного)	<i>мэнэ</i> (<i>мэн</i>)	'свой' (многих)

Местоимения *би, бу, си, су, нōни, нōчи*, кроме роли несамостоятельных притяжательных местоимений, в других сочетаниях выступают как личные местоимения (*би* 'я', *бу* 'мы', *си* 'ты', *су* 'вы', *нōни* 'он', *нōчи* 'они').

Формы несамостоятельных местоимений *мин, мун, син, сун* являются соответствующими основами косвенных падежей личных местоимений 1-го и 2-го л. ед. и мн. ч., *мэн* — склоняемая основа для возвратных местоимений.

Кроме того, несамостоятельные местоимения 1-го и 2-го л. ед. и мн. ч., а также и *мэн* не являются значимыми словами вне указанного сочетания с именами существительными (почему к ним и применяется термин „несамостоятельные“). Формы эти чисто служебные.

Несамостоятельные притяжательные местоимения как определения всегда занимают место перед определяемым. Служебная роль их невелика, и они могут без ущерба для смысла и значения быть отброшены, так как наличия притяжательных суффиксов при именах существительных вполне достаточно для выражения отношения к определенному лицу.

При образовании притяжательных форм в орокском языке чрезвычайно распространено употребление суффикса относительного притяжания *-ну*.

Суффикс *-ну* в именах с притяжательными суффиксами как личными, так и возвратными показывает, что предмет или добыт, или попал в круг действия данного лица (или лиц), или каким-либо другим образом освоено данным лицом. В рассказах наименования всех действующих лиц и предметов, на которые направлены действия, обычно имеют этот суффикс с обязательным наличием оформителя личного или возвратного притяжания. Например:

Нōчи муротчици: ча униңури зиң дāи 'Они думают: та река очень большая' (*уни* 'река' + суфф. *-ну* + возвр.-притяж. суфф. *-ри* — река уже стала в какой-то мере принадлежать им, хотя бы потому, что они ее видят и едут по ней);

Бојоңуни тунда ананиңулу 'Его медведь имеет пять лет' (*бојо(н)* 'медведь' + суфф. *-ну* + личный суфф. *-ни*; *анани* 'год' + суфф. *-ну* + суфф. обладания *-лу* — медведь принадлежит кому-то, потому и слово имеет соответствующее оформление; годы принадлежат медведю, а потому к слову „год“ присоединены суффикс *-ну* и суффикс *-лу*; после суффикса *-лу* суффикс принадлежности 3-го л. не ставится); *Симанаңуци тукини лака* 'Выпадение снега близко' (*симана* 'снег' + суфф. *-ну* + личный суфф. 3-го л. мн. ч. *-чи*). 'Снег' имеет отношение (судя по контексту) к их (охотников) действию, а потому слово стоит в соответствующем притяжательном оформлении.

Необходимо отметить, что когда речь идет о предметах органического обладания, о частях организма самого облада-

теля, то суффикс *-ну* в образовании притяжательных форм не участвует. Например: *мин зилиби* 'моя голова', *мин зилинуби* 'мне принадлежащая чья-то голова' (например, убитого медведя).

В орокском языке нет родительного падежа (или другого какого-либо, по значению его заменяющего) с притяжательной функцией. Отношение предметов друг к другу по принадлежности выражается также с помощью притяжательных форм: *дуку утэни* 'дверь дома' (*дуку* 'дом', *утэ* 'дверь', *-ни* — притяжательный суффикс 3-го л. ед. ч.).

В таком случае существительное-определение без всякого падежного оформителя ставится впереди существительного-определяемого, которое при этом принимает личное окончание 3-го л. или ед. ч. *-ни*, или мн. ч. *-чи* в зависимости от того числа, в котором стоит существительное-определение: *сиро сэсини* 'оленье стадо' (диких оленей), *сирол сэсилчи* 'оленьи стада', *сиро* 'дикий олень', *сэси* 'стадо'. В первом примере имеем оформление в единственном числе, во втором — во множественном числе с суффиксом *-л*.

Но не все имена существительные в роли определения требуют от определяемого оформления притяжательным суффиксом 3-го л. Так, имеется группа слов, по значению как будто и относящихся к существительным, но почти не встречающихся в формах числа, притяжания и склонения, свойственных имени существительному. Эти слова становятся простыми показателями (определителями) пола, они как бы теряют знаменательность, делаются служебными словами. К таким словам относятся

хусэ 'самец', *эктэ* 'самка' — обозначают пол животных, например: *эктэ мапа* 'медведица';¹

слова, производные от *ама* (*амин-*) 'отец', *энэ* (*энин-*) 'мать', которыми дается определение пола для рыб, нерпы и птиц: *энинэ сундатта* 'икряная рыба' (самка), *амина сундатта* 'рыба с молоками' (самец); *энинэ гаса* 'птица самка', *амина гаса* 'птица самец'; *энинэ пэттэ* 'самка нерпа', *амина пэттэ* 'самец нерпа'.

Притяжательные суффиксы орокского языка в полном своем составе обнаруживают наибольшее фонетическое сходство с притяжательными суффиксами в языках ульчей и нанай.

Сопоставление сходных форм указывает, что несамостоятельные притяжательные местоимения представляют полное сходство с теми же формами в языках эвенском, негидальском и ульчском.

¹ В словарном материале, который мне удалось собрать, имеется слово *хусэнне* 'мужчина'. Слово это образовано от указанного выше слова *хусэ* с помощью суффикса *-нне* так же, как образуются имена существительные от имен прилагательных. Из этого можно заключить, что природа слова *хусэ* не вполне совпадает с тем, что наблюдается для имен существительных.

Склонение имен существительных

В зависимости от конечного звука основ имен существительных в орокском языке различаются два типа склонения. К первому типу склонения относятся имена существительные, основы которых, оканчиваясь на гласный звук, не выявляют *н* при присоединении падежных суффиксов. Например: *сундата* 'рыба', *убу* 'часть, пай', *путтэ* 'ребенок', *иктэ* 'зубы'. Ко второму типу склонения относятся имена существительные, основа которых выявляет *н* или оканчивается на согласный звук. Например: *апу(н)* 'шапка', *мэва(н)* 'сердце', *мухали(н)* 'пуля', *умул* 'пояс', *јау* 'горный хребет'.

Различие между склонениями первого и второго типа заключается в особых суффиксах винительного и местного II падежей, а также в ряде ассимиляционных изменений конечного *н* основы и согласного суффикса.

Существительные во множественном числе с суффиксами *-л*, *-сал*, *-сэл*, *-сали*, *-сэли* (в последнем случае конечный гласный отпадает) изменяются при склонении по образцу второго типа.

Кроме того, в орокском языке, как и в других тунгусо-маньчжурских языках, за исключением маньчжурского, склонение может быть простым и притяжательным. Как простое склонение, так и притяжательное представляют собой систему форм, выражающих различные отношения между предметами и действиями и, как редкий случай, между предметами, но притяжательное склонение, кроме того, содержит в себе указание на принадлежность данного предмета определенному лицу, что выражается через присоединение к падежной форме соответствующего притяжательного суффикса: *улатаи* 'оленю', 'к оленю', *улатаиси* 'твоему оленю', 'к твоему оленю'. Иначе говоря, притяжательным склонением называется изменение по падежам притяжательной формы имени существительного.

В системе склонения орокского языка насчитывается 9 падежей для простого склонения и 10 для притяжательного. Каждый падеж имеет несколько значений.

Изменение по падежам проводится путем прибавления к основе соответствующих падежных суффиксов (табл. 3).

Во множественном числе падежному суффиксу предшествует суффикс множественного числа *-л* или *-сал*, *-сэл* (табл. 4).

Отмечаем случаи ассимиляции при присоединении падежных суффиксов к именам существительным, основа которых выявляет конечный *н*:

прогрессивную и регрессивную ассимиляцию в винительном падеже, когда конечный *н* основы переходит в *м*, а *в* суффикса — в *б* (*апу(н)* 'шапка', *апумба* 'шапку');

Падежные вопросы и суффиксы падежей

Падежи	Вопросы	Значение	Суффиксы
Именительный	<i>нуу? хаи?</i>	кто? что?	—
Винительный	<i>нуувэ? хаива?</i>	кого? что? о ком? о чем? про кого? про что? каким путем? по чему?	-ва/-вэ/-во/-ву, -ба/-бэ/-бо/-бу, -па/-пэ
Местный I	<i>нуиду? хаиду?</i>	у кого? где? когда? за кого? за что? (держать, взять)	-ду
Направительно-дательный	<i>нуитэи? хаитай?</i>	кому? (дать, сказать, послать), к кому? к чему? куда?	-тай/-тэи, -таки/-тэки
Местный II	<i>нуилэ? хаила?</i>	где? куда? вдоль чего? за что? (дать, платить), из кого? из чего? у кого? (брать), от кого? (узнать)	-ла/-лэ, -дула/-дулэ
Продольный	<i>нууки? хаики?</i>	во что? где? на чем? вдоль чего? по чему? через что?	-ки/-ке, -кки/-кке
Исходный	<i>нуиду? хаиду? хавведу?</i>	откуда? от кого?	-ду/-дуки, -веду
Творительный	<i>нуузи? хаузи?</i>	чем? (орудие), из чего? (материал), на чем? (средство передвижения)	-зи
Совместный	<i>нуинду? хаиндо?</i>	с кем?	-ндо/-нду
Назначительный	<i>нуидуну? хаидони?</i>	для кого что, кого? (предназначают)	-до/-ду- (всегда с притяжательным суффиксом)

полную регрессивную ассимиляцию, когда конечный *н* основы переходит в *т* перед суффиксом направительно-дательного падежа *-тай* (*апуттай* 'к шапке');

также полную регрессивную ассимиляцию, когда конечный *н* основы переходит в *к* перед суффиксом продольного падежа *-ки* (*апукки* 'по шапке').

Необходимо также отметить следующие отличительные моменты в склонении орокского языка.

Некоторые имена существительные имеют в винительном падеже суффикс I склонения *-ва*, являясь в других падежах именами II склонения. Например: *кото* 'палец', *котонду* (местн.

Склонение имен существительных по типам

Падеж	I тип		II тип	
	единственное число	множественное число	единственное число	множественное число
Именительный	<i>унда</i> 'собака'	<i>унзил</i> 'собаки'	<i>апу(н)</i> 'шапка'	<i>апусал</i> 'шапки'
Винительный	<i>ундава</i>	<i>унзилба</i>	<i>апумба</i>	<i>апусалба</i>
Местный I	<i>ундаду</i>	<i>унзилду</i>	<i>апунду</i>	<i>апусалду</i>
Направительно-дательный	<i>ундатаи</i>	<i>унзилтаи</i>	<i>апуттаи</i>	<i>апусалтаи</i>
Местный II	<i>ундала</i>	<i>унзилдула</i>	<i>апундула</i>	<i>апусалдула</i>
Продольный	<i>ундаки</i>	<i>унзилки</i>	<i>апукки</i>	<i>апусалки</i>
Исходный	<i>ундазеду</i>	<i>унзилзеду</i>	<i>апузеду</i>	<i>апусалзеду</i>
Творительный	<i>ундази</i>	<i>унзилзи</i>	<i>апузи</i>	<i>апусалзи</i>
Совместный	<i>ундандо</i>	(<i>ундалдо</i>)	—	—

I пад., *котово* (вин. пад.), *хачууа(н)* 'котел', *хачууā* (вин. пад.), *хачууанду* (местн. II пад.). В этом, очевидно, сказывается закон аналогии, стремящийся установить большее единообразие в языке.

Кроме того, суффикс винительного падежа I склонения может терять свой начальный согласный *в*, в результате чего в языке ороков очень часто прямое дополнение суффикса винительного падежа не имеет и употребляется в форме, которая образовалась в результате выпадения *в* суффикса:

если основы имен существительных имеют на конце гласные *а*, *о*, *у*, *э* (исключаются узкие *и* и *е*), т. е. те же, какие может иметь суффикс винительного падежа (*-ва*, *-во*, *-вэ*, *-ву*), то иногда выпадение *в* в суффиксе в таких случаях приводит к долготе конечного гласного слова — *хачууā* 'котел', *хачууа+ва* > *хачууā* (вин. пад.), *элу* 'лук', *элу+ву* > *элū* (вин. пад.);

если основа имени оканчивается на *и*, то выпадение *в* суффикса приводит к образованию *ē* или дифтонга на конце слова — *писи* 'пыж ружейный', *писи+вэ* > *писиэ* (вин. пад.); *нари* 'человек', *нари+ва* > *наррē* (вин. пад.);

если основа имени оканчивается на *в*, то *в* суффикса сливается с конечным *в* основы — *аундав* 'зимняя юрта', *аундав+ва* > *аундава*;

если основа имени оканчивается слогом *ва*, *во*, *вэ*, *ву*, то суффикс винительного падежа не употребляется, так как в орокском языке редко допускается стечение двух одинаково звучащих слогов рядом — *пава* 'окно', *пава+ва* > *пава* (вин. пад.); *гēва* 'заря', *гēва+ва* > *гēва* (вин. пад.).

Лично-притяжательное склонение имен существительных

Падежи	Имена с личным суффиксом единственного числа			Имена с личным суффиксом множественного числа		
	1-е лицо	2-е лицо	3-е лицо	1-е лицо	2-е лицо	3-е лицо
Именительный	апумби	апутчи	апунчи	апуппу	апутчу	апучи
Винительный	апумбави	апумбаси	апумбани	апумбапу	апумбасу	апумбачи
Местный I	апундуви	апундуси	апундуни	апундупу	апундусу	апундучи
Направительно-дательный	апуттасиви	апуттаси	апуттасини	апуттапу	апуттасу	апуттасичи
Местный II	апундулави	апундуласи	апундулани	апундулапу	апундуласу	апундулачичи
Продольный	апуккёви	апуккёси	апуккёни	апуккёпу	апуккёсу	апуккёчи
Исходный	апунзёдуви	апунзёдуси	апунзёдуни	апунзёдупу	апунзёдусу	апунзёдучичи
Творительный	апунзиви	апунзиси	апунзини	апунзипу	апунзису	апунзичичи
Совместный	—	—	—	—	—	—
Назначительный	апундбави	апундбаси	апундбани	апундбапу	апундбасу	апундбачичи

Возвратно-притяжательное склонение
имен существительных

Падежи	Имена с возвратным суффиксом единственного числа		Имена с возвратным суффиксом множественного числа	
Именительный	(апумби)	(апусалби)	(апумбари)	(апусалбари)
Винительный	апумби	апусалби	апумбари	апусалбари
Местный I	апунзи	апусалзи	апундури	апусалдури
Направительно-дательный	апуттаки	апусалтаки	апуттакёри	апусалтакёри
Местный II	апундули	апусалдули	апундулари	апусалдулари
Продольный	апукки	апусалки	апуккёри	апусалкёри
Исходный	апунзе́зи	апусалзе́зи	—	—
	апундуки	апусалдуки	апундуккёри	апусалдуккёри
Творительный	апунзи	апусалзи	апунзе́ри	апусалзе́ри
Совместный	—	—	—	—
Назначительный	апунзи	апусалзи	апундо́ри	апусалдо́ри

Разобранные выше случаи ассимиляционных изменений имеют место в формах простого склонения. Переходим теперь к рассмотрению форм притяжательного склонения (табл. 5, 6).

Склонение в притяжательной форме заставляет обратить внимание на особенности в падежном оформлении с возвратно-притяжательными суффиксами. Особенности эти следующие:

в винительном падеже при наличии возвратно-притяжательного суффикса как единственного, так и множественного числа суффикс падежа отсутствует;

в местном I, местном II, творительном, исходном и назначительном падежах при наличии возвратно-притяжательного суффикса единственного числа *-и* происходит стяжение конечного гласного падежного суффикса и притяжательного суффикса в *и*, а именно:

местн. I	пад. суф. <i>-ду</i>	+ возвр. суфф. <i>-и</i>	> <i>-дуи</i>	> <i>-зи</i>
местн. II	” ” <i>-ла</i>	+ ” ”	<i>-и</i> > <i>-лаи</i>	> <i>-ли</i>
творит.	” ” <i>-зи</i>	+ ” ”	<i>-и</i> > <i>-зи</i>	
исходн.	” ” <i>-зеду</i>	+ ” ”	<i>-и</i> > <i>-зедуи</i>	> <i>-зе́зи</i>
назначит.	” ” <i>-до</i>	+ ” ”	<i>-и</i> > <i>-дои</i>	> <i>-зи</i>

таким образом, суффиксы падежей местного I, творительного и назначительного в возвратно-притяжательном оформлении единственного числа являются омонимами;

в направительном падеже при наличии возвратного суффикса как единственного, так и множественного числа падежный суффикс *-таи*, *-тэи* выявляет свою полную форму *-таки*, *-тэки*; следовательно, в орокском языке оформитель направ-

тельного падежа может иметь (без учета вариации гласного) три вида: *-таки, -таји, -таи*; от последнего варианта через стяжение *аи* в *и* получаем ульчский суффикс направительного падежа *-ти*, а через смягчение *т* — нанайское *-чи*;

при возвратно-притяжательном, а часто и личном оформлении гласный суффикса продолжного падежа слышится долгим, при этом гласный верхнего подъема *и* в суффиксе продолжного падежа (*-ки*) приближается к среднему подъему — имеем *-кē, -ккē*;

кроме того, в склонении с возвратно-притяжательными суффиксами отмечается наличие двух форм исходного падежа: форма с суффиксом *-зези* от *-зеду* и форма с суффиксом *-дукки, -дуккēри*; вторая форма имеется в склонении северной группы тунгусо-маньчжурских языков, в падежных формах языков нанай и ульчей ее нет.

Значение и употребление падежей

Именительный падеж. Падежного оформления не имеет. В простом склонении совпадает с основой. Вопросы: *нуј ~ нуи?* 'кто?' (в отношении к человеку), *хаж ~ хай?* 'кто?' 'что?' (в отношении к животным и прочим предметам).

Именительный падеж является формой

подлежащего: *Эси ујлта самамба эсичи тэдэ* 'Теперь ороки шаманам не верят' (*ујлта* 'ороки' — им. пад.);

именной части составного сказуемого: *Муиктэ тапитчимзи битчини* 'Муиктэ был кузнецом' (*тапитчимзи* 'кузнец' — им. пад.);

определения при имени в притяжательной форме: *Тари нари гэлбуни Налма* 'Того человека имя Налма' (*нари гэлбуни* 'имя человека', букв. 'человек имя+его', *нари* 'человек' — им. пад.);

кроме того, в форме именительного падежа ставятся обращение, а также имена в сочетании с отрицанием *ана, анага* 'нет': *Мапа, си мимбе хабудзи вәүитаси?* 'Старик, ты зачем меня убить хотел?' (*мапа* 'старик' — им. пад.); *Минду ула анага* 'У меня олень нет' (*ула* 'олень' — им. пад.).

Винительный падеж. Оформитель — суффиксы *-ва, -вэ, -во, -ву*, как правило, с именами существительными I склонения, *-ба, -бэ, -бо, -бу* — с именами II склонения, *-па, -пэ* — главным образом с именами, имеющими словообразовательный суффикс *-нне*. Вопросы: *нуивэ, хаива?* 'кого, что, о ком, о чем, про кого, про что?'

В винительном падеже ставится дополнение, обозначающее название предмета, на который распространится действие:

Мэкчу агдума путтэни гйда кучигэ пэсимбэни иргами андутчини. Ча пэсиби Дахамадатаи бѳхэни 'Старший сын Мэкчу украсил резьбой ручку ножа. Ту ручку отдал Дахамате' (*пэсимбэни, пэсиби* — вин. пад. от основы *пэси(н)* 'ручка ножа');

Ночи дахиннэпани чи вәрил битчичи 'Они жителей р. Дахи постоянно убивали' (*дахиннэпани* — вин. пад. от основы *дахиннэни* 'житель р. Дахи').

Форма винительного падежа сохраняется и в том случае, если распространение глагольного признака отрицается:

Ночи орки(н) наррә эси вәра битчичи 'Они плохого (ничем не замечательного) человека не убивали' (*наррә* — вин. пад. от основы *нари* 'человек').

Ср. также:

Би мапа поктōни итэхэмби 'Я след медведя видел';

Би мапа поктōни эсив итэ 'Я следа медведя не видел' (*поктōни* в обоих предложениях — вин. пад. от основы *покто* 'след, дорога', в которой в силу фонетических изменений от падежного суффикса сохранилась лишь долгота на конечном гласном основы).

Кроме того, в винительном падеже может стоять обстоятельство места, отвечающее на вопрос „каким путем, по чему?“ с глаголами движения:

Боло уннэ солохони 'Осенью (он) рекою (по реке) поднялся' или 'Осенью против течения плыл' (*уннэ* — вин. пад. от основы *уни* 'река').

Глаголы *бэлэтчи*- 'помогать', *тэддэ*- 'верить', *апту*- 'доехать, достигнуть, дойти', *агда*- 'радоваться' также требуют дополнения в винительном падеже:

Эси ујлта самамба эсичи тэдэ 'Теперь ороки шаману не верят' (*самамба* — вин. пад. от основы *сама(н)* 'шаман').

Местный I падеж. Оформитель — суффикс *-ду*. Вопросы: *нуиду, хаиду?* 'где, у кого (имеется), за кого, за что (держаться, взять), когда?'

Местный I падеж является исключительно падежом места и времени. Функции дательного падежа, как в других тунгусо-маньчжурских языках, он не несет:

Дукуду нуи-дэ анаҫа 'В доме никого нет' (*дукуду* — местн. I пад. от основы *дуку* 'дом');

Би бојомбо сēндунни даппēлами. 'Я медведя за уши буду держать' (*сēндунни* — местн. I пад. от основы *сē(н)* 'ухо');

Ча ананиду наннэни сколани андутчичи 'В том году национальную школу построили' (*ананиду* — местн. I пад. от основы *анани* 'год').

Направительно-дательный падеж. Оформитель — суффикс *-таи*, *-тэи*, *-таки*, *-тэки* (последняя форма, как указывалось выше, встречается только с возвратно-притяжательными суффиксами). Вопросы: *нуитэи, хайтаи?* 'к кому, к чему, куда?' и 'кому дать?'

Направительно-дательный падеж имеет значение адресата, пункта, куда направлено действие. Отсюда и все глаголы, означающие речь человека (говорить, спрашивать, рассказывать

и т. п.), требуют дополнения в направительно-дательном падеже:

Би улаби мѳтои уитчихэмби 'Я своего оленя к дереву привязал' (*мѳтои* — напр.-дат. пад. от основы *мѳ* 'дерево');

Налма мапа аттатаини — потчохони, 'Налма на спину медведя прыгнул' (*аттатаини* — напр.-дат. пад. от основы *атта* 'спина');

Нѳни маматаи тар утчини 'Он жене так сказал' (*маматаи* — напр.-дат. пад. от основы *мама* 'жена');

Би эниттэки бѳхэмби 'Я своей матери отдал' (*эниттэки* — напр.-дат. пад. от основы *эни(н)* 'мать').

Местный II падеж. Оформитель — суффиксы *-ла*, *-лэ* (I скл.), *-дула*, *-дулэ* (II скл.).

Вопросы: *нуилэ, хаила?* 'где, куда?', 'от кого, от чего, из чего, из кого (взято, принято, выбрано, отнято, узнано и т. п.)?', 'за что, за кого (получено)?'.

Как показывает содержание вопросов, в этом падеже объединилось несколько разнородных значений, причем по значению места этот падеж переплетается с падежами местным I и направительно-дательным.

Отличие местного I от местного II заключается в основных чертах в том, что местный I указывает местонахождение предмета, в то время как местный II — место распространения действия и обычно по поверхности:

Нѳни чинэ ча мѳла гѳхани 'Он вчера по тому дереву строгал' (*мѳла* — местн. II пад. от основы *мѳ* 'дерево').

Для пояснения отличий местного II от направительно-дательного привожу следующий пример:

Агдума маңани нѳмбони тунэндулэни идалахани. 'Старший богатырь его в грудь копьем колол' (*тунэндулэни* — местн. II пад. от *тунэ(н)* 'грудь'). Если бы при закалывании копье было брошено по направлению в грудь, тогда потребовалась бы форма направительно-дательного падежа.

Формы местного II с прочими значениями также имеют широкое распространение:

Эси би ситтэи бојоңуласи таммѳви. 'Теперь я тебе за твоего медведя плачу' (*бојоңуласи* — местн. II пад. — от основы *бојо(н)* 'медведь');

Нѳни ча мамала сѳхани 'Он от той старухи узнал' (*мамала* — местн. II пад. от основы *мама* 'старуха, жена').

В тунгусо-маньчжурских языках южной группы — нанай, ульчей, удэ — местный падеж с тем же оформлением имеет сходное значение.

Продольный падеж. Оформитель — суффикс *-ки*, *-ке*, *-кке*, *-кки*. Вопросы: *нуики, хаики?* 'куда, во что?', 'где, на чем?', 'вдоль чего, по ком, по чему?', 'через что?'.

Отличительные оттенки в значениях этого падежа от близких ему падежей местного I, местного II и направительно-дательного чрезвычайно трудно уловимы. Группируем примеры в порядке указанных выше вопросов.

'Куда, во что?' — место распространения действия должно быть предельно ограничено:

Нõни ча утэки пхэни 'Он вошел в ту дверь' (*утэки* — прод. пад. от основы *утэ* 'дверь');

Мимбэ эж саңаки тугбусу 'Меня в это отверстие спустите' (*саңаки* — прод. пад. от основы *саңа* 'дыра, отверстие').

Би бојомбо мёваккени гидаллелами 'Я зверя в (его) сердце колоть буду' (*мёваккени* — прод. пад. от *мёва(н)* 'сердце');

Тагдадума мўки хунигэнзи чиполохони-тани — *паккэ осини, сэгдэдумэ мўки чипологини* — *зиң улиңа осини* 'В белую воду палец окунуть — плохо будет, в красную воду окунуть — очень поздоровеешь' (*мўки* — прод. пад. от *мў* 'вода').

Значение последних двух примеров несколько выпадает из указанного определения значения падежа, и все же отличие от направительно-дательного падежа довольно заметно — место распространения действия предельно ограничено.

'Где, на чем?' — место распространения действия также ограничено:

Авуми толчичихани эр малуки гйда утэ бини, ча утэки йпе, бакаври ду ситто мўвэ, гйда сэгдэнзи мўллу, гйдадума тагданзи мўллу 'Когда спал, видел сон — на малу (почетное место в жилище) находится одна дверь, в ту дверь когда войдешь, найдутся две бочки воды, одна с красной водой, другая с белой водой' (*малуки* — прод. пад. от основы *малу* 'почетное место в жилище');

Нарисал итчици — бојо(н) аңмаккени с'экс'э сабзёни, холдоккени улисэл агбитчици 'Люди видят — изо рта медведя кровь течет, на боках его мясо торчит' (*аңмаккени, холдоккени* — прод. пад. от основ *аңма* 'рот', *холдо(н)* 'бок').

'Вдоль чего, по ком, по чем?':

Нõчи бојо(н) поктокини хасатчици 'Они по следу зверя гнались' (*поктокини* — прод. пад. от основы *покто* 'след, дорога').

'Через что?':

Нõни паваки, итэчихэни 'Он через окно смотрел'.

Продольный падеж с суффиксом *-ки* в южной группе тунгусо-маньчжурских языков имеется только в языке ульчей, в языке нанай функции его несет местный падеж (суффикс *-ла*).

В северной группе (эвенкийский, эвенский, негидальский), а также в языке удэ (южная группа) продольный падеж имеет оформителем суффикс *-ли*.

Исходный падеж. Оформитель — суффикс *-ду* как в простом склонении, так и в лично-притяжательном омонимичен

с суффиксом местного I падежа. В притяжательном склонении с возвратными суффиксами имеет полную форму *-дуки*. Часто перед суффиксами исходного падежа *-ду* стоит суффикс *-зе*, который имеет значение стороны (например, *су(н)* 'солнце', *Сузе* 'страна солнца, южный Сахалин'). Вопросы: *нуиду*, *хаиду*, *хавведу?* 'откуда, от кого?'. Значение падежа — указывать начальный пункт движения:

Нони дукузи (дукудуки) нэнэхэни 'Он из своего дома ушел' (*дукузи*, *дукудуки* — исходн. пад. притяжательного склонения с возвр. суфф. ед. ч. от основы *дуку* 'дом');

Ча долбонне Муиктэ энулухэни, чиманани дарепендуки эсини иллэ 'Той ночью Муиктэ заболел, на завтра со своей постели не встает' (*дарепендуки* — исходн. пад. от основы *дарапи(н)* 'постель');

Кучэмби куптудуни токкотчи, ула билдалани идалахани 'Свой нож из ножен вынувши, оленя в горло колол' (*куптудуни* — форма исходн. пад. от основы *купту* 'ножны, футляр для ножа');

Творительный падеж. Оформитель — суффикс *-зи*. Вопросы: *нуизи*, *хаизи?* 'чем (орудие действия)?', 'из чего (материал)?', 'на чем, с помощью чего (способ передвижения)?':

Би мово пупунзи пупулахамби, 'Я дерево пилюю пила' (*пупунзи* — творит. пад. от основы *пупу(н)* 'пила');

Би иргала наттазини хоссензи андусилами 'Я из ее пестрой шкурки для себя юбочку (часть одежды охотника) сделаю' (*наттазини* — творит. пад. от основы *натта* 'шкурка');

Ночи улази эмэнзи пулипукили 'Они на оленях верхом ездили' (*улази* — творит. пад. от основы *ула* 'олень');

Кроме значения орудия действия, материала, над которым производится действие, и способа передвижения (тоже орудие действия), функции творительного падежа расширяются способностью проводить лексическую дифференциацию между качественными прилагательными и качественными наречиями. Например: *улиңга* 'хороший' — *улиңгази* 'хорошо'.

Совместный падеж. Оформитель — суффикс *-ндо*, *-нду*. Вопросы: *нуинду*, *хаиндо?* 'с кем?'

Совместный падеж указывает лицо, принимающее активное участие в действии. В форме этого падежа встречаются почти исключительно имена существительные (или их заместители), означающие людей, и, как редкий случай, слова, означающие таких животных, как, например, собака или медведь:

Луңгу Ламунду сорилухани 'Лунгу с Ламу подрался' (*Ламунду* — совм. пад. от имени собственного *Ламу*);

Би ийда ујлтандо нэнэхэмби 'Я с одним ороком пошел' (*ујлтандо* — совм. пад. от основы *ујлта* 'орок');

Муиктэ самандо гобдохони 'Муикто с шаманом соболевали' (*самандо* — совм. пад. от основы *сама(н)* 'шаман');

В данных примерах сказуемое согласуется в числе с главным действующим лицом, с подлежащим. Однако в языке в подобных предложениях нередки случаи, когда в сказуемом учитываются оба действующих лица:

Чиманани мапа пэттэнду нэнугэчи 'На следующий день (назавтра) старик с нерпой отправились';

Бу Тэрэкэнду Чипавунаюпу солохопу 'Мы с Тэрэкэ рекою Чипавуна вверх плыли'.

Следует указать также, что при сказуемом во множественном числе название главного действующего лица часто имеет формальную принадлежность *-ја, -јо*, считать которую падежным суффиксом у нас нет оснований, тем более что она не встречается с формами притяжания. Относим ее пока к частицам. Этот формант, как правило, имеется во всех тех словах предложения, которые обозначают предметы, совместно и равноправно участвующие в данном действии. Встречается в предложениях с несколькими подлежащими. Иллюстрируем сказанное примерами:

Омболото-јо саманду зимбэ инэни гобдомори, хориталба сэплэ вауачи 'Омболото с шаманом, четыре дня соболюя, двадцать соболей убили' (судя по контексту, из которого взят пример, главная роль здесь отводится Омболото, как лучшему охотнику: Омболото — подлежащее, шаман — лицо второстепенное, дополнительное);

Ламу-ја Годо-јо палиматчимари хозиачи 'Ламу и Годо спорить кончили (перестали)' (Ламу и Годо равноправные действующие лица: *Ламу-ја, Годо-јо* — два подлежащих, имеющих однородное оформление);

Гйда уни кирадуну мама-ја, мапа-ја битчичи 'На берегу одной реки жили старик и старуха' (*мама-ја, мапа-ја* — два подлежащих с одинаковым оформлением).

Имена существительные, называющие лица, по какой-либо причине второстепенные при совместном действии, могут иметь при себе оформитель *-муна, -мунэ*, относимый также к частицам:

Гэ, тари нари апкатчичи ча боюну-муна 'Ну, тот человек с тем медведем и залег спать';

Гэ, мама-ја путтэ-мунэ битчичи 'Так вот, женщина с сыном и жили'.

Совместный падеж с несколько фонетически видоизмененным оформителем зарегистрирован в двух языках северной группы: эвенкийском (суффикс *-нун*) и эвенском (суффикс *-н'ун*). В языках южной группы — нанайском, ульчском, удэйском — функции совместного падежа выполняет творительный падеж.

Назначительный падеж. Оформитель — суффикс *-ду, -до-* обязательно в притяжательном оформлении. Причем с возвратно-притяжательным суффиксом единственного числа *-и* про-

исходит стяжение его с гласным падежного оформителя в *-зи*:
-ду + -и > -дуй > -зи; *-до + -и > -дой > -зи*.

Назначительный падеж указывает не только объект действия, но также и лицо, для которого данный предмет предназначен:

Би апундоси атчимби 'Я для тебя шапку взял' (*апундоси* 'для тебя шапку' — назн. пад. от основы *апу(н)* 'шапка');

Би ирада наттазини хоссензи андусилами 'Я из ее пестрой шкурки для себя охотничью юбочку сделаю' (*хоссензи* 'для себя охотничью юбочку' — назн. пад. от основы *хоссе(н)* 'охотничья юбка').

Тунгусо-маньчжурские языки южной ветви отличаются от языков северной меньшим числом падежей и сообразно с этим более многообразными функциями некоторых из них. Так, эвенкийский язык насчитывает 14 падежей, эвенский 13 падежей, в языках удэйском и ульчском 9 падежей, в языке нанай — 8. В орокском языке 10 падежей.

Таким образом, склонение в орокском языке по количеству падежей, а также по звуковому составу падежных оформителей занимает как бы промежуточное положение между языками северной и южной групп, причем с последней (с языками ульчским и нанайским) его сближает большее число моментов, а именно отсутствие винительного-неопределенного падежа, наличие назначительного падежа (дезигнатив) со сходным суффиксом, а также звуковое сходство ряда прочих падежных оформителей, с северной — главным образом форма исходного падежа и наличие совместного падежа.

В отношении значения падежей обращает внимание свойственная только орокскому языку особенность, заключающаяся в том, что в то время как во всех языках тунгусо-маньчжурской группы падежная форма с суффиксом *-ду* выполняет функцию дательного падежа, в орокском языке роль этого падежа сводится исключительно только к выражению места и времени, значение же дательного падежа передается формой направительного падежа с суффиксом *-таи*, *-таки*. Эта особенность заставила несколько изменить для орокского языка принятую для тунгусо-маньчжурских языков номенклатуру падежей.

Служебная роль имен существительных с пространственным значением

Имена существительные с пространственным значением, как уже указывалось, всегда употребляются в притяжательной форме, так как мыслятся в связи с тем предметом, с которым соотносительны:

ојо-ни 'поверхность какого-либо предмета', *дб-ни* 'пространство внутри какого-либо предмета', и т. д.

В подобных сочетаниях имена существительные с пространственным значением, сохраняя в большей или меньшей степени свое основное значение, несут также и добавочную служебную роль, а именно уточняют различные оттенки пространственных отношений, как-то: „у дома“, „в доме“, „за домом“, „над домом“ и т. п.

В указанных сочетаниях имя существительное с пространственным значением может иметь или форму именительного падежа, или форму какого-либо падежа с локативной функцией (винительного, местного I, местного II, продольного, направительно-дательного, исходного). Например:

Дуку дбни нэгдэ(н), намавли 'Пространство внутри дома светлое, теплое' или 'в доме светло, тепло';

Гэвхэту ча утэки йхэни-тэни, ча дуку дбони чи митухэни 'Гэвхэту вошел через дверь и долго ползал внутри того помещения (в том помещении)';

Дуку дбдунни бини: тава, пэттэл натталчи, часикал 'В доме имеется огонь, нерпичьи шкурки, посуда';

Дукуби муну ојотоипу анахуссари 'Дом на нас завали' (приказывали умирающие родители сыну).

Сочетание *муну ојотоипу* 'на нас' состоит из несамостоятельного притяжательного местоимения 1-го л. мн. ч. *муну* 'наш' и имени существительного *ојо-ни* 'поверхность предмета' в форме направительно-дательного падежа с притяжательным показателем 1-го л. мн. ч.; дословно сочетание *муну ојотоипу* можно переводить как 'на нашу поверхность' или 'на нас'.

Жолони гасанузи үхани, ујсэј сэгдэхэни, аундаби увеккэни жилтэ хэрэлихэни 'Дёлони сел на свою птицу, взлетел вверх и четыре раза покружился над своим шалашом'. Сочетание *аундаби увеккэни* 'над шалашом' состоит из двух существительных: существительного-определения *аундаби* 'свой шалаш' и существительного-определяемого *уве-ни* 'пространство над предметом' в форме продольного падежа.

Имена существительные с пространственным значением значительно чаще употребляются с суффиксом *-зе*, *-ве* и фонетической разновидностью его, тесно слившейся с основой. Назначение этого суффикса, очевидно, уточнить и усилить значение основы. Например: *пэззе-ни* 'низ, нижняя сторона предмета', *дулле-ни* 'пространство впереди предмета', *увве-ни* 'верх, пространство над предметом', *новве-ни* 'пространство, примыкающее к самому берегу', *солле-ни* 'пространство вверх по течению реки', *хаме-ни*, *хамаре-ни* 'пространство позади предмета', и т. д.

Некоторые формы слова *хамара-ни*, *хамаре-ни*, *хаме-ни* 'пространство позади предмета' могут менять свое значение в зависимости от того, к какой части речи относится то слово, с которым оно образует одно сочетание. Так, с именем существи-

тельным оно означает 'позади, сзади', с глагольной формой 'после того как...'. Например:

Гэ, нэудумэнне Дахамада хамараккёни туксахани-тани 'Ну, а младший брат бежал позади Дахамады'. В сочетании *Дахамада хамараккёни* 'позади Дахамады' падежная форма слова *хамара-ни* связана с именем существительным — Дахамада.

Золони нэнэхэни хамараккёни мапарил гёчи гёда путтэ бёгачи 'После того как Дёлони ушел, у стариков родился еще ребенок'. В сочетании *нэнэхэни хамараккёни* 'после того как он ушел' падежная форма *хамара-ни* связана с глагольной формой — причастием. В этом случае рассматриваемое слово полностью утрачивает свое знаменательное значение и переходит, как видим, в разряд служебных слов.

Слово той же группы имен существительных *бָру-ни* 'направление к предмету', как правило, употребляется без падежного оформления, но может принимать притяжательные показатели всех трех лиц. Это слово уже находится на грани полной утраты своего знаменательного значения и перехода в служебные слова. Например:

Саңануки нэдууэтчи, хотомби бָруни гитуми нэнухэни-тэни 'Он вышел из отверстия и пошел пешком в свой город'. Сочетание *хотомби бָруни* 'в свой город' состоит из существительного *хотомби* 'свой город' и слова *бָруни*.

Чи нэнэмзе, нэнэмзе гёда пёду нā дёни бָруни би саңа бāхани-тани 'Он долго шел, шел и нашел в одном месте отверстие внутрь земли'. Сочетание *нā дёни бָруни* 'внутри земли' состоит из существительных *нā* 'земля', *дё-ни* 'пространство внутри нее' и слова *бָруни* 'направление к нему', т. е. к пространству внутри земли.

Таким же свойством обладает и слово *дָру-ни*, которое полностью утратило свое знаменательное значение и также безо всякого падежного оформления выполняет в языке ороков функцию русского предлога 'из-за' (при указании причины). Например:

Нёчи соррўкил битчичи этэ дָруни, нā дָруни, сундата, бэжнэ дָруни. 'Они враждовали из-за женщин, из-за земли, из-за рыбы и зверя'.

Так как в сочетаниях с другими именами существительными рассматриваемая группа имен существительных занимает всегда постпозиционное положение, их в грамматиках ряда тунгусо-маньчжурских языков называют послелогоми. Учитывается при этом также их служебная роль.

ИМЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ

Имена прилагательные обозначают постоянный (статический) признак предмета. Будучи тесно связанными с именами существительными, они в предложении выражают признак предмета или

атрибутивно (в роли определения), или предикативно (в роли сказуемого).

Особенностью имен прилагательных в орокском языке является их более частое употребление в роли сказуемого, чем в роли определения. Насколько можно судить по текстовому материалу, ороки, своевременно обрисовав предмет по признаку, в дальнейшем не считают необходимым повторять эти признаки в качестве атрибута данного предмета. Исключение делается лишь для небольшого числа слов, как например *дәи* 'большой', *нүчи* 'маленький' и некоторых других.

В атрибутивной роли имена прилагательные орокского языка согласуются со своим определяемым — именами существительными — только в числе; согласования в падеже, как правило, не наблюдается. Например: *дәи далу(н)* 'большой амбар', *дәил далул* 'большие амбары' (формант множественного числа -л имеют и прилагательное *дәи* 'большой', и существительное *далу(н)* 'амбар'); *дәил далултай* 'в большие амбары' (оформитель направительного пад. -тай имеет только существительное *далу(н)* 'амбар').

Однако наблюдаются случаи, когда определения — имена прилагательные — принимают оформление винительного падежа наравне с определяемым — именем существительным. Например:

Тар соримари, оркимба наррә эси вәра битчичи 'Так, враждая, слабых (ничем не примечательных) людей не убивали' (*орки(н)* 'слабый, плохой' имеет оформитель винительного падежа, как и определяемое — имя существительное *нари* 'человек' — *наррә*). Возможно, здесь сказывается влияние языков северной группы — эвенкийского или эвенского.

В предикативной роли имена прилагательные также согласуются в числе с соотносительными с ними именами существительными. Например:

Нбчи ләккәлчи дувәчи сәләмәл, хәмбәрул, һонимил 'Концы их стрел железные, острые, длинные' (прилагательные оформлены суффиксом множественного числа -л);

Бојо(н) бәјәни дәи, хумана, иктәлни дәисал, хосиктални һонимисал, зилини дәи, сиңактални хурумукәсәл, исални нүчикә 'Туловище медведя большое, худое, зубы большие, когти длинные, голова большая, шерсть коротенькая, глаза маленькие' ('его туловище' — *бәјәни*, 'его голова' — *зилини* стоят в единственном числе, форму единственного числа имеют и относящиеся к ним имена прилагательные; 'его глаза' — *исални* 'его зубы' — *иктәлни*, 'его когти' — *хосиктални*, 'его шерсть' (очевидно, шерстинки) — *сиңактални* имеют форму множественного числа, и соответствующие им имена прилагательные также оформлены показателями множественного числа).

В орокском языке прилагательному совершенно несвойственно согласование с именем существительным в форме принадлежности,

а также недопустимо употребление прилагательного в притяжательном словосочетании в качестве первого его члена.

Имена прилагательные в орокском языке как с продуктивными словообразовательными элементами, так и с омертвевшими в подавляющем большинстве случаев являются производными от основы или существительного, или глагола. При этом значение имени прилагательного определяется по свойству отношения к тому предмету или действию, которые выражаются основой. Например: *золото* 'каменный', *золо* 'камень'; *накту* 'гнилой', *на-* 'гнить'; *аптаули* 'вкусный', *апта* 'вкус'.

В первом примере прилагательное по своему значению определяет предмет по материалу, из которого он сделан, во втором — по действию, совершившемуся над ним, в третьем — по воспринимаемому чувством качеству.

Группировка имен прилагательных по значению и оформлению

Хотя категория прилагательных в орокском языке ограничена словообразовательными возможностями, все же внутри этой категории можно произвести группировки с учетом значения и наличия того или иного словообразовательного элемента. Наиболее продуктивными и, пожалуй, единственными живыми являются суффикс *-лу*, *-луу*, образующий прилагательные обладания, и суффикс *-ма*, *-мо*, *-мэ*, образующий прилагательные с указанием признака по материалу.

Прилагательные обладания. Эта группа прилагательных выражает обладание указанным основой предметом и на русский язык переводится словами 'имеющий (что-либо)'. Например: *дукулу* 'имеющий дом' от *дуку* 'дом', *путтэлу* 'имеющий ребенка' от *путтэ* 'ребенок', *асиллу* 'имеющий жену, женатый' от *аси* 'жена'.

Рассматриваемая форма имеет следующие две особенности. Пояснительные слова к ней (например, указывающие, каков предмет обладания или сколько их) всегда стоят в форме творительного падежа (оформлены суффиксом *-зи*). Например: *дүзи зилиллу сэвэ(н)* 'имеющий две головы сэвон (божок)' (*дүзи* — форма с суфф. *-зи* от *дү* 'два'); *Муиктэзи гэлбуллу нари* 'имеющий имя Муиктэ человек' (*Муиктэзи* — форма с суфф. *-зи* от мужского имени *Муиктэ*), *сэгдэнзи мўллу ситтэ* 'красную воду имеющая бочка' или 'бочка с красной водой' (*сэгдэнзи* — форма с суфф. *-зи* от *сэгдэ(н)* 'красный').

Рассматриваемая форма крайне редко стоит впереди определяемого. Например:

Гэда дукуду Сэринзи гэлбуллу нари битчини 'В одном доме жил человек, имеющий имя Сэри' (форма обладания со своим

пояснительным словом *Саринзи гэлбуллу* стоит перед определяемым *нари* 'человек').

Обычно же прилагательные обладания занимают место после определяемого имени существительного. Примеры:

Ча хотонду эдэ(н) гйдази паталанулу битчини 'В том городе царь, имеющий единственную дочь (*гйдази паталанулу* 'имеющий одну дочь'), жил';

Йлле дукуду пурэуэ нари асиллу, дүзи путтэлу битчини 'В третьем доме молодой человек женатый (*асиллу* 'имеющий жену') с двумя детьми (*дүзи путтэлу* 'имеющий двух детей') жил';

Тар јан зин улиңгази лавикталлу битчини 'Тот хребет с очень хорошим мхом был' (*улиңгази лавикталлу* 'имеющий хороший мох');

Ночи улагаллул 'Они оленные' (*улагаллул* 'имеющие оленей').

В последних четырех примерах прилагательные обладания стоят после определяемого существительного и выполняют роль сказуемого.

Сходные по значению и по синтаксическим функциям формы имеются и в других тунгусо-маньчжурских языках, причем словообразовательный элемент этой категории в отдельных языках имеет фонетические различия.

Рассматривать форму обладания в разделе имен прилагательных, а не в разделе имен существительных, как это принято в других грамматиках тунгусо-маньчжурских языков, представляется возможным в силу того, что, как правило, имена существительные с суффиксом *-лу* выражают признак предмета без представления о предмете обладания. Например: *муроллу* 'умный, сознательный, серьезный', *улагаллу* 'оленный', *асилу* 'женатый', и т. д.

Попутно рассмотрим выражение необладания предметом.

В орокском языке выражения, указывающие на отсутствие обладания данным предметом, строятся аналитическим способом: существительное, означающее отрицаемый предмет, оформленное суффиксом *-ла*, *-лэ*, берется с отрицанием *ана* 'без' и ставится впереди определяемого. Например: *улала ана нари* 'безоленный человек', *асила ана нари* 'неженатый человек'.

Для языков ульчского и нанайского характерно в таких выражениях отсутствие оформления у названия отрицаемого предмета: нан. — *аси ана най*, ульч. — *аси ана ни* 'неженатый человек'.

В эвенкийском языке название отрицаемого предмета в подобных выражениях стоит в винительно-неопределенном падеже: *асија ачин бэјэ* 'неженатый человек'.

В качестве оформителя винительно-неопределенного падежа в негидальском языке встречается и суффикс *-ла*, *-лэ*.

На основании таких предпосылок можно предположить, что и оформитель *-ла, -лэ* при названии отрицаемого предмета в орокском языке в какой-то мере связан с винительно-неопределенным падежом, имеющимся в северной группе тунгусо-маньчжурских языков.

Прилагательные с указанием признака по материалу. К категории имен существительных восходит и основа имен прилагательных со словообразовательным суффиксом *-ма, -мэ, -мо*, указывающим на материал, из которого сделан предмет. Например: *золосо* 'каменный', *золо* 'камень'; *сэлэмэ* 'железный', *сэлэ* 'железо'; *мэнуэмэ* 'серебряный', *мэну* 'серебро'; *мбосо* 'деревянный', *мб* 'дерево', и т. д.

Этот тип прилагательных с тем же словообразовательным элементом чрезвычайно распространен в тунгусо-маньчжурских языках. Значение этих прилагательных в языках южной группы, например нанайском, ульчском, удэйском, совпадает с указанным в орокском.

Прилагательные с указанием признака по времени. Отчетливую по значению и оформлению группу представляют также прилагательные с суффиксом *-пчи*. Все они выражают временной признак, и основа их восходит к наречию или является общей с последней. Например: *оропчи* 'недавний', *оронне* 'недавно'; *горопчи* 'прошлый', *горо* 'долго, далеко'; *халепчи* 'какого времени', *хали* 'когда', и т. д.

Другая группа временных прилагательных выражает временной признак по отношению к определенным астрономическим отрезкам времени (в основном ко временам года). Употребляются эти прилагательные главным образом для определения шкурки зверя по сезонам, реже — дня. Оформителем является суффикс *-ри, -ритта, -риттэ*. Например: *боло* 'осенью', *болори натта* ~ *болоритта натта* 'осенняя шкурка зверя' (*натта* 'шкура, кожа').

Можно предполагать, что вторая часть суффикса *-ритта, -риттэ*, а именно *-тта, -ттэ*, является разновидностью суффикса уменьшительного в именах существительных и употребляется здесь в значении ограниченности признака во времени.

Прилагательные рассматриваемого типа имеются и в других тунгусо-маньчжурских языках, причем оформители их фонетически между собой не различаются.

Прилагательные с числовым значением. Образуются от количественных числительных с помощью суффикса *-су* (конечный *н* числительных при этом выпадает). Например: *иласу* 'трехрядный', *тундасу* 'пятирядный', *нуусу* 'шестирядный', и т. д.

Прилагательные, выражающие в основном признаки предметов, воспринимаемые чувствами. Сравнительно большая группа этих прилагательных в орокском

языке оформляется суффиксом *-ули*. Например: *аптаули* 'вкусный', *хэнули* 'легкий', *дурули* 'кислый', *кусули* 'сильный', *готчиули* 'горький', *мангаули* 'крепкий', *иччули* 'холодный', *сэбдэнули* 'веселый', *хэккули* 'горячий', *олопсиули* 'пугливый', *намаули* 'теплый', *нэлэпсиули* 'страшный', *нуңдули* 'холодный', *госипсули* 'ненавистный', *соктоли* 'мутный', *хаули* 'шумный'.

В других тунгусо-маньчжурских языках прилагательные указанного значения не представляют собой однородной группы по своему оформлению, как в орокском языке. Отметим следует только ульчский, удэйский и, в меньшей степени, нанайский языки, в которых лишь некоторое количество соответствующих прилагательных образует сходные группировки, причем в ульчском они имеют тот же оформитель *-ули*, в удэйском *-хи*, в нанайском *-си* и *-ули*. Например: ульч. — *амтаули* 'сладкий, вкусный', *штули* 'холодный', *готули* 'горький', *пэкули* 'горячий', *хэнумули* 'легкий', *нэлэпсиули* 'страшный, опасный'; уд. — *амтахули* 'вкусный', *илихи* 'холодный', *гуачихи* 'горький', *намахи* 'теплый'; нан. — *сэбзиэниули* 'веселый', *нэлэпсиули* 'опасный', но *пэкэси* (*пэкуси*) 'горячий', *гочоси* 'горький'.

Материалы из нанайского, ульчского, а частично и орокского языков помогают в некоторых прилагательных этой группы выделить значимую основу. Например:

<i>аптаули</i>	'вкусный'	<i>апта</i>	'вкус'	(орок. яз.)
<i>кусули</i>	'сильный'	<i>кусу</i>	'сила'	(орок. яз.)
<i>хэккули</i>	'горячий'	<i>пэку</i>	'жара'	(нан. и ульч. яз.)
<i>намаули</i>	'теплый'	<i>н'ама</i>	'тепло'	(нан. и ульч. яз.)
<i>нуңдули</i>	'холодный'	<i>ноңзи</i>	'холод, мороз'	(нан. и ульч. яз.)

Прилагательные пространственного значения. Прилагательные, входящие в эту группу, имеют непродуктивный, не поддающийся выделению оформитель. Например: *дулу* 'впереди находящийся, первый', *хамару* 'последний', *уву* 'верхний', *пэду* 'нижний', *ојо, оју* 'верхний (лицевая сторона)', *соло* 'верхний по течению', *эввэ* 'этой (стороны)'

Вопросом к этим прилагательным служит *хавву?* 'какой?'

С ними соотносятся следующие образования:

дулле 'передней стороны', *хамме* ~ *хамаре* 'задней стороны', *увве* 'верхней стороны', *пэдзе* 'нижней стороны', *солле* 'стороны против течения', *хэдзе* 'стороны по течению', *бадзе* 'стороны противоположного берега', *зилле* ~ *зиве* 'стороны от берега к лесу', *нове* 'стороны к берегу', *эвве* 'этой стороны', *городзе* 'дальней стороны', *лаккадзе* 'ближней стороны', *бэдзе* 'наружной стороны'.

Собственно эти образования употребляются и как имена существительные, так что вопрос о том, в какой части речи их надо рассматривать, остается открытым.

Вопросом к ним является *хавве?* 1) 'какой стороны?', 2) 'какая сторона?'

Некоторые из приведенных форм имеют живой продуктивный суффикс *-ze* со значением „сторона“. Суффикс *-зи, -ze* с разновидностями *-jэ, -ja, -из, -иа, -киа, -киэ, -гиа, -гиз* имеется и в языках ульчском и нанайском. Очевидно, и в прочих приведенных формах имеется одна из разновидностей этого суффикса.

Рассматриваемые формы слов, с одной стороны, служат основой для образования наречий места, с другой стороны, принимая личный притяжательный суффикс — чаще *-ни*, образуют имена существительные типа послелогов. Например: *увве-ни, дулле-ни, хамме-ни* и т. д. (см. стр. 52).

Прилагательные, выражающие в основном признаки по внешней форме предметов. Общий оформитель этой малочисленной группы — непродуктивный суффикс *-ми*. Например: *зирами* ‘толстый’, *дарами* ‘широкий’, *хоруми* ‘короткий’, *шоними* ‘длинный’, *мбми* ‘толстый, коренастый’.

Эта группа прилагательных встречается почти во всех тунгусо-маньчжурских языках.

Прилагательные, выражающие признак по действию, произведенному над предметом. Оформляются непродуктивным суффиксом *-кту*. Группа немногочисленная. Например: *давсулакту* ‘соленый’, *давсула-* ‘солить’; *дэгдэктү* ‘обожженный’, *дэгдэ-* ‘жечь’; *нэктү* ‘гнилой’, *нэ-* ‘гнить’; *пујэктү* ‘раненый’, *пујэ-* ‘ранить’.

Прилагательные сходного значения и оформления имеются в нанайском и ульчском языках. В языках северной группы таких образований не зарегистрировано.

Прилагательные, указывающие на особую способность человека или животного к действию, выраженному глагольной основой. Оформляется эта малочисленная группа отглагольных прилагательных суффиксами *-ла, -лэ, а также -су*.

-ла: вала ‘удачливый’, *вā-* ‘убивать’; *сāла* ‘сведущий, толковый’, *сā-* ‘знать’; *дэптулэ* ‘любящий покусать’, *дэпту-* ‘есть’; *аула* ‘сонливый’, *ау-* ‘спать’;

-су: вāсу ‘удачливый’, *вā-* ‘убивать’; *нэлэсу* ‘трусливый’, *нэлэ-* ‘бояться’.

Суффикс *-су* имеет более широкое распространение в южной группе тунгусо-маньчжурских языков, чем *-ла*. Этот оформитель зарегистрирован в языках нанайском, ульчском, маньчжурском. Например: маньчж. — *эчжэсу* ‘памятливый’, *оносу* ‘забывчивый’; нан. — *сорисо* ‘сварливый’, *отолису* ‘понятливый’; ульч. — *сорису* ‘сварливый’, *утулису* ‘понятливый’.

В орокском языке имеются также малочисленные группы прилагательных со следующими непродуктивными суффиксами.

Прилагательные с суффиксом *-гда, -гдэ* можно поделить на две следующие группы:

по признаку цвета		по другим признакам	
<i>тагда</i>	'белый'	<i>хугдэ</i>	'широкий'
<i>сэгдэ</i>	'красный'	<i>гугдэ</i>	'высокий'
<i>нүгдэ</i>	'светлый'	<i>мэгдэ</i>	'цельный'
<i>согдо</i>	'желтый'	<i>угдэ</i>	'тихий, бессильный'
<i>гэгдэ</i>	'чистый, прозрачный'		

В словах левой колонки сравнительный материал позволяет выделить основу и суффикс, выявляющий при образовании форм слова конечный *н*, — суффикс *-гда(н), -гдэ(н)*. Что же касается слов правой колонки, то здесь пока такого выделения провести нельзя и конечного *н* эти слова не выделяют. Имеем омонимичные окончания.

Прилагательные с непродуктивным оформителем *-нга, -нгэ* характеризуют предметы по положительным признакам: *улиуга* 'хороший', *намчинга* 'ловкий', *манга* 'сильный', *ујпунгэ* 'звучный'.

С суффиксом же *-нго, -нгу* прилагательные имеют значение отрицательных признаков: *конго* 'глухой', *мукчунгу* 'кривой, извилистый'.

При группировке прилагательных по семантическому признаку оказывается, что не все из них объединяются общими оформителями. Сравнительно большое число прилагательных остаются одиночками, обособленными.

Разнородность в оформителях, и в особенности в непродуктивных, по-видимому, связана с тем фактом, что многие названия качеств прикреплены к определенному кругу предметов. Например: *зэкихэ* 'сильный' — только про оленя, *хулду* 'теплый' — только о жидкости, и т. д. Эта необобщенность представлений о качестве позволяет слову оставаться в обособленной форме.

Внутри категории прилагательных имеются словообразовательные суффиксы, несколько изменяющие значение слова. Это суффикс *-ка* и суффикс *-дума, -думэ*.

Суффикс *-ка* в прилагательном указывает на усиление основного значения слова, на усиление качественного признака: *нүчи* 'маленький', *нүчикэ* 'очень маленький'; *нэмдэ* 'тонкий, узкий', *нэмдэкэ ~ нэмдэвкэ* 'тоненький, узенький'; *хуруми* 'короткий', *хурумукэ* 'коротенький'; *нэктэ* 'низкий', *нэктэвкэ* 'низенький', и т. д.

Суффикс *-дума, -думэ* придает слову дополнительное значение выборочности, ни в какой степени не изменяя самый характер признака: *дәидума* 'тот, который большой', *тагдадума* 'который белый'. Прилагательные с суффиксом *-дума, -думэ* могут субстантивироваться.

Предмет по признаку может определяться сочетанием наречия с глаголом *би*. Например: *чак би* 'полный', *кипкэ би* 'сломаный', *зип би* 'непроницаемый', *сар би* 'мелкий', и т. д.

В указанных сочетаниях наречие более употребительно в удвоенной основе. Например: *кох-кох би* 'очень твердый, очень худой', *напу-напу би* 'мягкий', *пака-пака би* 'темный', *килто-килто би* 'отсвечивающий', и т. п.

Из наречий в таких сочетаниях наиболее употребительны наречия — образные слова, а также наречия, образованные от прилагательных через присоединение суффикса *-ла*, *-лэ*, которым указывается, что качественный признак имеется в предмете в ослабленном виде, неполностью, частично. Например: *сэгдэ(н)* 'красный', *сэгдэлэ би* 'красноватый', *нэктэ* 'низкий', *нэктэлэ би* 'низковатый', *тагда(н)* 'белый', *тагдала би* 'беловатый', и т. д.

Указанные сочетания для определения признака предмета, широко употребляющиеся в языках нанай и ульчей, языкам северной группы неизвестны. Это также сближает орокский язык с языками южной группы — нанайским и ульчским — и заметно отличает от языков северной группы.

В орокском языке от имен существительных образуются предикативно-притяжательные формы, которые служат для обозначения признаков предмета по его принадлежности другому предмету. Например: *колхозани* 'колхозный (колхозов)', *мапани* 'стариков'.

Оформителем этих образований является суффикс *-ни*, который присоединяется непосредственно к основе соответствующего имени существительного.

Особенностью этой группы имен прилагательных является то, что они не могут употребляться в роли определения в сочетании с определяемым. Чаще они употребляются в роли сказуемого, а также самостоятельно и в роли других членов предложения, сохраняя значение неопредмеченного признака предмета. Склоняются по первому типу склонения.

Выражение сравнения и наивысшей степени качества

Для сравнения предметов по качеству в языке ороков применяются особые обороты.

При сравнении между собой по качеству двух предметов название предмета, который сравнивается, ставится раньше названия предмета, с которым сравнивают, причем первое стоит в именительном падеже, второе же имеет суффикс *-зи*.

Прилагательное, выражающее сравниваемое качество, ставится в конце предложения иногда в своей основной форме, но чаще с суффиксом *-дума*, *-думэ*. Например:

Дава мамачази аптаулидумэ 'Кета вкуснее щуки';

Мин һиндаби син һиндазиси улиһагума 'Моя собака лучше твоей собаки'.

По данной сравнительной конструкции орокский язык сходен с языком ульчским.

Если же предмет не сопоставляется с другим, а требуется только отметить, что качество присуще ему в большой степени, то перед соответствующим прилагательным ставится слово *зиң* 'очень'. Например:

Мин һиндаби зиң улиһа 'Моя собака очень хорошая'.

Если же предмет должен быть выделен по своему качеству из группы однородных предметов, то наименование группы берется в местном II падеже или исходном падеже. Например:

Эр нарисалдула эр-мали-кэ кусуттудума 'Изо всех людей вот именно этот самый сильный';

Тар ила(н) һинзилду Элә һинда зиң аја һинда 'Из тех трех собак собака Элә самая лучшая собака'.

Для выражения подобия имеется суффикс *-һәчи, -һәчи, -һөчи*, принимать который могут и глагол, и имя существительное, и местоимение. Кроме того, подобие может быть выражено словом *омотту, умутту* 'подобен, одинаков'. Например:

Тар һинда һәлләһәчи бини 'Та собака, как волк'; *Тар һинда һәллә омотту* (тот же перевод);

Тар нари бују(н) омотту отчини 'Тот человек подобен медведю стал';

Мапа бојоңуби путтәби удзиһәчи узихәни 'Старик своего медведя, как воспитывают своего ребенка, воспитывал';

Би эсув һәллә лалумзи будзи бојоңзи; нөһөчини би бојомбо бәрамба вәхамби дәптүхәмби 'Я не боюсь от голода умирающего медведя; подобных ему медведей я много убил и съел'.

В последнем примере форма *нөһөчини* 'подобный ему' позволяет считать оформитель подобия *-һәчи, -һәчи, -һөчи* суффиксом, а не частицей. В данном слове этот суффикс занимает место перед суффиксом притяжания, при этом конечный *н* основы сливается с *-һ* суффикса *-һөчи*.

МЕСТОИМЕНИЕ

К местоимениям относится сравнительно небольшая группа слов, отличительной особенностью которых является обобщающий характер их значений: они только указывают на предмет или признак предмета, но не называют их.

По значению, а также по характеру словоизменения и грамматической связи с другими словами местоимение в орокском языке можно разбить на следующие группы: личные, возвратные, притяжательные, указательные, вопросительные, определительные.

Личные местоимения

Ед. ч. 1-е л. <i>би</i> ~ <i>бии</i> 'я'	2-е л. <i>си</i> ~ <i>сии</i> 'ты'	3-е л. <i>нõни</i> 'он'
Мн. ч. 1-е л. <i>бу</i> 'мы'	2-е л. <i>су</i> 'вы'	3-е л. <i>нõчи</i> 'они'

При сравнении личных местоимений тунгусо-маньчжурских языков прежде всего останавливает на себе внимание тот факт, что в языке ороков, так же как и в языках ульчском и нанайском, отсутствует форма включительного местоимения для 1-го л. мн. ч. 'мы с вами', имеющаяся во всех остальных языках тунгусо-маньчжурской группы. Таким образом, упомянутые три языка (орокский, ульчский, нанайский) по этому признаку представляют обособленную группу.

По особенностям склонения личные местоимения орокского языка распадаются на два типа (табл. 7). Первый тип представляют местоимения 1-го и 2-го л. 'ед. и мн. ч. Они имеют различные основы в именительном и косвенных падежах (супплетивизм основ), как-то:

	ед. ч.	мн. ч.
1-е л.	<i>би</i> (<i>бии</i>) — <i>мин-</i>	<i>бу</i> — <i>мун-</i>
2-е л.	<i>си</i> (<i>сии</i>) — <i>син-</i>	<i>су</i> — <i>сун-</i>

Склонение указанных местоимений сходно с простым склонением имен существительных второго типа и отличается только формой винительного падежа, а именно: у местоимений 1-го и 2-го л. ед. ч. суффикс винительного падежа *-бэ* может выступать в форме *-бе* — *мимбэ* ~ *мимбе* 'меня', *симбэ* ~ *симбе* 'тебя'; у местоимений 1-го и 2-го л. мн. ч. за суффиксом падежа *-бэ* следует суффикс *-пу* — *мумбэпу* 'нас', *сумбэпу* 'вас'.

Таким образом, формы местоимений единственного числа сходны с возвратно-притяжательной формой имени существительного также в винительном падеже, например: *апумби* 'свою шапку'.

Формы местоимений множественного числа сходны с лично-притяжательной формой имени существительного в винительном падеже, например: *апумбапу* 'нашу шапку'. Следовательно, формы *мумбэпу*, *сумбэпу* означают как бы 'нас наших', 'вас наших'.

Кроме орокского языка, формы *мумбэпу*, *сумбэпу* в других тунгусо-маньчжурских языках не отмечены.

Другой тип по склонению представляют местоимения 3-го л. ед. и мн. ч., которые склоняются по образцу лично-притяжательного склонения имен существительных. Местоимения 3-го л. разлагаются на основу *нõн-* и притяжательный суффикс 3-го л. *-ни* в единственном числе и *-чи* во множественном: ед. ч. — *нõн-+ни* > *нõни*, мн. ч. — *нõн-+чи* > *нõчи*.

Притяжательные суффиксы при местоимениях 3-го л. утратили свое грамматическое значение.

Таблица 7

Склонение личных местоимений

Падежи	1-е лицо		2-е лицо		3-е лицо	
	ед. ч.	мн. ч.	ед. ч.	мн. ч.	ед. ч.	мн. ч.
	Именительный Винительный Местный I Направительно-дательный Местный II Продольный Исходный Творительный Совместный	би~бии мимбэ~мимбе минду миттэи миндулэ микки минду минзи минду	бу мумбэпу минду муттэи миндулэ микки минду минзи минду	си~сии симбэ~симбе синду ситтэи синдулэ сикки синду синзи синду	су сумбэпу сунду суттэи сундулэ сукки сунду сунзи сунду	нѳни нѳмбочи нѳндучи нѳттоичи нѳндулэчи нѳккичи нѳндучи нѳнзичи нѳндучи

Синтаксическая роль личных местоимений уже, нежели имен существительных: формы личных местоимений не выступают в предложении в роли обстоятельств.

Возвратные местоимения

Возвратные местоимения своей основой мэн- тесно связаны с местоимением мэнэ. Местоимение мэнэ ~ мэн в зависимости от сочетания с другими словами может иметь различные значения: 'сам, сами' и 'свой, свои'. В первом случае оно выступает в роли определительного местоимения, во втором — как притяжательное (несамостоятельное).

Возвратные местоимения, по существу, есть падежные формы от основы мэн- с возвратно-притяжательным оформлением (табл. 8).

Возвратные местоимения различаются по числам, хотя их основа в орокском языке в единственном и множественном числе одна и та же и показателями числа служат лишь возвратно-притяжательные суффиксы: в единственном числе суффикс -и, во множественном — -ри.

В склонении возвратного местоимения можно отметить следующие особенности:

у возвратных местоимений отсутствует именительный падеж, что связано с их семантикой;

в винительном падеже основа мэн- теряет ко-

нечный *н* и дает форму с суффиксом *-пи*, *-пэри* (*мэпи*, *мэпэри*);

в форме исходного падежа полная форма суффикса *-дуки* выявляется не только с возвратно-притяжательным суффиксом множественного числа (как в склонении имен), но и с суффиксом единственного числа *-и* (*мэндуки*, *мэндуккэри*);

падежные оформители под влиянием возвратного суффикса единственного числа *-и* видоизменяются и формы падежей творительного, совместного, местного I становятся омонимичными;

Таблица 8

Склонение возвратных местоимений

Падежи	Единственное число	Множественное число
Именительный	—	—
Винительный	<i>мэпи</i>	<i>мэпэри</i>
Местный I	<i>мэнзи</i>	<i>мэндүри</i>
Направительно-дательный	<i>мэттэки</i>	<i>мэттэкэри</i>
Местный II	<i>мэндули</i>	<i>мэндулэри</i>
Продольный	<i>мэкки</i>	<i>мэккэри</i>
Исходный	<i>мэндуки</i>	<i>мэндуккэри</i>
Творительный	<i>мэнзи</i>	<i>мэнзэри</i>
Совместный	<i>мэнзи</i>	<i>мэнзэри</i>

в падежных формах с возвратным суффиксом множественного числа *-ри* конечные гласные падежных суффиксов становятся долгими.

В употреблении форм возвратных местоимений останавливает внимание следующая особенность: их часто сопровождает в позиции к ним основа *мэн* (*мэн мэпэри*, *мэн мэттэкэри*). Например:

Тар соримари, мэн мэпэри чипали манаматчиүачи 'Так вражда, друг друга (сами себя) уничтожали'; *Мэн мэттэкэри нимэрипис'с'э, нимэрихэннэтэи дэливэ тојовкил битчици* 'Когда друг к другу (сами к себе) в гости приходили, гостя угощали едой'.

По формам возвратного местоимения орокский язык тесно объединяется в одну группу с языками ульчским и нанайским.

Притяжательные местоимения

В орокском языке притяжательные местоимения можно подразделить на несамостоятельные и самостоятельные. Эти две группы местоимений различаются между собой не только по своей

форме, но также и по возможностям участвовать в словоизменительных процессах, по способу сочетания их с другими словами и по роли их в предложении.

Несамостоятельные притяжательные местоимения употребляются при именах существительных, оформленных лично-притяжательными или возвратно-притяжательными суффиксами. При указании принадлежности 1-му и 2-му л. ед. и мн. ч. в значении несамостоятельных притяжательных местоимений употребляются или сами личные местоимения, или склоняемая основа соответствующих личных местоимений (*мин, син, мун ~ муну, сун ~ суну*); при указании 3-му л. — личное местоимение 3-го л. при возвратно-притяжательном оформлении *мэн ~ мэнэ* (см. стр. 38).

Самостоятельные притяжательные местоимения по своему оформлению, употреблению и значению представляют полнейшее сходство с притяжательными прилагательными. Оформителем их является суффикс *-ни*, присоединяемый к склоняемой основе личного или возвратного местоимения при помощи гласного *и ~ у*: *миниңи* 'мой', *синиңи* 'твой', *мунуңи* 'наш', *сунуңи* 'ваш'.

Возвратное самостоятельное притяжательное местоимение оформляется после суффикса *-ни* еще и возвратным притяжением — в единственном числе суффиксом *-и*, во множественном числе суффиксом *-ри*. Возвратный суффикс единственного числа *-и* сливается с *и* суффикса *-ни*: *мэниңи* 'свой' (одного лица), *мэниңэри ~ мэниңэри* 'свой' (многих лиц).

Появление долгого *e* перед суффиксом *-ри* следует объяснить следующими фонетическими явлениями: возвратный суффикс *-ри*, который имеет также и полную форму *-вари*, будучи присоединен к форме на *-ни*, дает *мэниңи-+вэри, в*, попадая в интервокальное положение, выпадает: *мэниңи+эри, и+э* дает долгое *ē* — *мэниңери*.

В притяжательных местоимениях 3-го л. конечное *n* склоняемой основы личного местоимения 3-го л. *нөн-* сливается с *н* суффикса в *н*, при этом для единственного числа за суффиксом *-ни* следует личное притяжание 3-го л. ед. ч. *-ни*, для множественного числа — личное притяжание 3-го л. мн. ч. *-чи*: *нөнүни* 'его', *нөнүчи* 'их'.

Употребление самостоятельных притяжательных местоимений возможно только в тех случаях, когда определяемое опускается; они могут изменяться и по числам, принимая суффикс *-сал* или *-л*, и по падежам (табл. 9).

В текстовом материале эта форма встречается крайне редко, так как она свойственна главным образом разговорной речи с опусканием тех или иных членов предложения.

Формы притяжательных самостоятельных местоимений во всех тунгусо-маньчжурских языках сходны между собой. Все они образуются через присоединение или к личным местоимениям (нанайский язык), или к основе несамостоятельных притяжатель-

Склонение самостоятель

Падежи	1-е лицо		2-е ли
	ед. ч.	мн. ч.	ед. ч.
Именительный	<i>миниңи</i>	<i>мунуңи</i>	<i>синиңи</i>
Винительный	<i>миниңивэ</i>	<i>мунуңивэ</i>	<i>синиңивэ</i>
Местный I	<i>миниңиду</i>	<i>мунуңиду</i>	<i>синиңиду</i>
Направительно-дательный	<i>миниңитэи</i>	<i>мунуңитэи</i>	<i>синиңитэи</i>
Местный II	<i>миниңилэ</i>	<i>мунуңилэ</i>	<i>синиңилэ</i>
Продольный	<i>миниңики</i>	<i>мунуңики</i>	<i>синиңики</i>
Исходный	<i>миниңизеду</i>	<i>мунуңизеду</i>	<i>синиңизеду</i>
Творительный	<i>миниңизи</i>	<i>мунуңизи</i>	<i>синиңизи</i>
Совместный	<i>миниңинду</i>	<i>мунуңинду</i>	<i>синиңинду</i>

ных местоимений (негидальский, эвенский, ульчский и др.), или к склоняемой основе личных местоимений (эвенкийский) суффикса *-ңи* ~ *-ңи* ~ *-ни*. Все же можно указать, что формы орокского языка наиболее близки формам ороцким и удэйским: как в тех, так и в других склоняемая основа личных местоимений берется с окончанием *и* в единственном числе и *у* во множественном числе. Формы склоняемых основ местоимений с окончанием на *и* мы находим и в низовском говоре нанай.

Указательные местоимения

В орокском языке для указательного местоимения 'тот' имеется две основы — *тари* и *ча*, для местоимения 'этот' четыре — *эри*, *јэ*, *эјэ*, *э* (в ряде форм).

Основная синтаксическая роль этих указательных местоимений — служить определением, причем без всякого согласования со своим определяемым. Например:

Гэ, эр нари муротчихони: би јэ пурэнду бутчимби-дэ умоту, би дукуби барони нэннйтэ! 'Ну, этот человек подумал: я в этом лесу все равно погиб, пойду-ка по направлению к дому!';

Амитчи унзүни: тари нā бини эри нэ бадзэни 'Отец говорит: та земля находится на противоположной стороне этого пролива';

Амиттаккёри ункичи: бу нāва бāхалу, ча нāду нарисал бичи, пэттэскэмэ тэтугэлул 'Своему отцу они сказали: мы землю нашли, на той земле люди живут, одежду имеют из нерпичьих шкур';

ных притяжательных местоимений

цо	3-е лицо		Возвратные местоимения		
	мн. ч.	ед. ч.	мн. ч.	ед. ч.	мн. ч.
<i>сунуни</i>	<i>нõнини</i>	<i>нõнучи</i>	(<i>мэниңи</i>)		(<i>мэниңери</i>)
<i>сунунивэ</i>	<i>нõнивани</i>	<i>нõнивачи</i>	<i>мэниңи</i>		<i>мэниңери</i>
<i>сунуниду</i>	<i>нõнидуни</i>	<i>нõнидучи</i>	<i>мэниңизи</i>		<i>мэниңидүри</i>
<i>сунунитэи</i>	<i>нõнитани</i>	<i>нõнитачи</i>	<i>мэниңитэки</i>		<i>мэниңитэкери</i>
<i>сунунилэ</i>	<i>нõнилани</i>	<i>нõнилачи</i>	<i>мэниңили</i>		<i>мэниңилэри</i>
<i>сунуники</i>	<i>нõникини</i>	<i>нõникичи</i>	<i>мэниңики</i>		<i>мэниңиккери</i>
<i>сунуниздеу</i>	<i>нõниздуни</i>	<i>нõниздучи</i>	<i>мэниңизежи</i>		<i>мэниңидуккери</i>
<i>сунунизи</i>	<i>нõнизини</i>	<i>нõнизичи</i>	<i>мэниңизи</i>		<i>мэниңизери</i>
<i>сунунинду</i>	<i>нõниндуни</i>	<i>нõниндучи</i>	<i>мэниңинзи</i>		<i>мэниңиндори</i>

Гэвхэту ункини: мимбэ эжэ саңнаки тугбусу, топкотузи сунабиягачери 'Гэвхэту сказал: вы меня в это отверстие спустите, веревкой обвязавши';

Ча долбонне аундагачери, чиманани гасатаккери нэнугэчи 'Ту ночь переночевали, утром отправились в свое селение'.

Оформителем множественного числа для местоимений *эри* и *тари* служит суффикс *-сал*, *-сэл*: *эрисэл* 'эти', *тарисал* 'те'. Эти указательные местоимения с показателем числа всегда субстантивируются. Например:

Тарисал дукучи зин даи 'Дом тех очень большой'.

Склонение указательных местоимений единственного числа не дает четкой картины. В заместительной роли имени существительного как дополнение встретились только формы винительного и творительного падежей от местоимения *ча* — *чава*, *чази*:

Ча путтэтэи бу гасандпу би мапа ула нэмиссэни, сундата пачиккэни тојохони. Тари чази аксами нэнугэтчи, зэсилтакки алдуридухани 'Того парня старик, живущий в нашем селении, угостил желудком оленя и хвостом рыбы. Тот, обидясь на то (тем), ушел и рассказал своим друзьям'.

Падежные формы прочих указательных местоимений единственного числа в имеющемся материале встретились только адвербиализованными. Например: *эду*, *јэду*, *эјэду* 'здесь', *элэ*, *јэлэ* 'сюда', 'досюда', *чаду*, *чакки*, *тала* 'там', *тау таду* 'там далеко', и др.

Следует отметить, что наибольшее число наречий образовано от местоимений *эри* и *тари*, имеющих словообразовательный суффикс *-ве*, *-вве* со значением „сторона“ (см. стр. 60);

при присоединении данного суффикса эти указательные местоимения теряют свой конечный слог: *эвве* ~ *эве* 1) 'эта сторона'; 2) 'этой стороны' (определение), *тавве* ~ *таве* 1) 'та сторона'; 2) 'той стороны' (определение).

Для примера привожу следующие наречия: *эвведу* 'отсюда', *эввепэ* 'здесь', *эввепэ-таввепа* 'здесь и там', 'всюду', *тавведу* 'оттуда', *таввепа*, *таввела* 'там'. Некоторые наречия, связанные с местоимением *тари*, имеют удвоенные основы, очевидно, для усиления значения. Например: *татаведу* 'оттуда издалека', *татавела*, *татавепа* 'там далеко', и др. Сюда же можно отнести и такие формы, как *тототои*, *тотовосои* 'туда далеко', *тотоду* 'там', и т. д.

От форм *эвве*, *тавве* с помощью суффикса *-ннени* (см. стр. 32) образуются имена существительные следующего значения: *эвеннени* 'здешний житель, житель этой стороны', *таввеннени* 'тамашний житель, житель той стороны'.

Следует отметить, что образований от местоимения *тари* встречается значительно больше, чем от других основ указательных местоимений.

С притяжательными суффиксами единственного или множественного числа при обязательном наличии суффикса относительного притяжания *-ну* местоимение *тари* может употребляться в значении личных местоимений 3-го л. 'он' или 'они'. Суффикс *-ну* в таком случае всегда предшествует суффиксу притяжания, а также показателю числа: *тариңуни* 'он', 'тот его', *тариңулли* 'они', 'те его', *тариңусалчи* 'они', 'те их'. Например:

Тариңуни уңзини: би эмэтчу зиң лакка биви 'Он говорит: я отсюда очень близко живу';

Гэ, тариңулли нѳббони гадумари нэнугэчи-тэни 'Ну, они, его уводя, ушли'.

Субстантивируется местоимение *тари* и со словообразовательным суффиксом *-нне* (см. стр. 30). Например:

Таринне улиңгази итэгини — бојо(н) 'Когда он (или тот человек) получше всмотрелся — медведь'.

Указательные местоимения *эриңэчи* ~ *эрэңэчи* 'этакий' и *тариңачи* ~ *тараңачи* 'такой' образуются от местоимений *эри*, *тари* с помощью суффикса *-ңачи*, *-ңэчи*, означающего подобие. Изменение конечного гласного основы *и* на широкий *а* или *э* связано с долгим гласным суффикса.

Во всех языках тунгусо-маньчжурских народностей, живущих в бассейне нижнего течения р. Амура, мы имеем в указательных местоимениях 'этот' и 'тот' замену звука *р* на *ј*: *эј*, *тэј*, *ти* (нанайское, ульчское, ороцкое); *эји*, *тэји* (удэйское); *эј*, *тај* (негидальское).

В орокском языке звук *р* сохраняется. То же самое мы видим в языках эвенкийском (*эр*, *тар*), эвенском (*эрэк*, *тарак*), в солонском (*эри*, *тари*) и маньчжурском (*эрэ*, *тэрэ*). Орокские

указательные местоимения *эри*, *тари* вполне тождественны с солонскими. Формы же с основой *јэ* встречаются в ульчском языке; *ча* — склоняемая основа для местоимения *тэј* в нанайском языке.

Вопросительные местоимения

Как уже было указано, возможностью постановки вопросительных местоимений *нуј* ~ *нуи* и *хај* ~ *хаи* имена существительные в орокском языке резко делятся на две группы: к первой принадлежит те имена, которые включают в себя понятие „человек“, ко второй те, которые обозначают все прочие понятия.

По своей грамматической характеристике местоимения *нуи* и *хаи* повторяют имя существительное. Им свойственны формы множественного числа с оформителем *-сал*, *-сэл*: *нуисэл* 'кто' (ко множеству), *хаисал* 'кто', 'что' (также ко множеству); формы простого и притяжательного склонений, формы словообразования, имеющиеся как внутри категории имени существительного, так и переводящие ее в другие категории: *хаима* 'какой', 'из чего сделанный', *хаилу* 'что имеющий', и т. д.

Местоимения *нуи* и *хаи* могут иметь значение 'чей', если являются определением и связаны с определяемым личным окончанием 3-го л. Например *нуи уланне?* 'чей олень?'; *хаи наттанне?* 'чья шкура?' (в значении 'какому животному принадлежит'); *нуи наттанунне?* 'чья шкура?' (с показателем относительного притяжания *-ну* употребляется в значении 'кто хозяин, добытчик, покупатель и т. д.?).

Являясь основой вопросительного глагола, местоимение *хаи* изменяется по образцу второго типа глаголов. Например: *хаиричи?* 'что они делают?' (*хаи*-основа глагола, *-ри* суфф. наст. вр. для II типа глаголов, *-чи* оформитель 3-го л. мн. ч.).

Прочие вопросительные местоимения являются производными от указанных двух вопросительных местоимений, причем больше образований связано с местоимением *хај* ~ *хаи*. Некоторые оформители производных вопросительных слов являются и в настоящее время продуктивными суффиксами, как например суффикс *-ни* в местоимении *нуини*, *хаини* 'чей', *-зи* в *хаибудзи* 'зачем', и др.

Имеется довольно большое количество вопросительных слов, выделяемая основа которых без сомнения связана с основой вопросительного местоимения *хаи*. Например: *хавву?* 'какой, который?', *хавасай?* 'куда?', *хаматчу?* 'откуда?', *хаввепа?* 'каким путем?', *хамача*, *хамачуга?* 'что такое?', *хаведу* ~ *хаваду?* 'откуда?', и др.

В языке имеются также вопросительные наречия, основа которых как будто не связана с местоимением *хаи*: *са*, *сага?* 'где?', *сала?* 'куда, до какого места?', *салада?* 'откуда?'.

В отрицательных предложениях вопросительные местоимения принимают частицу *-да*, *-дэ* и приобретают значение отрицательных. Например:

Нондунн хаи-да анауа: дэпи-дэ (дэпилэ) анауа, хаи-да тава-да анауа 'У него ничего нет: и пищи нет и никакого огня нет'; *Дукуду хаикки-да утэлэ анауа* 'В доме нигде дверей нет'.

Вопросительные местоимения с частицей *-ју* употребляются в значении неопределенных местоимений. Например:

Нимэрихэндунн гёда мама хаива-ју, хаива-ју силтухэни 'Когда он пришел в гости, одна старуха что-то мыла'.

Вопросительные местоимения орокского языка в основном вполне сходны с вопросительными местоимениями ульчского языка. Так, имеем: эвенк. — *ни, ёкун*; эвен. — *ни, јак*; негид. — *ни, ёхун*; маньчж. — *вэ, аі*; нан. — *уј, хаи*; ульч. — *нуи, хаи*; орок. — *нуи, хаи*.

Определительные местоимения

В эту группу местоимений входят следующие слова: *мэнэ* 'сам, сами', *чипали* 'весь, всё, все', *гэм ~ гым* 'все, всё', *гои ~ гоиуа* 'другой', *пёни* 'некоторые', *тауни ~ тавуни* 'каждый'.

Определительные местоимения ставятся после того слова, к которому относятся. Например:

Холдохо мэнэ јимбэ гатчини 'Сам Холдохо четырех (соборей) взял';

Улалбари чипали дапагачи, халлёра отчёри, нулзипитчичи 'Оленей своих всех забрали, запрягли и отправились кочевать'.

Определительное местоимение *тауни* разложимо на основу *таун-* ~ *тавун-* и притяжание *-ни*, с помощью которого это местоимение связывается с именем существительным. Например:

Нёчи дуку-дуку тавумбани гэллёчи 'Они каждый дом обыскивали'.

Определительные местоимения орокского языка почти полностью повторяют соответствующую группу слов в языках на-найском и ульчском.

ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ

Числительные как особая часть речи объединяют группу слов, связанных по своему значению с числовыми представлениями. Это — название чисел, название количества предметов или числового порядка предметов, названия определенного количества предметов как их совокупности, названия чисел, имеющих распределительное, повторительное или ограничительное значение.

Система счета в орокском языке десятиричная, в связи с чем и наименования для чисел первого десятка, включая и название

для десяти, представляют самостоятельные слова. Наименования для остальных чисел, за исключением заимствованного названия для двадцати, представляют те или иные комбинации из основных наименований.

По значению числительные орокского языка могут быть подразделены на следующие разряды: количественные, порядковые, распределительные, собирательные, ограничительные, повторительные.

Количественные числительные

Числительные количественные — это основная группа числительных, прочие же разряды являются производными от них. К количественным числительным относятся:

1 — <i>гѣда, гѣда</i>	16 — <i>зон нуу(н)</i>	
2 — <i>дѹ</i>	17 — <i>зон нада(н)</i>	
3 — <i>ила(н)</i>	18 — <i>зон заппу(н)</i>	
4 — <i>зин</i>	19 — <i>зон хују(н)</i>	
5 — <i>тунда</i>	20 — <i>хори</i>	
6 — <i>нуу(н)</i>	21 — <i>хор гѣда</i>	
7 — <i>нада(н)</i>	22 — <i>хор дѹ и т. д.</i>	
8 — <i>заппу(н), заппу(н)</i>	30 — <i>иландо</i>	
9 — <i>хују(н)</i>	40 — <i>зиндо</i>	
10 — <i>зон</i>	50 — <i>тундадо</i>	
11 — <i>зон гѣда</i>	60 — <i>нуундо</i>	
12 — <i>зон дѹ</i>	70 — <i>надандо</i>	
13 — <i>зон ила(н)</i>	80 — <i>заппундо, заппундо</i>	
14 — <i>зон зин</i>	90 — <i>хујундо</i>	
15 — <i>зон тунда</i>	100 — <i>гѣд тану, гѣтану</i>	
200 — <i>дѹ тану</i>	1000 — <i>гѣда миңа(н)</i>	10 000 — <i>тумэ</i>
300 — <i>ила(н) тану</i>	2000 — <i>дѹ миңа(н)</i>	100 000 } <i>даху</i>
400 — <i>зин тану</i>	4000 — <i>ила(н) миңа(н)</i>	1 000 000 }

Примечание. В словах *зин, зон* конечное *н* слышится вполне отчетливо.

Количественные числительные первого десятка являются простыми, производными. Эти числительные, если и отличаются от соответствующих числительных других тунгусо-маньчжурских языков, то только фонетически, образуя вполне закономерные чередования звуков (за исключением эвенского *мэп ~ м'ан* 'десять'). Особняком стоит в орокском языке наименование для единицы *гѣда ~ гѣда*, тогда как в других тунгусо-маньчжурских языках название единицы представляет фонетические варианты слова *эмѹ ~ умэн ~ омо ~ умун* и т. д.

Числительные второго десятка, за исключением наименования для двадцати *хори ~ хор*, составные. Они образуются по общему для тунгусо-маньчжурских языков правилу путем сочетания числительного *зон* 'десять' с соответствующим числительным первого десятка. Например: *зон тунда* 'пятнадцать', и т. д.

Количественные числительные круглых десятков, за исключением *хор ~ хори* 'двадцать', — все производные. Они образуются

ваны от количественных числительных первого десятка с помощью суффикса *-до*.

Суффикс *-до* можно рассматривать как фонетическое видоизменение слова *зон* 'десять'. Указанный суффикс не подчиняется гармонии гласных основ, а потому суффиксом приходится считать его условно. По названию десятков тунгусо-маньчжурские языки разграничиваются следующими чертами. В языках северной группы названия десятков от 20 и выше образуются из названия соответствующих единиц и десяти, причем в эвенкийском и эвенском языке десять берется во множественном числе (*зар*, *маер*). В негидальском наименование десятка не оформляется множественным числом. У представителей южной ветви — нанай и ульчей, а также у маньчжуров — для десятков до 50 включительно имеются свои особые названия, не стоящие в этимологической связи с названиями единиц, а начиная с 60 составляются из количественного числительного первого десятка, к которому присоединяется суффикс *-нгу* (нанай), *-н'зу* (ульчи, маньчжуры). Названия десятков у ороков этимологически сходны с названием десятков у удэ.

Количественные числительные круглых сотен и тысяч все составные — они состоят из числительного первого десятка и названия сотни *тангу* или тысячи *минга(н)*. Например: *дү тангу* 'двести', *дү минга(н)* 'две тысячи', и т. д. Числительное *гүда* ~ *гэда* в сочетании с *тангу* употребляется в сокращенной форме *гэд тангу* ~ *гүтангу* 'сто'.

В сложных числительных названия разрядов располагаются по убывающему ряду, т. е. всякое числительное высшего разряда предшествует числительному низшего разряда, например: *гэда минга(н) хују(н) танго нуңундо тунда* 'одна тысяча девятьсот шестьдесят пять'.

Количественные числительные в орокском языке редко встречаются в отвлеченно-счетной функции; чаще они сочетаются с именами существительными, определяя количество называемых предметов. В своей роли определения числительные, как правило, занимают место перед существительным, хотя нередки и случаи, когда числительное-определение стоит после определяемого имени существительного. Определяемое-существительное при определении-числительном стоит в форме именительного падежа. Например: *ила(н) сэплэ* 'три соболя' (*ила(н)* 'три', *сэплэ* 'соболь'), *дү пүттэ* 'два ребенка' (*дү* 'два', *пүттэ* 'ребенок').

При употреблении числительных больше единицы в качестве определения, определяемое может принимать суффикс множественного числа. Следует, впрочем, отметить, что это не носит характера вполне регулярного.

Словоизменение числительных крайне ограничено. Числительным вообще не свойственна категория числа, поскольку они

являются конкретными показателями количества. Отмечаем, что количественное числительное с суффиксом множественного числа *-сал, -сэл* субстантивируется, обозначая, как правило, число одушевленных предметов, обычно людей. Например:

Сэкэ тундасал гѣдадума угда хавудухани, иласал анал 'Вечером пять человек в одной лодке возвратились, три человека отсутствуют' (*тундасал* 'пять человек', *иласал* 'три человека' — подлежащие, выраженные числительными *тунда* 'пять' и *ила(н)* 'три' с оформителем *-сал*, имеющим, как видим, словообразовательное значение).

Встретившееся в собранных материалах количественное числительное *гѣда* 'один', оформленное суффиксом относительного притяжания *-ну* и соответствующим личным показателем, представляло также субстантивированную форму:

Гэ, чомзики гѣданучи унзини: Гэ, бала нэнэусу! 'Ну, вдруг один говорит: Эй, скорее идите!' (*гѣданучи* 'один-их или один из их компании').

Что же касается падежных форм, то их можно отметить три: форму винительного, творительного и местного I падежа. Форма творительного падежа свойственна числительным в сочетании с прилагательными обладания на *-лу*. Например: *дѣзи путтѣлу нари* 'человек, имеющий двух детей'. Что же касается винительного падежа, то в фольклорном материале имеется несколько примеров, когда форму винительного падежа принимает не определяемое, а определение-числительное. Специфику таких сочетаний имени существительного с числительным определить пока не удалось. Примеры:

Омболотто нѣчи дуллеkkѣчи исухани, иламба сэппэ вѣхани 'Омболото прежде их пришел, трех соболей убил';

Муиктэ улаба дапандахани, иламба ула дапахани 'Муиктэ оленей пошел взять, трех оленей взял'.

И в первом, и во втором примере числительное-определение *ила(н)* 'три' стоит в форме винительного падежа *иламба*, в то время как определяемые *ула* 'олень' и *сэппэ* 'соболя' падежного суффикса не имеют.

Мапа би ситтэи эси боѣнуласи таммѣви: иламба анани сундатталба, пѣттѣлбэ ваванзилами, иламба анани зин аѣзи бивэнзилэми 'Старик, я тебе теперь за твоего медведя плачу: в продолжение трех лет рыбу, нерпу я буду позволять убивать, в продолжение трех лет хорошо позволю жить'. В сочетании *иламба анани* 'в продолжение трех лет' оформлено суффиксом винительного падежа также только числительное *иламба*.

Встречаются также случаи, когда поставленные в качестве определения числительные принимают падежные суффиксы наравне с именем существительным-определяемым. Например: *Нѣни зѣмбэ сэппэвэ гатчини* 'Он четырех соболей добыл'.

Порядковые числительные

В орокском языке имеются следующие формы порядковых числительных.

1-й — <i>гёдзе</i>	11-й — <i>зон гёдзе</i>
2-й — <i>дүжэ</i>	12-й — <i>зон дүжэ</i>
3-й — <i>илле</i>	13-й — <i>зон илле</i>
4-й — <i>зижэ, зижэ</i>	14-й — <i>зон зижэ</i>
5-й — <i>тунзе</i>	15-й — <i>зон тунзе</i>
6-й — <i>нунне</i>	16-й — <i>зон нунне</i>
7-й — <i>надзе</i>	17-й — <i>зон надзе</i>
8-й — <i>заппе, закпе</i>	18-й — <i>зон заппе</i>
9-й — <i>хујижэ, хујэ</i>	19-й — <i>зон хујижэ (хујэ)</i>
10-й — <i>зоји</i>	20-й — <i>хоре</i>

У сложных числительных в форме порядкового числительного стоит только самый низший разряд, например: 1946-й — *гёда миңа(н) хују(н) таңу зиндо нунне*.

Порядковые числительные в орокском языке являются производными от количественных, причем оформитель в них в ряде случаев настолько тесно слился с основой, что выявить его несколько затруднительно. Судя по образованию числительных *дүжэ* 'второй', *зижэ* 'четвертый', *хујэ* 'девятый', можно предполагать, что таким оформлением может быть сочетание *-јэ*. В результате тесного слияния с основой возникло смягчение последнего согласного основы и изменение конечных гласных *а, у в е (нада(н) — надзе, нуңу — нунне* и т. д.). В числительных „второй“, „четвертый“, „девятый“ присоединение предлогаемого форманта происходило несколько иначе. Так, в числительном второй *-јэ* присоединилось непосредственно к количественному числительному „два“ (*ду — дүжэ*), в числительном „четвертый“ количественное числительное *зин* 'четыре' только теряет конечный *н* *зин — зижэ*, в числительном „девятый“ *ју* основы и *ј* оформителя сливаются.

В низовском говоре нанай, а также у самагиров употребляются порядковые числительные, характеризующиеся наличием смягчения последнего согласного в основе. У ульчей порядковые числительные имеют своим оформителем суффикс *-ј, -и*.

Наиболее близки формы порядковых числительных в языках ороков, нанай и ульчей.

К своеобразным формам порядковых числительных можно отнести и числительные для возрастных обозначений, которые образуются или из формы порядковых числительных и суффикса *-нни, -нне*, или из количественного числительного и суффикса *-ллени*. Например: *гёдинне ~ гёдаллени* 'первый (год или месяц от рождения)', *дүјэнни ~ дүллени* 'второй (год или месяц от рождения)', и т. д.

Распределительные числительные

Распределительные числительные, характеризующиеся значением „по одному“, „по два“ и т. д., образуются через присоединение к количественным суффикса *-тал*, *-тэл* (конечный *н* основ при этом не выявляется):

<i>гѣдатал</i> 'по одному'	<i>заппутал</i> 'по восьми'
<i>дѣтэл</i> 'по два'	<i>хујутэл</i> 'по девяти'
<i>илатал</i> 'по три'	<i>зотал</i> 'по десяти'
<i>зитэл</i> 'по четыре'	<i>зон гѣдатал</i> 'по одиннадцати'
<i>тундатал</i> 'по пяти'	<i>зон дѣтэл</i> 'по двенадцати'
<i>нуутэл</i> 'по шести'	<i>хоритал</i> 'по двадцати'
<i>кадатал</i> 'по семи'	и т. д.

Если указанная форма распределительного числительного (при числительном больше единицы) служит определением, то определяемое имеет форму множественного числа. Например:

Гасанду дѣ путтэ дэрэдиґэчи зон дѣтэл ананиґусал,
 'В селении два мальчика остались по двенадцати лет'.

В рассматриваемых формах после суффикса *-тал*, *-тэл* может стоять суффикс *-зи*:

гѣдаталзи 'по одному', *дѣтэлзи* 'по два', *илаталзи* 'по три',
зоталзи 'по десяти'.

Кроме приведенной формы, в орокском языке встречаются также распределительные числительные, образованные через двухкратное повторение числительного количественного, причем первое из них берется в своей основе, второе же с суффиксом *-зи*. Например:

гѣда гѣдази 'по одному', *дѣ дѣзи* 'по два', *ила иланзи* 'по три', *зин зинзи* 'по четыре', *тунда тундази* 'по пяти', *зон зонзи* 'по десяти', и т. д.

Данная форма распределительных числительных вполне тождественна негидальской, кроме того, подобная форма имеется и в языках нанайском, удэйском (без суффикса *-зи*), в ульчском (суффикс *-зи* имеют оба числительных) и отчасти в орокском.

Собирательные числительные

Собирательные числительные встречаются в орокском языке в двух видах:

с суффиксом *-туґаса*, *-туґэсэ*, иногда осложненном суффиксом *-зири*: *илатуґаса* ~ *илатуґасазири* 'трое' (при присоединении суффикса *-туґаса*, *-туґэсэ* основа числительного конечного *н* не выявляет); встречается и с суфф. мн. ч. *-л*;

с суффиксом *-нне*, *-нни*: *дѣнне* 'двоем', *иланне* 'троем', и т. д.

Обе формы субстантивированные и подробнее рассматриваются в разделе „Словообразование имен существительных“.

Ограничительные числительные

Ограничительные числительные в значении „только один“, „только двое“ и т. д. образуются с суффиксом *-рука -рукэ*, например: *дүрукэ* 'только двое', *иларука* 'только трое', и т. д. Для выражения 'только один' имеется две формы: *умукэ* и *тэу гёда*.

Повторительные числительные

Повторительных числительных имеется два вида:

с суффиксом *-ра -рэ*, присоединяемым непосредственно к числительному количественному, конечный *н* у количественных числительных при этом не выявляется: *гёдара* 'однажды', *дүрэ* 'дважды', *илара* 'трижды', и т. д. (от этой формы числительных могут образовываться глагольные основы, например: *нбчи илара-чи, гачи* 'они втроем что-либо делали'); с формантом *-гда, -гдэ* от указанных повторительных числительных образуются и имена существительные: *дүрэгдэ* 'двойка', *иларагда* 'тройка', и т. д. (см. стр. 31);

с суффиксом *-лта, -лтэ*, который, как и в первом случае, присоединяется непосредственно к числительному количественному, конечный *н* при этом также не выявляется; повторительные числительные с суффиксом *-лта, -лтэ* употребляются чаще первых, имеющих суффикс *-ра, -рэ*:

Би нэнэ пурэтэи илалта пулчимби 'Я весной в тайгу три раза ходил'.

При помощи суффикса *-лта, -лтэ*, как уже говорилось выше (см. стр. 31), образуются существительные, означающие то или иное количество дней: *нуңултэ* 'шестидневка', *илалта* 'трехдневка', и т. д.

Формы с суффиксом *-ра, -рэ* имеются почти во всех тунгусских языках, что же касается формы с суффиксом *-лта, -лтэ*, то она в значении повторительного числительного встречается только в орокском языке.

Числительные — единицы измерения

Производными от числительных являются и те единицы измерения, которыми ороки, как нанай и ульчи, пользуются, например, для измерения подкожного жирового слоя у медведя: *умуниңи* — ширина последнего сустава указательного пальца, *дүниңи* — ширина последних суставов указательного и среднего пальцев, *иланиңи* — ширина последних суставов указательного, среднего и безымянного пальцев, *зиниңи* — ширина последних суставов указательного, среднего, безымянного и мизинца. *тунданиңи* — добавляется последний сустав указательного пальца другой руки, *нуңуниңи* — добавляется последний сустав

указательного и среднего пальцев другой руки, *наданиңи* — добавляются последние суставы указательного, среднего и безымянного пальцев другой руки, *закпуниңи* — ширина равняется ширине последних суставов указательного, среднего, безымянного и мизинца обеих рук вместе.

Для более крупных измерений (шкурок зверя, высоты ловушек и т. д.) служат меры, логически хотя и связанные с первыми, но уже не являющиеся производными от числительных: *дапакта* — ширина ладони у основания пальцев, *чимина* — расстояние между суставом согнутого указательного пальца и концом отставленного в сторону большого пальца, *муңбо* — расстояние от конца большого пальца до конца указательного пальца (русская четверть), *тавал* — расстояние от конца большого до конца среднего пальца, *дә* — расстояние между концами пальцев обеих рук, вытянутых в сторону.

НАРЕЧИЕ

Наречие объединяет неизменяемые слова, обозначающие признак действия или качества, в силу чего они могут сочетаться с формами глагола и ограничено с качественными прилагательными и наречиями. По семантическому признаку наречия орокского языка можно разбить на следующие группы: наречия качества, наречия предела, наречия места, наречия времени.

Наречия качества

Эти наречия можно сгруппировать следующим образом.

Наречия без суффиксального оформления — это, как правило, односложные наречия с закрытым типом слога. При их употреблении часто используется грамматическое средство удвоения: *тесс* 'много, в изобилии', *зип* 'плотно (закрыть)', *пос* 'насквозь', *јап* 'прямиком (через реку)', *кас* 'через, прямиком', *тас* 'совсем, окончательно', *хэп* 'кругом, сплошь', *лесс* 'обильно', *кап* 'вместе', *кес-кес* 'совсем высохши', *тап* 'насквозь', *луктэс* 'вырвавшись', *лоп-лоп* 'глубоко взрывая', *кус-кус* 'очень быстро', *чор* 'мимо', *хал-хал* 'растерявшись', *кең* 'с треском', *сар* 'вдребезги', *пит* 'тотчас, моментально', *зик* 'как раз, в пору', *чак* 'полно', *гэг-дэг* 'постоянно'. Примеры:

Тар гаса ча туриба саңнакини чул йхэни-тэни 'Птица юркнула в отверстие той трубы' (*чул ихэни* 'юркнула', дословно 'моментально вошла');

Золони аундавби увекэни зилтэ хэрэли;этчи чоп нэнэхэни 'Делони над юртой покрусился четыре раза и исчез' (*чоп нэнэхэни* 'исчез, совсем ушел').

Наречия на *-ми* представлены немногочисленной группой: *эндэми* 'нечаянно', *хэнуми* 'легко, дешево', *шумуми* 'пешком', и др.

Наречия на *-м, -мзи* представлены сравнительно многочисленной группой застывших наречных форм с невыделяемой значимой основой: *саркам* ~ *саркамзи* 'наповал, сразу', *нэм* 'ослепительно ясно', *дарам-дарам*, *дарамзи* 'рядом', *килэм-килэм* 'пристально', *чимтэмзи* 'плотно', *чомзи* 'сразу, вдруг' *далумзи* 'наполненно', *куптумзи* 'плавающая на поверхности', *чакчам* ~ *чакчамзи* 'туго, плотно', и др.

Сюда же должна быть отнесена и группа наречий с суффиксом *-мзи*, осложненным суффиксом *-ра, -рэ*: *амбарамзи* 'сильнее, пуше', *мукчурэмзи* 'сгорбившись, согбенно', *чунгурэмзи* 'истерзанно', *пурхэрэмзи* 'лопаясь'. В наречиях данного типа часто может быть выделена значимая основа, которая также является наречием: *амба* 'очень чрезвычайно', *чуңгуну* 'совсем изломано', *мукчу* 'криво'.

Наречия на *-зи* с выделяемой основой, относящейся к прилагательным: *улиңази* 'хорошо', *улиңа* 'хороший'; *оркинзи* 'плохо', *орки(н)* 'плохой'; *мангази* 'трудно', *манга* 'крепкий, сильный'; *ситэунзи* 'по-новому', *ситэу(н)* 'новый'; *гехунзи* 'свободно, слабо'; *ајамунзи* 'быстро', и др.

Наречия на *-ка, -кэ, -ко*: *чомзико* 'моментально', *чомзи* 'сразу, вдруг'; *анакка* 'совсем нет', *ана* 'нет'; *чакка* 'полным полно', *чак* 'полно'; *пакка* ~ *пакал* 'совсем темно', *лакка* ~ *лака* 'близко', *кипкэ* 'слоmano', *пакко* 'очень плохо', *умукэ(н)* 'в одиночку, совсем один'.

Суффикс *-ка, -кэ, -ко* в прилагательных имеет значение усилителя признака. Подобное значение он придает и некоторым словам данной группы наречий.

Наречия на *-таи, -тэи, -тои* представлены немногочисленной, но довольно четкой и по значению, и по оформлению группой. Принимая во внимание смысловую сторону слов, указанный суффикс легко разложить на суффикс направительного падежа *-таи, -тэи, -тои* и суффикс *-п*, значение которого неясно: *тэлтэи* 'вниз дном', *куптэлтэи* 'вверх дном', *мукчуптаи* 'вкось', *нонилаптои* 'вдоль', *чуңгулиптэи* 'поперек', *холдоптои* 'набок'; так же: *хэундэи* 'набок', *ондои* 'навзничь', *хумсэи* 'ничком'.

В последних трех наречиях мы имеем фонетическую разнovidность суффикса направительного падежа при отсутствии компонента *-п*.

Наречия на *-гдэ, -дэ, -да*: *мэгдэ* 'целиком', *гэсэгдэ* 'поровну', *нанда* 'потихоньку', *гэсиндэ* 'все равно', *чуңгудэ* 'совсем изломано'.

Относительно большое число качественных наречий не имеет общего оформления: *аја* 'хорошо', *гочи* 'еще', *гэсэ* 'вместе', *бала*

'скорей', хэмэ 'тихо', пулэ 'излишне', кэтэтэ 'чуть-чуть', сулэ-сулэ 'едва, еле-еле', мукчу 'криво', баже 'пуще, сильнее', нэ 'обязательно', пази 'отдельно', паи 'мелко', хэрэ ~ хэры 'едва', килто 'блестяще', хэрэ-хэрэ 'чуть-чуть', нилау 'босиком', холдо-холдо 'бок-о-бок', су 'мимо', хэту-хэту 'порвавшись на мелкие части', чи 'постоянно', и др.

Заканчивая перечень групп качественных наречий, следует остановиться на группе слов, которые в одном и том же оформлении (суффикс *-ули*) могут быть прилагательными, указывая признак предмета в сочетании с существительными, и наречиями, сочетаясь с глаголами: *баурули* 'скользко', *нуңдули* 'холодно', *муналули* 'жалко', *нэлэсули* 'страшно', *намаули* 'тепло', *сэбдэниули* 'весело', и др.

Наречия предела

К этим наречиям относятся образования от глагольных основ с суффиксом *-дала*, *-дэлэ*, *-доло*, которые обозначают предел совершения главного действия в смысле полноты его осуществления, результативности или простого ограничения по времени: *будэлэ* 'досмерти', *бур-* 'умирать'; *аудала* 'пока не заснул', *ау-* 'спать'; *одоло* 'пока не стал, не сделался...', *о-* 'делаться, становиться'.

Доротои синдауатчи, халалзи гэсэ дэи одоло битчичи 'На север Сахалина приехавши, со своим родом вместе, пока не стали взрослыми, жили'.

Имеются подобные образования и от наречий: *долбодола* 'до ночи', *долбо* 'ночью', *эсидэлэ ~ исидэлэ* 'до сих пор', *эси ~ иси* 'сейчас'.

Тип орокского образования наречий предела с живым словообразовательным элементом *-дала*, *-дэлэ*, *-доло* свойствен большинству тунгусо-маньчжурских языков как северной, так и южной группы.

Наречия места

Наречия места обозначают признаки места или направления действия.

Большая группа этих наречий связана своей основой с именами существительными и прилагательными пространственного значения, а также с указательными местоимениями.

Как правило, наречия места во всех тунгусо-маньчжурских языках образуются при участии оформителей тех падежей, которые имеют то или иное локативное значение. Для наречий места орокского языка такими падежными оформителями являются:

суффикс *-ду* на вопрос *хаведу?* 'с какой стороны?' можно сопоставить с суффиксом *-дук* исходного падежа;

Наиболее употребительные наречия места в орокском языке

<i>хаѵи-хаѵе?</i> 'какая сторона?'	<i>хаѵеѵу?</i> 'с какой стороны?'	<i>хаѵепта?</i> 'каким путем?'	<i>хаѵла?</i> 'где?'	<i>хаѵлау?</i> 'где?'	<i>хаѵасаи?</i> 'куда?'	<i>хаѵатчо?</i> 'откуда?'
<i>хамме,</i> <i>хамари</i> 'сторона предмета'	<i>хамареѵу,</i> <i>хаммеѵу</i> 'сзади'	<i>хамарепа,</i> <i>хамеппа</i> 'позади'	<i>хамарепа,</i> <i>хаммела</i> 'сзади, позади'	<i>хамрре</i> 'сзади, позади'	<i>хамаритаи,</i> <i>хамасаи</i> 'назад'	—
<i>дулле</i> 'сторона предмета'	<i>дуллеѵу</i> 'спереди'	<i>дуллепэ</i> 'впереди'	<i>дуллелэ</i> 'впереди'	<i>дуллеѵу</i> 'впереди'	<i>дуллеэси</i> 'вперед'	<i>дуллеѵу</i> 'спереди'
<i>уѵелле, уѵеѵе</i> 'сторона над метом'	<i>уѵеѵеѵу</i> 'сверху'	<i>уѵрпэ уѵѵепэ</i> 'поверху'	<i>уѵелэ</i> 'поверху'	<i>уѵеѵу</i> 'вверху'	<i>уѵэси</i> 'вверх'	<i>уѵѵу</i> 'сверху'
<i>пэѵѵе</i> 'сторона под метом'	<i>пэѵѵеѵу</i> 'снизу'	<i>пэѵѵепэ</i> 'понизу'	<i>пэѵѵелэ</i> 'понизу'	<i>пэѵѵеѵу</i> 'внизу'	<i>пэѵѵептэи</i> 'вниз'	<i>пэѵѵу</i> 'снизу'
<i>хэѵѵе</i> 'сторона течения'	<i>хэѵѵеѵу</i> 'снизу по течению'	<i>хэѵѵепэ</i> 'вниз по течению'	<i>хэѵѵелэ</i> 'вниз по течению'	<i>хэѵѵеѵу</i> 'вниз по течению'	<i>хэѵѵептэи,</i> <i>хэѵѵи</i> 'вниз по течению'	<i>хэѵѵу</i> 'снизу по течению'
<i>солле, соло</i> 'сторона течения'	<i>соллеѵу</i> 'против течения'	<i>соллепа</i> 'против течения'	<i>соллела</i> 'против течения'	<i>соллеѵу</i> 'против течения'	<i>солон, со-</i> <i>лоптон</i> 'против течения'	<i>солотчу</i> 'против течения'
<i>баѵѵе</i> 'сторона положного берега'	<i>баѵѵеѵу</i> 'с того берега'	<i>баѵѵепа</i> 'тем бере- гом'	<i>баѵѵелла</i> 'тем бере- гом'	<i>баѵѵеѵу</i> 'на том берегу'	<i>баѵсаи</i> 'на тот берег'	<i>баѵѵу</i> 'с того берега'

Наиболее употребительные наречия места в орокском языке

<i>ҕилле, ҕилвэ</i> 'сторона от берега к лесу'	<i>ҕилвэ</i> 'от леса'	<i>ҕиллэ</i> 'лесом'	<i>ҕилэ</i> 'по лесу'	<i>ҕилу</i> 'в лесу'	<i>ҕисэи</i> 'к лесу'	<i>ҕитчу</i> 'от леса'
<i>ҕове, ҕои</i> 'прибрежная сто- рона'	<i>ҕоведу</i> 'от берега'	<i>ҕовеппа, ҕоипа</i> 'берегом'	<i>ҕовела, ҕоила</i> 'по берегу'	<i>ҕоину</i> 'на берегу'	<i>ҕоветан, ҕоисон</i> 'к берегу'	<i>ҕоитчу</i> 'от берега'
<i>эве</i> 'эта сторона'	<i>эведу</i> 'отсюда'	<i>эвеплэ</i> 'этой сто- роной'	<i>элэ, јэлэ</i> 'здесь'	<i>эвведу, јэду</i> 'здесь'	<i>эвэтэи, эвэсэи</i> 'сюда'	<i>эвэтчу, јэлтэчу</i> 'отсюда'
<i>таве</i> 'та сторона'	<i>таведу</i> 'оттуда'	<i>тавеппа</i> 'той сто- роной'	<i>чала, тала, тавелла</i> 'там'	<i>таведу, чаду</i> 'там'	<i>тавасаи</i> 'туда'	<i>таватчу</i> 'оттуда'
<i>гороҕҕе</i> 'дальняя сторона'	<i>гороҕеду</i> 'издалека'	<i>гороппо</i> 'далью'	<i>горола</i> 'вдали'	<i>городу</i> 'вдали'	<i>горотои</i> 'вдаль'	<i>горотчу</i> 'издали'
<i>лаккэҕҕе</i> 'ближняя сторона'	<i>лаккэҕҕеду</i> 'из близни'	<i>лаккапа</i> 'вблизни'	<i>лаккала</i> 'вблизни'	<i>лаккаду</i> 'вблизни'	<i>лаккэстак</i> 'близко'	<i>лаккэтчү</i> 'из близни'
<i>бэҕҕэ, бөккө</i> 'наружная сторона'	<i>бэҕҕэду</i> 'снаружи'	<i>бөппо</i> 'снаружи'	<i>бэҕҕэло, бөкөду</i> 'снаружи'	<i>бөдо, бөкөду</i> 'снаружи'	<i>бөтөи</i> 'наружу'	<i>бөтчү</i> 'снаружи'
<i>дөҕҕэ, дөккө</i> 'внутренняя сторона'	<i>дөккөду, дөүҕөду</i> 'внутри'	<i>дөрпа дөк-көпө, дөппөл</i> 'внутри'	<i>дөло</i> 'внутри'	<i>дөлау</i> 'внутри'	<i>дөтөи</i> 'внутри'	<i>дөтчү</i> 'внутри'

суффикс *-ла* на вопрос *хавеппэ?* 'каким путем?' — с суффиксом винительного падежа;

суффикс *-ла* на вопрос *хаила?* 'где?' — с суффиксом местного II падежа;

суффикс *-ки, -кке* на вопрос *хаввекки?* 'где?' — с суффиксом продольного падежа;

суффикс *-ду, -ну* на вопрос *хаиду?* 'где?' — с суффиксом местного I падежа;

суффикс *саи, -сэи* и *-таи, -тэи* на вопрос *хавасаи?* 'куда?' — с суффиксом направительного падежа;

суффикс *-тчу* на вопрос *хаматчо?* 'откуда?' — форма, не имеющая соответствия в живом падежном оформлении.

Наречия места имеют по две основы: одна представляет образования с суффиксом стороны *-зе, -зи, -ве, -ви* и прочими его вариациями (см. стр. 60) и отвечает на вопрос *хавве ~ хавви?* 1) 'какая сторона?', 2) 'какой стороны?', например: *хамме* 'задняя сторона', *новве* 'прибрежная сторона', *бодзе* 'наружная сторона', и т. д.; другая основа пока еще не всегда выделяется как значимое слово, например: *хамма, нои*.

В первой колонке списка наречий помещены образования первого типа с легко выделяемой основой для представленных в следующих колонках наречий места. Наречия от второй основы даются там, где это позволяет сделать имеющийся в нашем распоряжении материал.

Формы слов пространственного значения по традиции в настоящей работе рассматривались в различных грамматических категориях. Возможно, более углубленное изучение этой группы слов позволило бы объединить их и выделить как особую подгруппу слов в языке ороков.

Дополним приведенный список следующими одиночными наречиями места, отвечающими на вопросы *хавасаи* и *хаила*:
хавасаи? 'куда?' — *аттаи* 'вправо', *дэуттэи* 'влево',
аттаптаи 'навстречу', *тајсаи* 'в глубь моря', *ханнесаи* 'в сторону'

хаила? 'где?' — *дэунзелэ* 'слева', *анзела* 'справа', *ханнела, ханнепа* 'в стороне'.

Следует отметить, что когда речь идет о пространственных понятиях, чаще употребляются вопросы *са, сага?* 'где?', *сала?* 'куда?', *салада?* 'откуда?'.

В большинстве представленных в списке наречий места нельзя выделить живую основу, и это именно в тех словах, которые, отвечая на вопрос 'куда?' (*хавасаи?*), имеют оформителем суффикс *-саи, -сэи*. В падежных формах имен этому суффиксу соответствует *-таи, -тэи*. В тех наречиях места, в которых можно выделить основу, оформителем также является суффикс *-таи, -тэи, -тои*. Например: *горотои* 'вдаль', *горо* 'далеко'; *лакатои* 'вблизи', *лакка* 'близко'; *бботои* 'наружу', *бб* 'погода, небо';

дѳтои 'внутри', *дѳ-ни* 'пространство внутри чего-либо'; *хэјэп-тэи* 'по течению реки', *хэјэ-* 'течь, течение'; *солоптѳои* 'против течения', *соло-* 'плыть против течения'; *аттаптаи* 'навстречу'.

В последних трех наречиях суффиксу *-таи*, *-тэи*, *-тои* предшествует суффикс *-п*. Кроме того, наречия *хэјэптэи* и *солоптѳои* выделяются среди наречий, объединенных вопросом *хава-саи?*, а также и тем, что имеют параллельные формы того же значения *хэјэи* и *солои*.

Исключение в этой группе представляют наречия *дэуттэи* 'влево' и *аттаи* 'вправо', которые имеют „живой“ оформитель *-таи*, *-тэи*, хотя их основы *дэун-* и *ан-* без оформления суффиксом *-зи*, *-зе* не являются значимыми словами.

Разнообразные формы наблюдаются у наречий, отвечающих на вопрос местного I падежа *хаиду?* 'где?'.
В четырех наречиях с выделяемой основой, а также в наречиях с основой, восходящей к указательным местоимениям, оформитель суффикс местного I падежа *-ду*: *городу* 'вдали', *лаккаду* 'вблизи', *бѳдо* 'снаружи', *дѳду* 'внутри', *јѳду* 'здесь', *чаду* 'там'.

Прочие наречия имеют своим оформителем суффикс *-ну*, который представляет собой фонетическую разновидность суффикса *-ду*: *уену* 'вверху', *пѳдзѳену* 'внизу', *соллену* 'против течения', *хѳдзѳену* 'по течению', *бадзѳену* 'на том берегу', *зѳину* 'в стороне леса', *нојну* 'на берегу'.

Наконец, наречие *хамарре* 'сзади' имеет оформление, совершенно не связываемое с оформлением местного I падежа.

Наречия со значением 'здесь', 'сюда' и т. д. имеют в своем ряду формы от двух основ, одну из которых можно связать с указательным местоимением *эри* 'этот', другую — с разновидностью этого же местоимения *јѳ*.

Основы наречий 'там', 'туда' и т. д. (см. список) также связываются с двумя разновидностями указательного местоимения *тари* и *ча* 'тот'.

Кроме рассмотренных выше, можно отметить также наречия места, образованные по способу удвоения (редупликации): *эвѳс-тавас* 'туда-сюда' (сокращенная форма от *эвѳсѳи-тавасаи*), *эвѳтаве* 'тут и там'; *лака-ју*, *горо-ју* 'близко ли, далеко ли', и др.

Наречия времени

Эти наречия обозначают признаки времени совершения действия. Например:

Чиманани нарисал гулитчици улаба гѳлѳндѳэмѳэри 'Утром люди отправились разыскивать оленей';

Гѳдара боло гѳбдондѳобудури хумѳѳѳэчи 'Однажды осенью они собирались соболѳевать'.

Приводим список наиболее часто встречающихся наречий времени: *тувѳэ* 'зимой', *дува* 'летом', *боло* 'осенью', *нѳннѳэ* 'весной',

инэни 'днем', *инэу-инэу* 'каждый день', *с'экс'э* 'вечером', *долбо* 'ночью', *долбо-инэни* 'и ночью и днем', *чиманани* ~ *чимагасир* ~ *чимауи* 'утром', *чиманај* 'завтра', *чимани* 'послезавтра', *чинне* ~ *чинэ* 'вчера', *чиуапани* 'третьего дня', *хали?* 'когда?' (вопрос к наречиям времени), *тэли* 'тогда', *дулузи* 'сперва, сначала', *халанда* 'раньше, давно, когда-то', *оронни* 'недавно', *эси* ~ *иси* ~ *исидэ* 'сейчас', *исинэни* ~ *эсинэни* 'сегодня' (составлено из двух слов: *иси* + *инэни* ~ *эси* + *инэни* 'сейчас + днем').

Сюда же относятся следующие наречия: *гэдара* 'однажды' (по форме повторительное числительное, по значению — наречие времени), *гэдара-гэдара* 'иногда', *болон-болон* 'каждую осень', и др.

Наречие *чѳтчи*, *чѳтчѳри* 'потом' является формой разновременного деепричастия от глагольной основы IV типа *то-* 'действовать, делать', прошедшей ряд фонетических преобразований (основа *то-* + суфф. *-ѳтчѳри* > *тоѳтчѳри*, затем через выпадение проточного *ѳ* и слияние двух *о* получилась форма *тѳтчѳри*, далее, в силу обратной ассимиляции на расстоянии, — *чѳтчѳри*). Подобным же образом возникло наречие *чѳтчи*: основа *то* + суфф. разновременного деепричастия ед. ч. *-ѳтчи* (*то- + ѳтчи* > *чѳтчи*).

Наречие *чѳмдико*, *чѳмдикы* 'вдруг, в тот же момент' также, очевидно, представляет одновременно-длительную деепричастную форму от той же глагольной основы *то-* 'делать, действовать' с дополнительным суффиксом *-ко*. Изменение с основной *то-* в *чѳ-* в данном случае могло произойти и под влиянием второго слога *-мзи* (регрессивная ассимиляция на расстоянии), и в силу аналогии с формами *чѳтчи*, *чѳтчѳри*.

Установить, что наречие *чѳтчѳри*, *чѳтчи* 'потом' представляет форму разновременного деепричастия от глагольной основы *то-* 'делать, действовать', в значительной мере помогло происходящее на наших глазах образование наречия 'потом' в языках ульчском и нанайском, а именно: нан. *тотара* ~ *тујтара* 'потом' образовано из наречия *туј* 'так' и разновременного деепричастия от глагольной основы *та-* 'делать, действовать', также и ульч. *титара*.

ЧАСТИЦЫ

-га, *-га* употребляется в вопросительных предложениях с добавочным оттенком досады, испуга, желания убедить в чем-либо и т. д. Например:

Хайми си јэду аурисы-га? 'Да почему же ты здесь спишь-то?';
Тар хаи кэсэн-га? 'Да чей же это голос-то?';

Си хаубудзе хиндагасы-га? — *унзини* 'Да зачем же ты пришел-то? — говорит'.

-да, *-дэ* употребляется главным образом в отрицательных предложениях. Например:

Хаила-да ана, улалла-да ана, абдулла-да ана осиласу 'Безо виего — без оленей, без имущества останетесь'.

Кроме того, вопросительные местоимения с частицей *-да, -дэ* могут иметь значение неопределенности. Например:

Хони-да би маңасал битчичи 'Всекие богатыри были'.

-ја, -јо, -јэ, -муна -мунэ — частицы совместности, заменяют оформления совместного падежа (подробнее см. стр. 51).

-ју употребляется в вопросительных предложениях, при этом частица *-ју* присоединяется к тому слову, на которое падает логическое ударение. Например:

Си хаиси (хаисе) — нариси-ју, тэддэ пэтэси-ју? 'Да ты кто — человек-ли, или в самом деле нерпа?'.

Частица *-ју* употребляется также для внесения оттенка неопределенности, предположительности. Например:

Нэнэмзе, нэнэмзе йида нāва-ју, хаива-ју итэүэчи 'Плыли они, плыли и увидели то ли землю, то ли еще что'.

-тани, -тэни в повествовательных предложениях сопровождает сказуемое, подчеркивая указанное действие. Например:

Гэвхэту ча саңа дōкини тубгүэчи-тэни. Чи тукини пакчира бāруни. Чомзикы тукидуни нэм осини-тани 'Гэвхэту в то отверстие спустили. Он долго падает в темноту. Вдруг, когда он падает, светло становится'.

-мали, -мэли придает слову ограничительное значение 'только, исключительно'. Например:

Геваннэни лака осидуни йида-мали тутахани 'Когда рассвет стал близок, только один (волк) убежал'.

ГЛАГОЛ

В языке ороков большая группа слов объединяется в категорию „глагол“ не только по своей семантике, как слова, обозначающие активный признак — действия или состояния с явным или скрытым фактором времени, но также и по ряду морфологических особенностей.

Для орокского языка можно отметить довольно значительное число слов, у которых глагольная и именная основы полностью совпадают.

В тех случаях, когда основа имени и глагола совпадают по своему звуковому составу, основа имени является значимым словом, основа же глагола — лишь частью слова, которая, для того чтобы стать значимым словом, должна еще получить соответствующее глагольное оформление. Например: *нэлэ* 'волк', *нэлэ*-основа глагола 'бояться', *нэллэви* 'я боюсь' (глагольная основа с показателями наст. вр. и 1-го л. ед. ч.); *тэу* 'мерка для пороха', *тэу*-основа глагола 'заряжать ружье', *тэухэни* 'он зарядил ружье' (глагольная основа с показателями прош. вр. и 3-го л. ед. ч.).

Имена, совпадающие с основой глагола (а также глагольная основа, переведенная через присоединение соответствующего словообразовательного суффикса в именную категорию), как правило, обозначают предмет или качество, но не действие-процесс. Например: *ламу* 'большая волна', *ламу-* 'качаться на волнах'; *лэму* 'болото', *лэму-* 'увязнуть в болоте'; *сингэрэ* 'крыса', *сингэрэ-* 'мучить'; *хэжэ* 'течение', *хэжэ-* 'течь'; *мујрэ* 'плечо', *мујрэ-* 'приложить к плечу'; *пакчира* 'темнота', *пакчира-* 'потемнеть'; *субгу* 'рыбья кожа', *субгу-* 'снимать с рыбы кожу'; *саури* 'стружки', *саури-* 'строгать саури'; *сёлма(н)* 'выборы', *сёлма-* 'выбирать'; *си* 'буря', *си-* 'наступать буре'; *тэли* 'юкола', *тэли-* 'заготавливать юколу'; *уи* 'звук', *уи-* 'звучать'; *тама* 'цена, плата', *тама-* 'платить'; *тукса* 'заяц', *тукса-* 'бежать'; *тугдэ* 'дождь', *тугдэ-* 'идти дождю', и т. д.

Глагол имеет определенную систему форм, которые делают глагольную основу значимым словом и определяют место этого слова в предложении.

Для образования глагольных основ от имен и наречий имеются специальные словообразовательные элементы. Внутри своей категории глагол также имеет особую систему словообразовательных суффиксов, которые придают разнообразные оттенки значения основному понятию, например повторения действия, частоты, длительности, раздробленности, общности и т. д.

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ ГЛАГОЛА

Отыменные глаголы

Живых словообразовательных элементов, переводящих ту или иную именную, а также и наречную основу в глагольную, может быть отмечено немного. Наиболее широкое применение имеют суффиксы *-ла*, *-лэ* и *-тчи*, *-чи*. Полученная при этом глагольная основа, как правило, имеет значение применения данного предмета в действии.

Суффикс *-ла*, *-лэ*: *орки(н)* 'плохо', *оркила-* 'обидеть'; *зэ* 'друг', *зэла-* 'дружить, знакомиться'; *калта* 'трещина', *калтала-* 'расколоть'; *олзе* 'крюк', *олзела-* 'зацепить крюком'; *пэру* 'штаны', *пэрулэ-* 'надеть штаны'; *ута* 'обувь', *утала-* 'обуться'; *пупу(н)* 'пила', *пупула-* 'пилить'; *убу* 'часть', *убула-* 'делить на части'; *ујтэ* 'локоть', *ујтэлэ-* 'облокотиться'; *сукта* 'глубокий', *суктала-* 'углублять'; *мокчу* 'криво', *мокчула-* 'согнуть'; *кучэ(н)* 'нож', *кучэлэ-* 'колоть ножом'; *кэргиз(н)* 'колесо', *кэргизэлэ-* 'катить колесо', и др.

Суффикс *-тчи*, *-чи*: *тукпэ(н)* 'гвоздь', *тукпэтчи-* 'вбивать гвоздь'; *умбу* 'удочка', *умбутчи-* 'удить'; *сило* 'шашлык', *силотчи-* 'жарить (шашлык)'; *сама(н)* 'шаман', *саматчи-* 'шама-

нить'; *путта* 'петля, силок', *путтатчи-* 'ставить силок'; *пуки* 'дымокур', *пукитчи-* 'дымить дымокуром'; *паналу(н)* 'зеркало', *паналутчи-* 'смотреться в зеркало'; *ондо* 'черт', *ондотчи-* 'пугать чертом'; *й* 'ура' (боевой клич), *йчи-* 'кричать ура', и др.

Отчетливую по значению группу представляют глагольные основы с суффиксами *-до*, *-ду*; *-да*, *-дэ*.

С суффиксом *-до*, *-ду* главным образом от основ, обозначающих определенные астрономические отрезки времени, образуются глагольные основы со значением 'наступить данному времени'. Например: *тувэ* 'зимой', *тувэду-* 'наступить зиме'; *дува* 'летом', *дуваду-* 'наступить лету'; *боло* 'осенью', *болоду-* 'наступить осени'; *долбо* 'ночью', *долбодо-* 'наступить ночи'; *наһна* 'небо', *наһнаду-* 'наступить хорошей погоде'.

С суффиксом *-да*, *-дэ* от указанных выше основ образуются глаголы со значением 'провести данное время'. Например: *дува* 'летом', *дувада-* 'кочевать летом'; *тувэ* 'зимой', *тувэдэ-* 'кочевать зимой'; *боло* 'осенью', *болодо-* 'кочевать осенью'; сюда же: *индэ-* 'передневать, провести день', *аунда-* 'переночевать'.

От ограниченного числа имен существительных, а также и от наречных основ со сходным (омонимичным) суффиксом образуются глагольные основы непереходные по значению: *калта* 'трещина', *калтада-* 'расколоться'; *пакчи* 'мастер', *пакчида-* 'стараться'; *мукчу* 'криво', *мукчэдэ-* 'согнуться'; *мӯ* 'вода', *мӯдэ-* 'подняться (о воде) во время наводнения'; *мõ* 'дерево', *мõдо-* 'привязанному оленю запутаться у дерева'.

Также ограничено употребление суффикса *-ма*, *-мэ*, *-мо*, образующего глагольные основы со значением 'промышлять, добывать' указанный основной предмет: *сундата* 'рыба', *сундатама-* 'ловить рыбу удочкой'; *тукса* 'заяц', *туксама-* 'промышлять зайца'; *гаса* 'водяная птица', *гасама-* 'охотиться на водоплавающую птицу'; *бојо(н)* 'медведь', *бојолмо-* 'охотиться на крупного зверя'. С омонимичным суффиксом — *алду* 'новость, известия', *алдума-* 'спрашивать, разузнавать', *доромо-* 'воровать', и др.

Можно выделить еще несколько словообразовательных суффиксов, переводящих именную или наречную основу в глагольную, но, в силу того что они встретились в единичных словах, обобщить их пока не представляется возможным. Например:

суффикс *-лту*: *дирами* 'толстый', *дирамилту-* 'утолщать';

суффикс *-су*: *дӯ* 'два', *дӯсу-* 'удвоить';

суффикс *-мэн*, *-пэн*, *-ман*: *иктэ* 'зубы', *-иктэмэн* 'укусить'; *пэнэ* 'колени', *пэнэпэн-* 'стать на колени'; *лака* 'близко', *лакаман-* 'приближаться';

суффикс *-на*: *тала* 'кушанье из рыбы', *талана-* 'приготовить талу'.

Отглагольные глаголы

Некоторые словообразовательные суффиксы, при помощи которых образуются глагольные основы с новым значением от глагольных же основ, можно рассматривать как суффиксы, вносящие в основное содержание глагольного слова разнообразные оттенки, сходные по значению с видовыми, залоговыми, модальными. В настоящей работе дается лишь перечень этих суффиксов с описанием способа оформления ими и указывается значение вновь полученных основ.

Суффикс *вэн-* (*-вун, -ун, -вн, -пун, -пон, -бун* — вариации суффикса *-вэн*) придает основному значению глагола дополнительное значение принуждения, позволения и присоединяется непосредственно к основе данного глагола. В глаголах, оканчивающихся на широкий гласный, часто имеем суффикс *-вн* или *-ун*; если же основа глагола оканчивается на *и*, то *в* суффикса исчезает, а конечный *и* основы глагола сливается с *у* суффикса. В глаголах, основа которых оканчивается на *н*, имеет место при присоединении рассматриваемого суффикса двойная ассимиляция: *н* основы переходит в *м*, а *в* суффикса в *б* (суффикс *-бун*). Суффикс *-бун* присоединяется также к глагольным основам, оканчивающимся и на другие согласные: *мун-* 'остывать', *мумбун-* 'студить'; *нэнэ-* 'идти', *нэнэун-* 'послать человека'; *сā-* 'знать', *сāун-* 'извещать'; *дапа-* 'взять', *дапаун-* 'заставить взять, подарить'; *дэп-* 'есть', *дэпун-* 'кормить'; *хэрэли-* 'кружиться, вертеться', *хэрэлун-* 'кружить, вертеть'; *о-* 'делаться, становиться' *опон-* 'заставить сделаться, стать'. Примеры:

Пулахи гэданнепа гэлэндэвэтчини курбоби 'Пулахи заставил одного человека идти разыскивать своего оленя' (*гэлэндэвэн-* 'заставить идти разыскивать');

Тар нэлэл битчичи, пурил нунзил опотчичи 'То были волки, а дети сочли их за собак' (*нунзил опотчичи* 'заставили сделаться собаками').

Суффикс *-гита ~ -гитэ ~ -гита ~ -гитэ ~ -кита ~ -китэ* придает основному глаголу значение намерения, желания произвести данное действие и присоединяется непосредственно к основе глагола. При присоединении к глагольным основам, оканчивающимся на *н*, конечный *н* основы и начальный согласный суффикса изменяются в *к* (полная двойная ассимиляция): *вā-* 'убить', *вāгита-* 'собираться убить, охотиться'; *эксэ-* 'класть', *эксэгитэ-* 'собираться, намереваться положить'; *ун-* 'указать', *уккитэ-* 'собираться сказать'. Суффиксу *-гита, -гитэ* в нанайском и ульчском языках соответствует суффикс *-јча, -јчэ* в присоединении к глагольным основам, оканчивающимся на гласный звук, в присоединении же к основам, оканчивающимся на согласный, в нанайском языке ему соответ-

ствуется суффикс *-кича*, *-кичэ*, в ульчском *-зича*, *-зичэ*. Суффиксы нанайского, ульчского и орокского языков следует рассматривать как фонетическую разновидность одного и того же суффикса (*-γита ~ -кита ~ -кича*, *-зига ~ жга*). Иногда глаголы с указанным суффиксом в своем значении как будто несколько отходят от значения своей первичной основы. Например:

Гэдара гаса таундунни пурэсэл нэлэлбэ вāγиталуγачи 'Однажды в каждом селении молодежь начала охотиться за волками' (*вāγита-* 'охотиться' от *вā-* 'убивать');

Мапанунни унзини: Гэ, зиливи итэγитэу! Маманунни итэγитэхэни 'Муж говорит: Ну-ка, пощи в моей голове! Жена стала искать' (*итэγитэ-* 'искать насекомых' от *итэ-* 'видеть').

Суффикс *-до*, *-ду* (в нанайском ему соответствует суффикс *-го*, *-гу*, в ульчском *-го*, *-гу*) придает глаголу значение повторности, иногда быстроты или однократности действия. Имеет широкое употребление: *сā* 'знать', *сāду* 'узнать, вспомнить'; *дон-* 'тосковать', *дондо-* 'вспомнить'; *имтэ-* 'видеть', *имтэду-* 'взглянуть'; *хā-* 'подъезжать к берегу', *хāгду-* 'подъезжать к берегу не первый раз'; *бā-* 'получать, находить', *бāду-* 'снова получать, находить'; *дапа-* 'брат', *дападу-* 'быстро схватить'; *тукса-* 'бежать', *туксаду-* 'быстро или снова побежать'. Например:

Бу улалтаккэри γдоγотчэри, Чипавунаγори солохопу 'Мы снова взобрались (влезли) на своих оленей и отправились вверх по течению реки Чипавуна' (*γдо-* 'снова влезть, сесть' от *γ-* 'влезать, садиться во что-либо, на что-либо').

Суффикс *-лу*, *-л*, широко распространенный в тунгусо-маньчжурских языках, указывает на начало действия (определяя, что приступают к нему впервые или после перерыва): *тукса-* 'бежать', *туксалу-* 'побежать'; *ун-* 'сказать', *улу-* 'заговорить'; *пану-* 'спросить', *панулу-* 'начать спрашивать'; *γиту-* 'идти пешком', *γитулу-* 'начать ходить' (о детях). Формы настоящего времени от полученной при помощи суффикса *-лу* глагольной основы употребляются нередко в значении будущего времени. Примеры:

Налма гэда пōду боγо(н) садаимба дэпчивэни итэγэтчи, бэγчилухэни 'В одном месте Налма увидел, что медведь ест голубику и начал (к нему) подкрадываться' (*бэγчилу-* 'начать подкрадываться к зверю на охоте' от *бэγчи-* 'подкрадываться к зверю на охоте');

Нарисал бэγнэл сорйвачи итэчилухэчи 'Люди начали смотреть на борьбу зверей' (*итэчилу-* 'начинать смотреть' от *итэчи-* 'смотреть').

Суффикс *-матчи*, *-мэтчи*, *-мотчи* встречается в тех глагольных основах, значение которых показывает, что данное действие производится взаимно несколькими лицами: *манаматчи-* 'прикончить друг друга', *анэхуматчи-* 'подталкивать

друг друга', *чургаматчи*- 'драться на кулачках', *амжадаматчи*- 'спорить', *мактуматчи*- 'договариваться', *дувэлимэтчи*- 'обмениваться', *итэмэтчи*- 'переглядываться'. Примеры:

Тар соримари мэн мэлэри манаматчихани 'Так вражда, друг друга уничтожали';

Ночи чи тактуматчиүачи-тани 'Они долго спорили';

Ночи утчини: Бу эсипу эмэтчу дүлэсэи сутэи сорре, эл хаилбари гамачибуддори булэмэтчипу 'Они говорят: мы в дальнейшем с вами воевать не будем, а всем своим будем обмениваться'.

Суффикс *-на, -нэ, -но* встречается в глагольных основах, в значении которых можно усмотреть некоторую раздробленность и в то же время частоту, непрерывность в совершении основного действия: *оло-* 'вздрогнуть', *олоно-* 'дрожать'; *гэлэ-* 'просить', *гэлэнэ-* 'попрошайничать'; *унэнэ-* 'водить носом, принюхиваться' (чаще о собаке), *галлана-* 'светить; стрелять из лука много раз подряд'. Например:

Мапа-ја путтэни Дарамы лэккэлзи галланаси отчини 'Сын стариков Дарамы стал постреливать из лука'.

Близок по значению к указанному выше суффиксу сложный суффикс *-катчи, -кэтчи*, в котором, возможно, заключается уменьшительный суффикс *-кан, -кэн*, свойственный большинству тунгусо-маньчжурских языков (но не орокскому), и глагольный суффикс *-тчи, -чи*, указывающий на продолжительность и постоянство действия. Отсюда становится понятным добавочное значение некоторой раздробленности и неполноты действия во вновь получаемых глагольных основах. Например: *дапа-* 'брать, держать', *дапакатчи-* 'хвататься руками'; *тугдэ-* 'идти дождю', *тугдэкэтчи-* 'моросить' (о дожде); *апкан-* 'ложиться спать', *апкатчи-* 'валяться без сна', и т. д.

Суффикс *-нда, -ндэ, -не, -ни* придает глагольной основе дополнительное значение „идти совершить указанное действие“: *пану-* 'спросить', *панунда-* 'идти спросить'; *вәүита-* 'охотиться', *вәүитанда-* 'идти охотиться'. К глагольным основам, оканчивающимся на *н*, а также к глаголам *би-* 'быть, существовать', *га-* 'брать', *о-* 'делаться, становиться' и *то-* 'действовать, делать' для получения указанного значения присоединяется разновидность суффикса *-нда, -ндэ* суффикс *-не, -ни*: *ун-* 'сказать', *уне-* 'идти сказать'; *га-* 'брать', *гани-* 'идти брать'. С указанными суффиксами (*-нда, -ндэ, -ни, -не*) сочетается суффикс *-та, -тэ* в значении, что действие уже сходили произвести, и суффикс *-со, -су* со значением, что действие ходят совершать не один, а много раз. Например: *би унитэхэмби* 'я сходил сказать', *би бәралта унисухэмби* 'я много раз ходил говорить'; *ночи путандатаүачи* 'они сходили поставить силки на мелкого зверя'. *Золони инэң-инэң сиромбо вандасусини* 'Делони каждый день ходит убивать диких оленей'.

Суффикс *-пин* встречается в глагольных основах обычно с суффиксами *-катчи*, *-кэтчи*, *-тчи*, *-чи*, а также с рядом других глагольных суффиксов пока невыясненного значения. Как правило, конечный *н* суффикса выпадает. Некоторые глагольные основы с рассматриваемым суффиксом позволяют предполагать, что суффикс *-пин* по своему значению указывает на начало действия: *соло-* 'плыть вверх по течению', *солопин-* 'отправиться вверх по течению'; *хаса-* 'загонять', *выслеживать зверя*, *хасапитчи-* 'начать выслеживать'; *хэрэли-* 'кружиться, вертеться', *хэрэлипитчи-* 'начать кружиться, вертеться'; *хэжэ-* 'течь', *хэжэпиккэтчи-* 'вытекать'. Примеры:

Тар нэнэми бојо(н) поктоби итэхэни, чава хасапитчини 'Когда шел, увидел след медведя и начал его выслеживать';

Улалбари халлэра отчэри нулзипитчици 'Запрягли своих оленей и отправились кочевать'.

Суффикс *-пту*, присоединяясь к некоторым глагольным основам переходного типа, образует новые глагольные основы, уже непереходные: *нй-* 'открыть', *нйпту-* 'открываться'; *вэдэ-* 'терять', *вэдэпту-* 'теряться'; *иттэ-* 'видеть', *иттэпту-* 'виднеться'; *манин-* 'убеждать, исчезнуть', *манипту-* 'кончиться'. Примеры:

Гэ, тувэдухэни. Нбчи дэпиңучи маниптухани 'Ну, наступила зима. Их продукты кончились';

Энэкэ, амака, ноко Мэңуңкэн, ајази биссэрису! Бу муту-зилами ила(н) бел манаптутчици 'Мать, отец, сестренка Мэ-нукэн, счастливо живите! Я вернусь как кончатся три месяца'.

Суффикс *-тчи*, *-чи* придает основному глаголу значение продолжительности действия. При присоединении данного суффикса к глагольным основам, оканчивающимся на *н*, конечный *н* ассимилируется и сливается с суффиксом: *ула-* 'намотить', *улатчи-* 'мочить, вымачивать'; *утала-* 'обуться', *улатчи-* 'носить обувь'; *апула-* 'надеть шапку', *апулатчи-* 'носить шапку'; *зилэн-* 'обмануть', *зилэтчи* 'обманывать'; *даја-* 'спрятать', *дајатчи-* 'скрывать, прятать'; *даван-* 'зевнуть', *даватчи-* 'зевать'; *долзи-* 'слышать', *долзитчи-* 'вслушиваться'; *хархе-* 'дернуть', *хархетчи-* 'дергать, тащить'; *оркила-* 'обидеть', *оркилчи-* 'обижать'.

Сложный суффикс *-талду*, *-тэлду* встречается в глагольных основах с добавочным значением, указывающим, что действие без больших перерывов в определенном отрезке времени совершается много раз: *пукчи-* 'напасть, наброситься', *пукчитэлду-* 'все время набрасываться, наскокивать' (о собаке, медведе); *пули-* 'ходить, бродить', *пулитэлду-* 'ходить по одному месту, что-либо разыскивая'; *меокчала-* 'стрелять', *меокчалду-* 'беспрерывно стрелять'. В последнем примере, очевидно, имеет место выпадение близких по звуковому составу слогов, явле-

ние, наблюдаемое в языке ороков довольно часто. Один из компонентов суффикса *-талду*, *-тэлду* — *-ду* придает основному глаголу значение повторности или быстроты, второй компонент *тал*, *тэл*, можно думать, однороден суффиксу *-тал-/тэл* у повторительных числительных. Этот суффикс также составлен из компонентов *та+л*, показателей множественности или собирательности.

ТИПЫ ГЛАГОЛЬНЫХ ОСНОВ

Глагольные основы в орокском языке делятся на 4 типа.

К I типу относятся основы, оканчивающиеся на простой гласный и, как правило, двухсложные и многосложные. Например: *унэнэ* 'идти, двигаться', *апту-* 'доходить, достигать', *долбодо-* 'наступить ночи', и т. д.

Ко II типу относятся основы, оканчивающиеся на долгие гласные или дифтонги, чаще односложные. Например: *й-* 'входить', *мутэу-* 'выполнить, смочь'.

К III типу относятся основы, оканчивающиеся на согласные, чаще на *н* и крайне редко на *л* и *г*. Например: *ун-* 'говорить, сказать', *хул-* 'выливать', *орог-* 'приводить, приносить, приводить', и т. д.

К IV типу относятся основы, которые не входят в описанную систему. По некоторым присущим им морфологическим признакам их можно подразделить на две группы: к первой относятся все глагольные основы с словообразовательными суффиксами *-ма*, *-мэ*, *-мо*, *-на*, *-нэ*, *-но*, *-со*, *-су*. Например: *олоно-* 'вздрагивать', *потчано-* 'подпрыгивать', *унэнэ-* 'принохиваться', *вандасу-* 'ходить убивать', *гасама-* 'охотиться на птицу', *туксама-* 'охотиться на зайца', *хулумэ-* 'белковать', и т. д., а также другие глагольные основы, как например: *саңна-* 'дымить', *уңгэ-* 'греться', *сипки-* 'кашлять', *ли-* 'храпеть', *бај(си)-* 'лениться', *мусиму-* 'улыбаться', *уи-* 'шуметь', *гујини-* 'потягиваться', *баур-* 'скользять', *анду-* 'строить, делать', *э-* отрицательный глагол, с помощью которого строятся все отрицательные формы глагола.

Ко второй группе IV типа относятся 4 глагола: *би-* 'быть', *о-* 'делаться, становиться', *то-* 'делать, действовать', *га-* 'брать'.

ГЛАГОЛЬНЫЕ ФОРМЫ

По основным синтаксическим и морфологическим особенностям глагольные формы в орокском языке подразделяются на следующие четыре группы: причастие (активное, пассивное, обычности действия), наклонение (изъявительное, повелительное, сослагательное), деепричастие (одновременное, одновременно-длительное, разновременное, условно-временное), пять особых форм

(форма цели, условно-временная, условно-уступительная, форма одновременного действия, форма несостоявшегося действия).

Поименованные выше грамматические формы глагола образуются путем присоединения соответствующих суффиксов к основе глагола. Вариации присоединяемых суффиксов зависят от типа глагольной основы.

Следует только иметь в виду, что среди отмеченных типов глагольных основ есть небольшая группа глаголов, основа которых может в одних случаях проявлять себя как основа первого типа, в других — как второго, например основы глаголов *бакка* 'находить, получать', *туку* 'падать', *хако* 'подъезжать к берегу', и др. Так, образование форм активных причастий настоящего времени у подобных глаголов идет по I типу (*баккэ*, *туккэ*, *хаккэ*), образование прошедшего времени — по II типу (*б́аха(н)*, *т́үхэ(н)*, *х́аха(н)*).

Причастие

Основная форма активных причастий

Наиболее широкое употребление в орокском языке имеют активные причастия как в своей основной форме, так и с личными и возвратными показателями. Поскольку основная форма рассматриваемых причастий всегда характеризует активно действующее лицо, т. е. лицо, совершающее действие, выражаемое глагольной основой, то они и названы нами активными.

Основная форма активных причастий представляет глагольную основу с показателем времени. Активные причастия имеют два времени: настоящее и прошедшее. Настоящее время — время действия, совершающегося или в момент высказывания, или же в момент совершения другого действия. Прошедшее время — время действия, происходившее или до момента высказывания, или же до совершения другого действия. Момент законченности или незаконченности действия здесь решающего значения не имеет.

Материалы нанайского и ульчского языков позволяют в качестве рабочей гипотезы рассматривать показатель настоящего времени у активных причастий как суффикс сложный, состоящий из вариаций суффикса *-ра*, *-рэ*, *-да*, *-дэ*, *-та*, *-тэ* и суффикса *-j* (*-и*). Через стяжение широкого гласного первого суффикса и суффикса *-j* (*и*) получаем *-ри*, *-зи*, *-чи*.

В нанайском языке при глагольных основах первого типа стяжения широкого гласного основы и суффикса *-j* в *и* не наблюдается (например, *хола* + *-j* > *холаj* 'читающий'), в орокском же языке указанное стяжение проходит во всех случаях без исключения и при этом глагольная основа первого типа изменяется чрезвычайно сильно.

Рассмотрим образование активных причастий в зависимости от типа глагольной основы.

I тип. Активные причастия, образованные от глагольных основ I типа, имеют в настоящем времени суффикс *-j* (восстанавливается на основании параллелей с нанайским и ульчским языками), в прошедшем времени — суффикс *-ха(н)*, *-хэ(н)*.

При присоединении суффикса *-j* происходит стяжение гласного основы и суффикса *-j* в *й* или *ё* с легко улавливаемой долготой; предшествующий согласный при этом смягчается и часто удваивается. Например: *нэнэ-* 'идти, уходить', *нэнне* 'идуший, уходящий'; *иттэ-* 'видеть', *итче* 'видящий'; *мэтэлэ-* 'бросить', *мэтэллэ* 'бросающий'; *апту-* 'доходить, достигать', *апчэ* 'доходящий, достигающий', и т. д.

Оформитель прошедшего времени *-ха(н)*, *-хэ(н)* присоединяется также непосредственно к глагольной основе, но никаких ассимиляционных изменений при этом в звуковом составе слова не происходит. Например: *нэнэхэ(н)* 'ушедший, уходивший', *итэхэ(н)* 'увидевший, видевший', *мэтэлэхэ(н)* 'бросивший, бросавший', *аптуха(н)* 'достигший, дошедший', и т. д.

II тип. Активные причастия, образованные от глагольных основ II типа, имеют в настоящем времени суффикс *-ри*, в прошедшем времени суффикс *-ха(н)*, *-хэ(н)*. Указанные суффиксы присоединяются непосредственно к глагольной основе. Например: *бү-* 'дать', *бүри* 'дающий', *бүхэ(н)* 'давший, дававший'; *й-* 'войти', *йри* 'входящий', *йхэ(н)* 'вошедший'; *мутэу-* 'выполнить', *мутэури* 'выполняющий', *мутэухэ(н)* 'выполнивший'.

III тип. Активные причастия, образованные от глагольных основ III типа, имеют в настоящем времени суффикс *-зи*, в прошедшем времени — суффикс *-тчи(н)*, *-чи(н)*. Указанные суффиксы присоединяются также непосредственно к глагольной основе. При присоединении суффикса прошедшего времени конечный *н* основ, ассимилируясь, переходит в *т* и сливается с суффиксом. Например: *ун-* 'сказать, говорить', *унзи* 'говорящий', *утчи(н)* 'сказавший, говоривший'; *хул-* 'выливать', *хулзи* 'выливающий', *хулчи(н)* 'выливший, выливавший'.

IV тип, 1-я группа. Активные причастия глагольных основ этого типа имеют в настоящем времени суффикс *-си*, в прошедшем времени — суффикс *-тчи(н)*. Указанные суффиксы присоединяются непосредственно к глагольной основе и никаких ассимиляционных изменений в звуковом составе слова при этом не происходит. Например: *пану-* 'спрашивать', *пануси* 'спрашивающий', *панутчи(н)* 'спросивший, спрашивавший'; *хаса-* 'выследить', *хасаси* 'выслеживающий', *хасатчи(н)* 'выследивший, выслеживавший'.

Отметим, что IV тип глаголов с суффиксом *-си* (в настоящем времени) несомненно существовал раньше и у нанай, и у ульчей. Изредка у них и теперь можно встретить формы, соответствующие

щие этому типу глаголов орокского языка. Но всегда этот же глагол может быть употреблен и в форме глагола I типа, причём *-си* входит уже в состав глагольной основы.

IV тип, 2-я группа. Как уже говорилось выше, в эту группу входят четыре глагола: *би-*, *о-*, *то-* и *га-*. Формы активных причастий прошедшего времени образуются у всех поименованных глаголов одинаково через присоединение к глагольной основе суффикса *-тчи(н)*: *битчи(н)* 'находившийся', *отчи(н)* 'сделавшийся, ставший', *тотчи(н)* 'действовавший' *гатчи(н)* 'забравший'.

Активные причастия настоящего времени имеют различное оформление для каждого из указанных глаголов.

би- в настоящем времени никакого оформления не требует: *би* 'сущий, находящийся' (очевидно, оформитель *-и* ~ *-j* слился с конечным гласным основы).

о- в настоящем времени может принимать суффикс *-j*, как и первый тип глагольных основ, но только без стяжения гласного основы и *-j* в *ī*, *ē* или же суффикс *-си*, как IV тип: *оj* ~ *оси* 'который делается, становится'.

то- в значении активного причастия настоящего времени принимает суффикс *-j*, как и I тип глагольных основ, но также без стяжения гласного основы и суффикса *-j* в *и*: *тоj* 'который действует'.

га- в значении активного причастия настоящего времени принимает суффикс *-зи*, как и III тип глагольных основ: *гази* 'берущий'.

В предложении активные причастия встречаются чаще всего в роли определения, реже — в роли именного сказуемого и совсем редко — в роли подлежащего как субстантивированная форма, и, наконец, с послелогом — так же как субстантивированная форма. Субстантивируется форма активного причастия, обычно и принимая оформитель множественного числа *-сал*, *-сэл*, а также *-л*, и со словообразовательным суффиксом *-нне*, *-нни*.

В отличие от причастий русского языка активные причастия орокского языка в своей основной форме падежного оформления иметь не могут — они не склоняются.

Приведем несколько примеров на употребление активных причастий в роли: определения, составной части именного сказуемого и подлежащего (субстантивированная форма).

В роли определения:

Боюнду соррй нари гэлбуни Налма 'Имя человека, борющегося с медведем, Налма' (*соррй* — акт. прич. наст. вр. со значением 'который борется' от *сори-* 'бороться');

Ночи алиха(н) наррē хапкатчичи 'Они уставшего человека нагнали' (*алиха(н)* — акт. прич. прош. вр. со значением 'который устал' от *али-* 'устать');

Нѳни бэjнэвэ вāри нари отчини 'Он зверя убивающим человеком стал' или 'он уже стал охотиться' (*вāри* — акт. прич.

наст. вр. со значением 'который убивает, убивающий' от *вā-убить*).

В роли субстантивированного определения:

Таматчу мэнэ улалтаки удугатчи, нулзихэсэл поктоккёчи нэнэхэни 'Потом на оленя снова села и поехала по дороге откочевавших' (*нулзихэсэл* — акт. прич. прош. вр. со значением 'откочевавшие, которые откочевали' — связано со своим определяемым личным окончанием *-чи*).

В роли члена составного сказуемого:

Гэвхэту нэнэллэ отчини 'Гэвхэту отправился в путь (начинающим идти сделался)' (*нэнэллэ* — акт. прич. наст. вр. от *нэнэлу* 'начинать идти');

Таматчу-ко эр заргули Гетта тавазини нэллэ отчини 'Вот с тех-то пор эти красные волки огня рода Гетта бояться стали' (*нэллэ* — акт. прич. наст. вр. от *нэлэ* 'бояться, пугаться');

Нбчи нэлэлбэ вāри битчичи 'Они волков убивали' (*вāри* — акт. прич. наст. вр. от *вā-* 'убивать').

В роли подлежащего:

Тар тутаха(н) зин дāи битчи(н), эдэчи битчи(н) 'Тот убежавший был очень велик, их царь был' (*тутаха(н)* — акт. прич. прош. вр. от *тута-* 'скрыться, убежать');

Эр хиндахал Гетта халани битчичи 'Эти приехавшие были из рода Гетта';

Нбчи, городу хинзёсали, алигачи 'Они, издали приходящие, устали'.

В последних двух примерах *хиндахал* и *хинзёсали* активные причастия от *хинда-* 'приходить, приезжать' с суффиксом множественного числа *-л* в первом случае и *-сал* во втором. В первом примере имеем форму прошедшего времени, во втором — настоящего времени.

Сорйсал эвукил долзе хаи-да сёсиңимбани 'Борющиеся не слышат никакого звука' (*сорйсал* 'борющиеся' — подлежащее, выраженное акт. прич. наст. вр. от глагольной основы *сори-* 'бороться, драться, враждовать' с показателем мн. ч. *-сал*).

Этот способ выражения подлежащего совершенно чужд языкам ульчскому и нанайскому, в которых аналогичные формы активных причастий не субстантивируются. В орокском же языке субстантивация рассматриваемых форм идет теми же путями, что и у имен прилагательных и числительных, а именно с суффиксами *-сал* и *-нни*, *-нне*. Например:

Гбчи нбчи соррўкил битчичи: мэн мэттэкёри нимэрипис'с'э, нимэрихэннетэи ула нумисэни, сундатта пачиккёни, орки(н) дэпивэ тојовкил битчичи 'Еще они враждовали, когда придут в гости, пришедшему в гости давали желудок оленя, хвост рыбы или вообще плохую пищу' (*нимэрихэннетэи* 'пришедшему в гости' — косв. доп., выраженное акт. прич. прош. вр. со словообр. суфф. *-нне* в форме напр. пад. простого склонения).

Личные и возвратные формы активных причастий

Активные причастия как настоящего, так и прошедшего времени могут присоединять личные и возвратные суффиксы. Выражаемое данными причастными формами название действия или состояния всегда бывает названием действия или состояния определенного лица или лиц.

В образовании указанных форм причастий можно отметить следующее. В настоящем времени личные или возвратные суффиксы, присоединяясь к форме активных причастий, не вызывают никаких изменений в звуковом составе слова. Например: от *үзнэ-идти, уходить*, *үзнэ* — акт. прич. наст. вр.

	Ед. ч.	Мн. ч.
1-е л.	<i>үзнэви</i>	<i>үзнэпу</i>
2-е л.	<i>үзнэси</i>	<i>үзнэсу</i>
3-е л.	<i>үзнэни</i>	<i>үзнэчи</i>
с возвр. суфф.	<i>үзнэви</i>	<i>үзнэвэри</i>

При присоединении личных суффиксов к причастиям прошедшего времени с суффиксом *-ха(н), -хэ(н)* наблюдаются переходы *х ~ г ~ γ ~ һ*:

х наблюдается при присоединении суффиксов 1-го и 3-го л. ед. ч. — *үзнэхэмби, үзнэхэни*;

г ~ γ отмечается при присоединении суффиксов 2-го л. ед. и мн. ч. и 3-го л. мн. ч. — *үзнэгүси ~ үзнэгэси, үзнэгэсу, үзнэгүчи ~ үзнэгэчи*;

һ выступает при присоединении суффикса 1-го л. мн. ч. (*үзнэхэпу*).

Для иллюстрации личных и возвратных форм активных причастий по типам глагольных основ прилагаем табл. 10.

Активные причастия, как и вообще все глагольные формы, управляют падежными формами имен и в качестве определения могут иметь только наречия или деепричастия.

Синтаксическая роль причастий с личным или возвратным оформителями очень разнообразна: они могут быть подлежащим, дополнением, обстоятельством и определением. Кроме того, личные формы активных причастий, употребляясь в роли сказуемого, входят в систему наклонений глагола в качестве настоящего и прошедшего времени изъявительного наклонения.

Выступая в роли дополнения или обстоятельства, рассматриваемые формы причастий принимают соответствующий падежный оформитель — они склоняются. Падежное оформление этих причастий имеет те же показатели, что и притяжательное склонение имен существительных. При склонении причастий падежные суффиксы предшествуют личным или возвратным, при этом суффиксы прошедшего времени *-ха(н), -хэ(н)* и *-тчи(н)* выявляют конечный *н*. При присоединении же падежных суффиксов к причастиям настоящего времени никаких изменений в звуковом со-

Личные формы причастий по типам глагольных основ

Лицо и число	I тип нэнэ- 'идти'	II тип бу- 'дать'	III тип ун- 'связать'	IV тип		
				пану- 'спросить'	би- 'быть'	
Настоящее время						
Единственное	1-е	нэннэви	буриви	унзиви	панусиви	биви
	2-е	нэннэси	буриси	унзиси	панусиси	биси
	3-е	нэннэни	бурини	унзини	панусини	бини
Множественное	1-е	нэннэпу	бурипу	унзипу	панусипу	бипу
	2-е	нэннэсу	бурису	унзису	панусису	бису
	3-е	нэннэчи	буричи	унзичи	панусичи	бичи
Прошедшее время						
Единственное	1-е	нэнэхэмби	бурэхэмби	утчэмби	панутчэмби	битчэмби
	2-е	нэнэ'эси	бур'эси	утчиси	панутчиси	битчиси
	3-е	нэнэхэни	бурэхэни	утчини	панутчини	битчини
Множественное	1-е	нэнэхэпу	бурэхэпу	утчипу	панутчипу	битчипу
	2-е	нэнэ'эсу	бур'эсу	утчису	панутчису	битчису
	3-е	нэнэхэчи	бур'эчи	утчичи	панутчичи	битчичи

ставе не происходит. Из падежных форм наиболее часто встречается форма дательного и винительного падежей.

Приведем примеры на употребление личных и возвратных форм причастий в роли того или иного члена предложения.

В роли подлежащего:

Симанаңучи тукини лака 'Выпадение ожидаемого ими снега близко' (*симана* 'снег', *-ну* суфф. относит. притяж., *-чи* — притяж. суфф. 3-го л. мн. ч.: по контексту данный снег имеет отношение к группе охотников потому, что они ожидают его. Этим и объясняется наличие притяжания в данном слове; *тукини* — прич. наст. вр. от глагольной основы *туки-* 'падать', согласованное со словом *симанаңучи* личным суфф. 3-го л. ед. ч. *-ни*. В данном предложении рассмотренное сочетание *симанаңучи тукини* представляет подлежащую группу).

В роли прямого дополнения (форма винительного падежа):

Гэвхэту нѳттоини панусини хаи нѳдуни бивэни 'Гэвхэту спрашивает его, на чьей земле он живет'.

Предложение делится на две части: 1) *Гэвхэту нѳттоини панусини...* 'Гэвхэту его спрашивает...', 2) *хаи нѳдуни бивэни* 'на чьей земле он живет'.

Поскольку первая, главная часть предложения требует ответа на вопрос „о чем (спрашивает)?“, организующее слово во второй части предложения, представляет причастие с оформителем винительного падежа *-вэ* — *бивэни*.

В роли обстоятельства времени (форма дательного падежа):

Тар бидуни долбо зун бѳра(н) нарри дуккуни хэрэлигэчи 'Когда он так жил, ночью очень много людей дом его окружили'. Сочетание *тар бидуни ...* 'когда он так жил ...' состоит из наречия *тар* 'так' и причастия наст. вр. в дат. пад. от глагольной основы *би-* 'жить, быть'. Значение „когда“ придается суффиксом дат. пад. *-ду*. Настоящее время причастной формы объясняется тем, что второе действие происходило при наличии данного в одно время с ним.

Си амимбаси нарисал вѳгачи нѳни тулэндэхэндуну 'Твоего отца люди убили, когда он ушел сети ставить' (*нѳни тулэндэхэндуну* 'когда он ушел сети ставить' — простой причастный оборот в роли обстоятельства времени. Значение „когда“ также придается суффиксом дат. пад. *-ду*, при причастии прош. вр. от глагольной основы *тулэндэ-* 'идти сети ставить').

Причастие может являться обстоятельством времени и при оформлении суффиксом творительного падежа. В таких случаях подчеркивается одновременность действий. Например:

Маңгани туккизи зѳсилтаки унзини: эр Мокчу тавалу гупуллини, билэрэ 'Богатырь, в тот момент когда падает, своим друзьям говорит: это Мокчу гасит наш огонь, наверно' (*тук-*

кизи. . . 'в момент, когда падает' — прич. в роли обст. вр. с показателем творит. пад. и возвр. суф. ед. ч. *-и*, слившимся с гласным падежного суффикса).

Примечание. Считать оформитель *-зи* суффиксом творительного падежа возвратно-притяжательного склонения позволяют аналогичные примеры из нанайского языка. Что же касается орокского языка, то для него характерна омонимичность суффиксов дательного и творительного в возвратно-притяжательном склонении.

Причастие может быть также обстоятельством времени при наличии суффикса направительного падежа *-тэи*, *-таи*. Например:

Ила(н) инэни отчини итэхэттэиве 'Три дня исполнилось с того момента, как я видел' (*итэхэттэиве* 'с того момента, как я видел' или 'по направлению к тому моменту, как я видел' состоит из прич. прош. вр. с показателем напр. пад. *-тэи*, удвоение *т* в данной форме — результат полной ассимиляции *н* суффикса прош. вр. *-хэ(н)*).

В роли обстоятельства места:

Чомзико нбни итэхэни: ида гаса су(н) агбинзидуни хиндахани 'Вдруг он увидел: одна птица со стороны, откуда солнце появляется, прилетела (*агбинзидуни* 'откуда появляется' — прич. наст. вр. от глагольной основы *агбин-* 'появляться'. Значение „откуда“ придается суффиксом исходного падежа *-ду*).

В роли обстоятельства образа действия:

Тэддэ, пэттэ утчиндулэни мапа бајатчини 'Действительно, как сказала нерпа, старик разбогател' (*пэттэ утчиндулэни* 'как сказала нерпа' — прич. прош. вр. с показателем местн. II падежа *-дулэ*).

В роли определения:

Гетта маңгануни муротчихани: исилэкэ балзигаси суңуси иси-мэли 'Богатырь (из рода) Гетта думал: теперь-то твое солнце, которым ты жил, совсем на исходе' (*балзигаси* 'которым ты жил' — прич. прош. вр. в роли определения стоит перед определяемым *суңуси* 'твое солнце'); *Тулэчиллэви униңуби аптухани* 'Он дошел до реки, на которой всегда начинает ставить сети (*тулэчиллэви* 'на который он сам всегда начинает ставить сети' — прич. наст. вр. с возвр. суф. ед. ч., в роли определения стоит перед определяемым *униңуби*).

В этих примерах как причастная форма в роли определения, так и определяемое, с ним связанное, имеют всегда один и тот же личный или возвратный суффикс, которым оба связываются с лицом, которому приписывается действие. Оформление личным суффиксом не только причастия-определения, но и определяемого-существительного несвойственно нанайскому и ульчскому языкам, в которых рассмотренные формы причастий имеют еще более широкое применение, нежели в языке ороков.

Пассивные причастия

Кроме рассмотренных выше причастных форм, в которых действие или состояние, выражаемое глагольной основой, всегда связывается с определенным действующим лицом, в орокском языке имеется причастная форма, приписывающая признак по действию предмету, над которым действие без указания на действующее лицо может быть произведено или уже было произведено. Эта форма названа нами пассивным причастием.

В имеющихся материалах наиболее часто пассивное причастие встречается в форме прошедшего времени. Оформителем прошедшего времени в пассивном причастии служит суффикс *-пула, -пулэ*, который присоединяется непосредственно к глагольной основе любого типа. Для соответствующего согласования указанная форма может принимать суффикс множественного числа *-л*.

Синтаксическая роль пассивного причастия прошедшего времени сводится исключительно к предикативной функции. Иллюстрируем это следующими примерами:

Дава б̄арамба тэлупулэ 'Кеты (рыбы) множество наготовлено';

Манганучи дуккуну чипали хэрэли м̄ози курэипулэ 'Дом богатыря весь кругом огорожен жердями';

Исухандучи амитчилчи-да анагал, чипали в̄апулал. 'Когда они пришли, их родителей нет, все убиты'.

В форме настоящего времени пассивные причастия имеют также сложный суффикс *-вури, -ури, -ври, -бури, -пури*, первый компонент которого *ву, бу, пу* близок первому компоненту суффикса прошедшего времени (*-пула, -пулэ*). Что же касается второго компонента *-ри*, то, вне всякого сомнения, он-то и является показателем настоящего времени.

В текстовом материале имеется мало примеров на употребление этой формы и именно в роли сказуемого. Например:

Ча утэки иле, бакаври д̄у ситто м̄үвэ 'В ту дверь когда войдешь, найдутся две бочки воды (бакаври 'найдутся' — наст. вр. пасс. прич.).

Данная форма встречается и как определение, характеризующее или объект действия, или место действия: *үнэври хаду(н)* 'предметы (*хаду(н)*), на которых можно передвигаться (олень, лодка, сани)'; *бивури хаду(н)* 'предметы, в которых живут (юрта, палатка и т. п.)', и как подлежащее: *Чакки үнэври орки(н)* 'По тому месту ходить плохо'.

Более свободно приводилась форма без окончания *-ри*, заменяющая русское неопределенное наклонение при названии действия. Например: *дапав* 'брать', *давсулав* 'солить', *үнэв* 'идти, двигаться', *мэтэлэву* 'бросить'. Указанная форма омонимична с формой повелительного наклонения (см. стр. 107).

Иногда в аналогичных случаях давалась форма с окончанием на *-вру*, как-то: *нунда далавру* 'кормить собак', *авру* 'лежать, спать'. Изменение окончания суффикса *ри* в *ру* произошло, очевидно, в силу губного притяжения, столь свойственного языку ороков.

Кроме того, форму пассивного причастия настоящего времени можно было обнаружить как застывшую форму в именах существительных с непродуктивным суффиксом *-в* (см. стр. 25).

Причастия со значением обычности действия

Данное причастие оформляется суффиксом *-вуки*, *-вки*, *-уки*, *-пуки*, *-буки*.

Вариации суффикса находятся в зависимости от типа глагольных основ, к которым указанный суффикс непосредственно присоединяется, а именно:

I тип	—	<i>нэнэ-</i>	'идти'	<i>нэнэвуки</i>	'уходящий, идущий'
II "	—	<i>вā-</i>	'убить'	<i>вāвуки</i>	'убивающий'
III "	—	<i>ун-</i>	'говорить'	<i>умбуки</i>	'говорящий'
IV "	{	1-я гр. <i>пану-</i>	'спрашивать'	<i>панупуки</i>	'спрашивающий'
IV "		2-я гр. <i>би-</i>	'быть'	<i>бивуки~бивки</i>	'живущий'
IV "	2-я гр.	<i>га-</i>	'брать'	<i>гапуки</i>	'берущий'

При присоединении суффикса *-вуки* к глагольным основам с узким гласным происходит стяжение этого гласного и *ву* суффикса в *ū* (долгое). Например: *сори-+вуки* > *соррūки*. Суффикс *-вуки* часто употребляется в сокращенном виде как *-уки*, *-вки*.

Во множественном числе рассматриваемая форма имеет суффикс *-л*, *-ли*. В прошедшем времени употребляется со связкой, представляющей форму прошедшего времени глагола *би-* 'быть, существовать'. В настоящем времени связка опускается.

Данная форма характеризует, как и рассмотренное выше активное причастие, само действующее лицо, причем последнему в таких случаях приписывается более или менее постоянный активный признак.

Употребляется форма причастия на *-вуки* исключительно только как сказуемое и встречается в этой роли значительно чаще, нежели активное причастие.

Иллюстрируем случаи употребления рассматриваемого причастия следующими примерами:

Ночи сундатта тэллувкили битчичи 'Они рыбу сетью ловили (ловящие были)';

Ночи эмэнзи пулипукили битчичи 'Они на оленях верхом ездили (ездящие были)';

Чипавунду улал бивукил, паиктани дэпувкил 'На р. Чипавунда олени имеются, траву едят (олени имеющиеся, траву едящие)';

Нõни чи гэгдэк паиктава пусувки битчи(н) 'Он постоянно траву косил (скашивающим был)';

Нõчи соррõкил битчичи эктэ дәрүни, на дәрүни 'Они дрались (дерущиеся были) из-за женщин, из-за земли';

Тарисал мэпэри Гетта гэлбурипукили бичичи 'Те себя Гетта называли (называющие были)';

Тар иланни зин маңгасал битчичи, нõчи бујумбо зин барамба вавукили битчичи 'Те трое очень сильные были, они медведей в большом количестве убивали (убивающие были)'.

В качестве составной части сказуемого, обычно с глаголом о- 'делаться, становиться', реже с глаголом би- 'быть', в текстовом материале встретилась глагольная форма на *-ра, -рэ, -рра, -ррэ*, по значению близкая причастиям. Например:

Ча мапа аптуҕатчөри, чаива умирра отчичи 'До того медведя дойдя, чай пили (пьющими стали)';

Нõчи чаду зин горо битчичи, саңнамба умирра, чаива умирра 'Они там очень долго были, табак курили (курящие), чай пили (пьющие)';

Тар бими нõни сиромбо вәрра ој битчини 'Так живя, он стал способным убивать (стал убивающим) дикого оленя'.

Можно предполагать, что форма на *-ра, -рэ, -рра, -ррэ* близка форме разновременного деепричастия в ульском и нанайском языках, а также и тем формам основного глагола, которые употребляются с отрицательным глаголом э-. Возможно, что это — форма какого-то более древнего причастия.

Наклонение

Изъявительное наклонение

Изъявительное наклонение имеет три времени: настоящее, прошедшее и будущее.

Глагольные формы настоящего и прошедшего времени изъявительного наклонения есть собственно те же самые личные формы активных причастий, которые уже были рассмотрены в соответствующем разделе (табл. 10). При включении указанных причастных форм в категорию наклонения учитываются два момента: их значение при употреблении в роли сказуемого повествовательного предложения и сочетание их в этой роли не с лично-притяжательными местоимениями *мин, син, мун, сун*, а только с личными местоимениями *би, си, бу, су*.

Настоящее время указывает на действие, определенно происходящее или происходившее в данный момент: *би панусиви* 'я спрашиваю', *нбни унзани* 'он говорит', и т. д.

В качестве других примеров привожу отрывки из сказок:

Чиманани мапа пэттэнду нэнүэчи. Мапа дуккбни аптугачи. Мапа дукудуну божоңуни умукэ(н) бини. Мапа бојотои унзани: Бојо, би симбе пэттэти, наму эдэттэини, буриви 'Утром старик с нерпой отправились. Дошли до дома старика. В доме медведь старика в одиночестве находится. Старик медведю говорит: Медведь, я тебя нерпе, владычице моря, отдаю' (*бини* 'находится', *унзани* 'говорит', *буриви* 'отдаю' — формы наст. вр. изъявит. накл.);

Налма дукутакки йдүхэни. Дукудуну энини соңоми тэсини. Налма унзани: Хаими соңнэси? Хаиваси хаи дэпчэни? 'Налма вошел в дом. В доме мать сидит, плачет. Налма говорит: Почему плачешь? Кто что твое ест? (*тэсини* 'сидит', *унзани* 'говорит', *соңнэси* 'плачешь', *дэпчэни* 'ест' — формы наст. вр. изъявит. накл.).

Прошедшее время указывает на действие, относящееся к моменту времени, рассматриваемому как момент прошедший: *би утчимби* 'я сказал', *си бүхэси* 'ты дал', и т. п. Пример из рассказа:

Таматчу нбчи бојоңури поктоккэни нэнүэчи-тэни. Тар нэнэмзе йда пбду хапкатчичи. Агдуманне меукчалахани. Таматчу бојоңучи нбттоичи пукчитэхэни. Агдуманне мевукчамби мэтэлэхэни, шадаби дападухани. Бојо пукчитчидуну унэлэккэни гидалахани. Гидани кавуккэни чуңгурэмди чуңгүдэхэни. Тэли бујуңучи нбмбони чирэхэни 'Оттуда они пошли по следу медведя. В одном месте его нагнали. Старший брат выстрелил. Медведь на него набросился. Старший брат ружье бросил, копье взял. Когда медведь набрасывался, под лопатку его копьем колол. Древяк копьа сломалось. Тогда медведь придавил его' (*нэнүэчи* 'пошли', *хапкатчичи* 'нагнали', *меукчалахани* 'выстрелил', *пукчитэхэни* 'набросился', *мэтэлэхэни* 'бросил', *дападухани* 'взял', *гидалахани* 'колол копьем', *чуңгүдэхэни* 'сломалось', *чирэхэни* 'придавил' — формы прош. вр. изъявит. накл.).

Будущее время показывает, что действие будет осуществлено или может совершиться только в более или менее отдаленном будущем. Например:

Эсиҕиси бүрэ, би симбе вәрилами, дэпчилэми 'Если не дашь, я тебя убью (и) съем' (*вәрилами* 'я убью', *дэпчилэми* 'я съем' — форма буд. вр.).

Форма будущего времени образуется путем присоединения к основной форме активных причастий в настоящем времени суффикса -ла, -лэ, за которым следует соответствующее личное окончание. Например: *вәрилами* 'я убью' < *вәри* + -ла + -ми.

В 3-м л. ед. и мн. ч. личное окончание опускается, причем во множественном числе после суффикса -ла, -лэ стоит суффикс множественного числа -л.

В 1-м л. ед. ч. имеем новую вариацию личного суффикса, а именно суффикс -ми (табл. 11).

В значении будущего времени иногда употребляется глагольная форма со словообразовательным суффиксом -лу, имеющим значение „начинать указанное действие“. Например:

Мапа утчини: би једу путатчиллѐви 'Старик говорит: я здесь буду петли (силки) ставить' (*путатчи-* 'ставить силки', -лу — суффикс со значением „начинать“ действие, вторичная основа *путатчилу-* 'начинать ставить силки', *путатчиллѐви* 'я начинаю ставить силки', а также 'я буду ставить силки' (*ѐ* получилось в результате стяжения *у* суффикса -лу и *ј* — суффикса настоящего времени).

Сослагательное наклонение

Форма сослагательного наклонения употребляется не только для выражения желания или утверждения, как например *бојо(н) симбе сѐрилахани* 'медведь тебя искусал бы', но и в условных предложениях, где показывает, что при наличии известных условий действие могло бы совершиться. Например:

Би меокчалапе, ча бѣјнѣ меокчаллѐлахамби 'Когда бы я стрелял, я того зверя застрелил бы'.

Образуется эта форма так же, как и будущее время изъявительного наклонения через присоединение суффикса -ла, -лэ к основной форме активного причастия настоящего времени, но, кроме того, между суффиксом -ла, -лэ и личным окончанием имеется еще суффикс прошедшего времени -ха(н), -хэ(н). Например: *меокчаллѐлахамби* 'я застрелил бы' < *меокчаллѐ-* + *-ла* + *-хан* + *-би* (табл. 12).

Повелительное наклонение

Формы повелительного наклонения выражают побуждение к действию, которое должен совершить собеседник (2-е лицо).

В орокском языке повелительная форма имеет два времени: настоящее и будущее. Повелительная форма настоящего времени употребляется, когда требуется немедленное выполнение указанного действия. Повелительная же форма будущего времени употребляется в тех случаях, когда выполнение указанного действия относится к последующему времени.

Настоящее время образуется через прибавление к основе глагола следующих суффиксов:

глаголы I типа в единственном числе принимают суффикс -в, -у: *нэнэу ~ нэнэв!* 'иди!'; во множественном числе к форме

Таблица 11

Формы будущего времени в изъявительном наклонении

Лицо и число	I тип	II тип	III тип	IV тип		
Единственное	1-е { 2-е 3-е	бүрилэми 'я дам' бүрилэси бүрилэ	ундилэми 'я скажу' ундилэси ундилэ	панусиласами 'я спрошу' панусиласи панусила	билэми 'я буду жить' билэси билэ	
	Множественное	1-е { 2-е 3-е	бу нэннэлэпу су нэннэлэсу ночи нэннэлэл	бүрилэпу бүрилэсу бүрилэл	панусилапу панусиласу панусилал	билэпу билэсу билэл

Таблица 12

Формы сослагательного наклонения

Лицо и число	I тип	II тип	III тип	IV тип		
Единственное	1-е { 2-е 3-е	бүрилэхэмби 'я дал бы' бүрилэүэси бүрилэхэни	ундилэхэмби 'я сказал бы' ундилэүэси ундилэхэни	панусилахамби 'я спросил бы' панусилагүэси панусилахэни	билэхэмби 'я жил бы' билэүэси билэхэни	
	Множественное	1-е { 2-е 3-е	бүрилэхэпу бүрилэхэсу бүрилэхэчи	ундилэхэпу ундилэхэсу ундилэхэчи	панусилаһапу панусилаһасу панусилаһачи	билэхэпу билэүэсу билэүэчи

единственного числа присоединяется суффикс *-су*: *нэнэусу ~ нэнэвсу!* 'идите!';

глаголы II типа принимают суффикс *-ру*: *буру!* 'дай!'; во множественном числе также добавляется суффикс *-су*: *бурусу!* 'дайте!';

глаголы III типа в единственном числе характеризуются суффиксом *-у*; во множественном числе к форме единственного числа также присоединяется суффикс *-су*: *уну!* 'скажи!' *унусу!* 'скажите!' (здесь, очевидно, как и в нанайском и ульчском языках, оформителем повелительного наклонения служит суффикс *-ду*, в котором *д* в результате полной ассимиляции дало *н*, затем произошло слияние двух *н* в одно — *ун-+-ду > унну > уну*).

Для глаголов IV типа 1-й группы в единственном числе показателем повелительного наклонения является суффикс *-ру*; во множественном числе при присоединении суффикса *-су* *р* может выпадать, оставшееся от суффикса *-ру* *у* сливается с гласным основы: *пануру!* 'спроси!' *панусу!* 'спросите!';

глаголы IV типа 2-й группы принимают следующие суффиксы: *би-*, *то-* — суффикс *-в ~ -у*: *бив ~ биу ~ бу!* 'будь!', *биусу!* 'будьте!'; *тов ~ тоу!* 'действуй!', *тоусу!* 'действуйте!';

га-, *о-* — суффикс *-ду*: *гаду!* 'бери!', *гадусу!* 'берите!'; *оду!* 'стань!', *одусу!* 'станьте! сделайте!'. Примеры:

Тэли зэ миттэи унзэни: мбво капав, капауатчи, сиролбо ужитчу! 'Тогда товарищ мне говорит: влезь на дерево, а влезши, медведей свяжи!' (*капав* — повелит. форма от глагольной основы *капа-* 'влезать'; *ужитчу* — повелит. форма от глагольной основы *ужитчи-* 'привязать' — здесь при присоединении суффикса произошло огубление конечного гласного основы и слияние с суффиксом *ужитчи-+-у > ужитчу*).

Повелительная форма будущего времени для 2-го л. образуется через присоединение непосредственно к основе глагола (всех четырех типов) суффиксов: в единственном числе *-сари*, *-сэри*, во множественном числе *-сарису*, *-сэрису*. Например:

Налма наканутаки унзэни: би мэнз улал оккоточи эттэв-зёлэми, си дуккури эттэвсэри! 'Налма своему рабу говорит: я сам буду караулить олене пастбище, а ты дом карауль!';

Нони муттэи унзэни: ајази бисэрису! 'Он нам говорит: счастливо живите!'.
С глагольными основами, оканчивающимися на согласный *н*, с суффикса, ассимилируясь, переходит в *т*, изменяя и конечный согласный основы также в *т*. Например: *ун-+-сэри > ут-+-тэри > уттэри > утэри!* 'скажи!' (табл. 13).

К формам повелительного наклонения обычно относятся глагольные формы, связанные с 1-м или 3-м л. ед. и мн. ч., выражающие согласие или просьбу позволить совершить указанное основой глагола действие.

Формы повелительного наклонения

Лицо и число	I тип	II тип	III тип	IV тип
	Настоящее время			
2-е	си нэнэв	бүрү	уну	пануру
	су нэнзусу	бүрүсү	унусу	панусу
				бив ~ биу ~ бу бису
	Будущее время			
2-е	си нэнсэри	бүсэри	утэри	панусари
	су нэнсэрису	бүсэрису	утэрису	панусарису
1-е	би нэннйтэ	бүриттэ	унзиттэ	пануситта
	бу нэнзэлтэ	бүнэлтэ	унэлтэ	пануналта
				бисэри бисэрису биттэ бичүлтэ

В материалах по орокскому языку могут быть отмечены формы, связанные с 1-м л. ед. и мн. ч. Употребляются они в роли простого сказуемого законченного предложения. Форма 1-го л. ед. ч. представляет активное причастие плюс суффикс *-та, -тэ*, например формы *нэннйтэ, тэритэ, тулэнзитэ, олбинзита* в следующих фразах:

Гэ, эр нари муротчихони: би жэ пурэнду бутчимби-дэ умотту, би дукуби бэрони нэннйтэ! 'Ну, тот человек подумал: Я в этом лесу все равно погиб, по направлению к своему дому пойду-ка!';

Гэ, эдэ путтэни унзини: си увудумэду ханкинду тэру, би пэдуду тэритэ! 'Ну, дочь царя говорит: ты в верхнее помещение садись, я же внизу сяду-ка!';

Чотчи маманутаки унзини: би исинэни тулэнзитэ! 'Потом своей жене (старухе) говорит: я сегодня пойду-ка сети ставить!';

Би ојодуве тэру, би симбе дукуси баруни олбинзита 'На меня садись, я тебя в твой дом поташу-ка!'.
С подлежащим личным местоимением 1 л. мн. ч. также с оттенком повеления, приглашения к совершению указанного

основой действия в роли простого глагольного сказуемого употребляется глагольная форма, которая разлагается на следующие элементы: глагольная основа + суфф. *-на, -нэ* + личный суфф. *-пу ~ -п* + суфф. *-та, -тэ*. Например:

Нэуни унзунни: чиманна нэнэнэптэ! 'Младший говорит: завтра мы отправимся-ка!'. Рассмотренная форма по построению вполне тождественна форме будущего 2-го в нанайском языке (ср. нан. *энэнэпу-тэни*).

Кроме того, с оттенком повеления при подлежащем личном местоимении 1-го л. мн. ч. употребляется форма с конечным элементом *-су*, присоединяемым к форме активного причастия настоящего времени. Например, форма *тэрису* в следующем предложении:

Гэ, бу дүнне жэ тугдүлэмбэри талдандуни тэрису! 'Ну, мы вдвоем на середине этого своего моста сядем-ка!'.

При обзоре форм всех трех наклонений — изъявительного, сослагательного и повелительного — обращает на себя внимание тот факт, что почти все эти формы являются производными от активного причастия настоящего времени.

Деепричастие

В орокском языке имеется четыре вида деепричастий: одно-временное, одновременно-длительное, разновременное и условно-временное (табл. 14).

Одновременное деепричастие

Выражает второстепенное действие, совершающееся одновременно с главным действием.

Одновременное деепричастие имеет две формы — одну для единственного числа, другую для множественного. Общим оформителем той и другой формы служит суффикс *-ма, -мэ*. За указанным суффиксом в единственном числе следует возвратный суффикс единственного числа *-и*, во множественном числе — возвратный суффикс множественного числа *-ри*.

При присоединении возвратного суффикса единственного числа *-и* происходит стяжение широкого гласного суффикса *-ма, -мэ* и суффикса *-и* в *и, е*. Таким образом, полным оформителем одновременного деепричастия в единственном числе следует считать *-ми, -ме*, во множественном числе *-мари, -мэри*. При присоединении указанного суффикса к основе глагола III типа конечный *н* основы, ассимилируясь, сливается с *м*. Одновременное деепричастие имеет в речи ороков широкое

распространение. Причем, как видно из приводимых ниже примеров, оно может предшествовать сказуемому законченного предложения или (что встречается чаще) стоять после него. Например:

Мокчу энини сагдами бутчини 'Мать Мокчу, старая, умерла';

Чотчи андални дукутаки нэнухэни, ноттоини аксами 'Потом его друг в свой дом ушел, на него обидясь';

Нэумунэсэл ча долбоне чипали манагачи-тани, ча тугдундунду тэмэри 'Братья в ту ночь всех (красных волков) прикончили, на мосту сидя';

Гэдара Торисал хусэлчи гобдотчи, гасандори асилбари, пурилбэри вэдэмэри 'Однажды мужчины рода Ториса соболели, в своем селении своих жен и детей оставляя';

Чи ча бб довани нэнухэни, дукуби гэлэдуми 'Долго в продолжение той непогоды ходил, свой дом разыскивая'.

Одновременно-длительное деепричастие

Данная форма употребляется, когда надо не только обозначить сопутствующее действие, но также и указать на его большую продолжительность, длительность во времени. Характеризуется эта форма наличием суффикса *-зи*, *-зе* после суффикса одновременного деепричастия *-м(и)* в единственном числе и *-мар(и)*, *-мэр(и)* во множественном числе. Таким образом, оформителем одновременно-длительного деепричастия служит в единственном числе суффикс *-мзи* (употребляется и во множественном числе), во множественном числе — суффикс *-марзи*, *-мэрзи* (встречается реже). Например:

Нэнэмзе биккүри аптугачи 'Шли, шли, до места своего жилья дошли';

Хасамзе, хасамзе гёда пёду хакпатчичи 'Выслеживали, выслеживали, в одном месте нагнали'.

Подобная форма имеется в языке негидальцев и ульчей, в нанайском языке ее нет.

Разновременное деепричастие

Эта форма характеризуется следующими суффиксами: в единственном числе суффикс *-гатчи*, *-этчи*, *-отчи* (после гласных), *-катчи*, *-этчи*, (после согласных), во множественном числе суффикс *-гатчэри*, *-этчэри* (после гласных), *-катчэри*, *-этчэри* (после согласных). Указанные суффиксы присоединяются непосредственно к основе глагола.

При присоединении суффикса разновременного деепричастия *-катчи*, *-катчэри* к глагольной основе, оканчивающейся на *н*,

в силу полной ассимиляции *н* переходит в *к*, например: *ун- + -кэтчи > уккэтчи* 'сказавши'.

Употребляется форма разновременного деепричастия в тех случаях, когда надо указать, что основное действие, выражаемое сказуемым, происходит по совершении дополнительного (предшествующего) действия, выраженного рассматриваемой формой. Например:

Тар нэнзүэтчөри, сиромбо гэлэккүри аптууачи 'Так, ушедши, дошли до (того) места, где они обычно разыскивают оленей';

Потчоюотчи, бојо(н) бәруни хэрэлипитчини 'Прыгнувши, вокруг медведя начал кружиться';

Хакпаккатчөри, ча сиронулбари лэкэзи галпанатчичи 'Нагнавши, тех диких оленей стрелами постреляли'.

Условно-временное деепричастие

Так же как и рассмотренные выше, деепричастие имеет две формы — одну для единственного числа, другую для множественного. Общий оформитель и той, и другой формы — суффикс *-па, -пэ*.

В форме единственного числа за суффиксом *-па, -пэ* следует возвратный суффикс единственного числа *-и*. Происходит стяжение широкого гласного суффикса *-па, -пэ* и суффикса *-и* в *и, е*. Таким образом, оформитель условно-временного деепричастия в единственном числе — суффикс *-ли, -пе*; во множественном числе к форме единственного числа присоединяется суффикс *-са, -сэ*, причем с суффикса долгий и очень шепелявый, почти как *ш'*.

Полным оформителем условно-временного деепричастия во множественном числе, таким образом, служит сложный суффикс *-пис'с'а, -пис'с'э*, второй компонент которого можно сопоставить с суффиксом множественного числа *-сал, -сэл*.

Действие, выражаемое условно-временным деепричастием, рассматривается как условие, необходимое для совершения действия, выраженного сказуемым. На русский язык удобнее переводить эту форму оборотом со словом 'когда'. Например:

Гэ, нөни чимауи тэпе, паиктаңуби нэннйни 'Ну, он утром, когда встанет, идет по свою траву';

Нөни унзичи: би эдэ(н) паталаңуни бәпе, илағалта коңгокту даписипинзилами 'Он говорит: я дочь царя когда найду, трижды в колокол ударю';

Би меокчалапе, ча бэјэңэ меокчалләхамби 'Когда бы я выстрелил, я того зверя застрелил бы';

Маңаңори вәпис'с'а, дукутаккөри йчимэри исувкил битчичи 'Когда намеренного богатыря убьют, к своему дому с победным криком возвращались';

Формы деепричастий

Число	I тип	II тип	III тип	IV тип
	Одновременные			
Единственное	нэнэми	буми	уми	пануми
Множественное	нэнэмэри	бумэри	умэри	панумари бимэри
	Одновременно-длительные			
Единственное	нэнэмэ	бумэ	умэ	панумэ
Множественное	нэнэмэрэ	бумэрэ	умэрэ	панумэрэ бимэрэ
	Разновременные			
Единственное	нэнэрэтчи	бурэтчи	уккэтчи	панурэтчи
Множественное	нэнэрэтчери	бурэтчери	уккэтчери	панурэтчери биурэтчи
	Условно-временные			
Единственное	нэнэле	бупле	упле	панупле
Множественное	нэнэлэс'э	буплэс'э	уплэс'э	пануплэс'э билэс'э

Хасумба-дда бипис'с'э, гбчи сиромбо вандагачи 'Когда сколько-то (некоторое время) пожили, снова ушли дикого оленя промыслать'.

Особые глагольные формы

Сюда мы относим глагольные формы, которые, так же как и деепричастия, не могут быть сказуемым законченного предложения. Они, подобно деепричастиям, лишь сопровождают, уточняют или дополняют сказуемое. Сами по себе эти формы никаких указаний на время выражаемого ими действия не содержат, они лишь указывают, что это действие или представляется целью основного действия, выраженного сказуемым, или совершается (совершалось) в результате его, или происходит (происходило) одновременно с ним.

От деепричастий эти формы отличаются тем, что выражаемое ими дополнительное действие относится к другому лицу, а не к тому же, к которому относится действие, выражаемое глаголом-сказуемым. Исключение представляет форма цели, о чем будет сказано ниже. Формально это отличие от деепричастий выражается в том, что рассматриваемые ниже глагольные формы имеют после соответствующих оформителей личные показатели. Форма цели, в силу того что выражаемое ею дополнительное действие может относиться также и к подлежащему, встречается как с личными, так и с возвратными показателями.

Особых глагольных форм пять: цели, условно-временная, одновременного действия, несостоявшегося действия, условно-уступительная.

Форма цели

Эта форма указывает на цель, с которой производится какое-либо действие, выражаемое основным глаголом (чаще сказуемым). Выражение с рассматриваемой формой глагола соответствует придаточным предложениям цели русского языка.

Показателем этой формы является суффикс *-будду-*, *-буддо-*, который присоединяется непосредственно к основе глагола для всех типов. Конечное *н* основы III типа при этом переходит в *м* (табл. 15).

В зависимости от того, связаны ли первое и последующее действия с различными лицами или принадлежат одному и тому же лицу, форма цели может иметь или личные, или возвратные показатели. С этой формой употребляются притяжательные несамостоятельные местоимения, которые часто опускаются.

С возвратным суффиксом единственного числа *-и* суффикс *-будду-*, *-буддо-* через стяжение своего конечного широ-

Форма Цели

Лицо и число	I тип	II тип	III тип	IV тип	
С личными суффиксами					
Единственное	1-е	нэнбубудуви	убубудуви	панубудуви	бибубудуви
	2-е	нэнбубудуси	бубудуси	убудуси	бубудуси
	3-е	нэнбубудуни	бубудуни	убудуни	бубудуни
Множественное	1-е	нэнбубудупу	бубудупу	убудупу	бубудупу
	2-е	нэнбубудусу	бубудусу	убудусу	бубудусу
	3-е	нэнбубудучи	бубудучи	убудучи	бубудучи
С возвратными суффиксами					
Единственное	нэнбубузи	бубузи	убузи	панубузи	бубузи
Множественное	нэнбубудури	бубудури	убудури	панубудури	бубудури

кого гласного и суффикса *-и* имеет форму *-будзи, -буззи*. Примеры:

Ториса Геттатаи гѣда наррѣ бѹгѹчи итѣчибуддуни, Гетта маңаңуни булкутѣне, алдѹ гадубуддуни 'Род Ториса роду Гетта дал одного человека, чтобы он следил и, когда богатырь рода Гетта умрет, чтобы он принес известие';

Муиктѣ энини саматтаи панутчини самамбоддони 'Мать Муйктѣ просила шамана, чтобы он пошаманил';

Нѹни улаба дапахани, мин нѹнѣбуддуви 'Он оленей пойма, чтобы я ехал'.

Условно-временная форма

Форма характеризуется суффиксом *-гута, -гутѣ*, который присоединяется непосредственно к основе глагола, если основа глагола I, II, IV типа; если же основа III типа, то конечный согласный основы *н* и *г* суффикса переходят в *к*, например: *ун-+-гутѣ+-ве > уккутѣве* 'когда я скажу'. Суффикс *-кута, -кутѣ* присоединяется и к другим глагольным основам III типа, оканчивающимся на другой согласный (табл. 16).

Условно-временная форма встречается в сочетании как с личными, так и с лично-притяжательными несамостоятельными местоимениями.

Употребляется эта форма в выражениях, аналогичных русским временным или условно-временным придаточным предложениям с разными подлежащими в главном и придаточном. Например:

Син (си) нѹнѣгутѣссе, би моллолѣви 'Когда ты уйдешь, я схожу за дровами';

Мун (бу) улалба бѹгутѣпу, нѹнѣсѣри 'Когда мы дадим оленей, уезжай'.

В произношении некоторых лиц в суффиксе *-гута, -гутѣ* звук *г* слышится как *в* или *у*. Тогда имеем *-вута, -вутѣ* или чаще *-вта, -ута, -втѣ, -утѣ* с таким же значением. Например: *Бу дѣптумѣри хоѹзутатпо, пакчиралухани* 'Когда мы поели, начало темнеть'.

Форма одновременного действия

Данная форма имеет своим оформителем суффикс *-нѣси, -нѣси*, который присоединяется непосредственно к основе глагола для всех типов (табл. 17). При этом конечное *н* глагольной основы III типа сливается с *н* суффикса (*ун-+-нѣси > унѣси*).

Употребляется данная форма в выражениях, аналогичных русским придаточным предложениям обстоятельства времени. Например:

Условно-временная форма

Лицо и число	I тип	II тип	III тип	IV тип
Единственное	1-е	бүүтэвэ	уккутэвэ	пануутэвэ
	2-е	бүүтэсэ	уккутэсэ	пануутаси
	3-е	бүүтэне	уккутэни	пануутани
Множественное	1-е	бүүтэлү	уккутэлү	панууталу
	2-е	бүүтэсү	уккутэсү	пануутасу
	3-е	бүүтэчи	уккутэчи	пануутачи

бүүтэвэ
бүүтэсэ
бүүтэни
бүүтэлү
бүүтэсү
бүүтэчи

Форма одновременного действия

Лицо и число	I тип	II тип	III тип	IV тип
Единственное	1-е	бүүэсви	уүэсви	пануасви
	2-е	бүүэсиси	уүэсиси	пануасиси
	3-е	бүүэсини	уүэсини	пануасини
Множественное	1-е	бүүэспү	уүэспү	пануаспү
	2-е	бүүэсүсү	уүэсүсү	пануасүсү
	3-е	бүүэсичи	уүэсичи	пануасичи

бүүэсви
бүүэсиси
бүүэсини
бүүэспү
бүүэсүсү
бүүэсичи

Форма несостоявшегося действия

Лицо и число	I тип	II тип	III тип	IV тип
Единственное	1-е	бүнэјзиви	унэјзиив	панунајзиви
	2-е	бүнэјзиси	унэјзиси	панунајзиси
	3-е	бүнэјзини	унэјзини	панунајзини
Множественное	1-е	бүнэјзипу	унэјзипу	панунајзипу
	2-е	бүнэјзису	унэјзису	панунајзису
	3-е	бүнэјзичи	унэјзичи	панунајзичи

Условно-уступительная форма

Лицо и число	I тип	II тип	III тип	IV тип
Единственное	1-е	бүрэрүви	ундэрүви	панускүви
	2-е	бүрэрүси	ундэрүси	панускүси
	3-е	бүрэрүни	ундэрүни	панускүни
Множественное	1-е	бүрэрүпу	ундэрүпу	панускүпу
	2-е	бүрэрүсу	ундэрүсу	панускүсу
	3-е	бүрэрүчи	ундэрүчи	панускүчи

Сиса Сахалинду биңэссичи, уилта зин оркинзи бивукили битчици 'Когда японцы были на Сахалине, ороки очень плохо жили';

Мин биңэссиви, нбчи улаба вараичи 'Когда я был, они оленя убили'.

С данной формой обычно употребляются формы притяжательных несамостоятельных местоимений, но можно встретить и личные.

Форма несостоявшегося действия

Эта форма имеет своим оформителем суффикс *-најзи, -нэјзи*, который присоединяется непосредственно к основе глагола всех типов (табл. 18). Употребляется, когда надо показать, что какие-либо обстоятельства помешали совершить указанное действие. Например:

Син нэнэңэјзиси, улалба этчици бӯрэ 'Ты собрался ехать, они оленей не дали';

Бу уңэјзипу, чипали нэнүэчи 'Мы только собрались сказать, все ушли'.

С данной формой также могут употребляться не только личные местоимения, но и несамостоятельные притяжательные: *мин, син, мун, сун*.

Условно-уступительная форма

Указанная глагольная форма образуется с помощью суффикса *-ғи ~ -ғи*, за которым следует соответствующий личный показатель (табл. 19). Данный суффикс присоединяется к глагольной основе различно, в зависимости от типа последней:

в глаголах I типа суффикс *-ғи* присоединяется непосредственно к основе глагола: *нэнэ-* 'идти', *нэнэғи-* + личный суффикс;

в глаголах II типа между основой и суффиксом *-ғи ~ -ғи* имеем суффикс *-ра, -рэ*: *бӯ- + -рэ + -ғи* + личный суффикс;

в глаголах III типа между основой глагола и суффиксом *-ғи* имеем суффикс *-да, -дэ*: *ун- + -дэ + -ғи* + личный суффикс.

В глаголах IV типа 1-й группы между основой глагола и суффиксом *-ғи* имеем суффикс *-си*: *пану- + -си + -ғи* + личный суффикс.

В глаголах IV типа 2-й группы указанная форма образуется различно для каждого глагола: *би- — биғи-, га- — гадағи-, то- — тоғи-, о- — оғи-* или *осиғи-*.

Употребляется рассматриваемая форма в двух значениях. Она может выражать дополнительное действие, при наличии которого возможно выполнение главного; соответствует условным придаточным предложениям русского языка. Например:

Мин улаба гадағиви, си хототтой нэннелэси 'Если я оленей куплю, ты в город поедешь';

Заргули буннеуини, Гетта тава ивандауини, чиптамзи осини. Ториса заргули буннеуини тором суппачукил 'Если красные волки завоют, род Гетта разведет огонь, тотчас умолкнут. Люди рода Ториса, если красные волки завоют, ослабевают (оцепеневают)';

Тари пэттэ, мапа итэуини, зиң оннори 'Та нерпа, как старик посмотрит, — очень пестрая'.

Эта же форма может иметь уступительный смысл. Например:

Би оронне инэни ундэуиви, мимбе этчини дабу 'Хотя я сегодня (и) говорил, по-моему не сделали';

Бу (мун) нбттоини улалбари бурэуипу, нбни этчини гада 'Хотя мы ему своих оленей давали, он не взял'.

Отрицательные формы глагола

Отрицательные формы глаголов в орокском языке являются сложными формами. Они образуются с помощью отрицательного глагола э-, который изменяется по образцу глаголов IV типа 1-й группы (см. в табл. 10—19 изменение глагольной основы *пану* 'спросить'). Самостоятельно, как значимые слова, формы этого глагола в речи не употребляются. Функции его сводятся к роли вспомогательного глагола в сочетании с прочими глаголами для выражения отрицания. При этом он выполняет и все прочие грамматические функции, свойственные глаголам.

Основной глагол в сочетаниях со вспомогательным отрицательным глаголом э- определяет лексическое значение выражения (за исключением второй формы для прошедшего времени изъявительного наклонения, о чем речь будет ниже) и имеет в таких сочетаниях определенную для каждого типа глагольных основ форму:

для глаголов I и IV (1-й группы) типов берется основа глагола (редко с суффиксом *-ра, -рэ*): *нэнэ, пану*;

основа II типа имеет суффикс *-ра, -рэ*: *бүрэ, мутэурэ*;

основа III типа принимает суффикс *-да, -дэ*: *ундэ, хулдэ*;

у IV типа (2-й группы) форма различна для каждого глагола: *би- — биз, га- — гада, о- — ода, то- — тора*.

Для иллюстрации образования отрицательных форм глагола приводим их вкратце в том же порядке, в каком давались положительные формы.

Причастия

Причастия образуются из соответствующей формы причастия отрицательного глагола э- и основного глагола, взятого в форме, указанной выше. Например:

Эси нэнэ 'который не уходит', *этчи(н) нэнэ* 'который не ушел'; *эси бүрэ* 'который не дает', *этчи(н) бүрэ* 'который не

Будущее время образуется из будущего отрицательного глагола э- и основного глагола, взятого в определенной для каждого типа форме:

би эсилэми	(элив)	унэ	'я не пойду'
" "	"	бүрэ	'я не дам'
" "	"	ундэ	'я не скажу'
и т. д.			

Повелительное наклонение для 2-го л. ед. ч. образуется из отрицания эзи (как в ульчском и нанайском языках) и указанной выше формы основного глагола:

си эзи	унэ	'не ходи'
" "	ундэ	'не говори'
" "	бүрэ	'не давай'
и т. д.		

Во множественном числе отрицание эзи принимает личное окончание 2-го л. мн. ч. -су:

су эзису	унэ	'не уходите'
" "	бүрэ	'не давайте'
" "	ундэ	'не говорите'
и т. д.		

Таким образом, можно и дальше образовывать любые глагольные формы, присоединяя соответствующие суффиксы к отрицательному глаголу э- и беря основной глагол в соответствующей для него форме. Примеры:

Годо унзини: Си, Ламу, эдзе мангапотче, бојо(н) ајактанни за эсини биэ, лалунзи будзи бојо(н) за эсини биэ. Ламу унзини: би эсув нэллэ лалунзи, будзи бојонзи, нѳочини би бојомбо барамба вѳхамби, дэптухэмби 'Годо говорит: ты, Ламу, не хвастай, злой медведь не простая вещь. Ламу говорит: я не боюсь умирающего от голода медведя, подобных ему я много медведей убил и съел';

Валусал мангануци унзини: эсилэ-кэ дахиннѳни мумбупу энэл вѳгита, би гочи сорибудзи зѳлачимби, нѳчи эсичи оси. Нѳчи утчици: Бу эсипу эмэтчу дулэсѳи сuttэи сорре 'Богатырь рода Валусал говорит: уж теперь-то люди с реки Дахи не будут нас убивать. Я снова могу пригласить для борьбы, они же не в состоянии. Они сказали: мы с этих пор уж с вами не враждуем'. Из этого примера можно видеть, что в языке ороков отрицательный глагол может быть отделен от основного глагола, несущего лексическую нагрузку, рядом слов. В предложении Буэ эсипу эмэтчу дулэсѳи сuttэи сорре отрицательный глагол эсипу стоит после подлежащего, основной глагол сорре — в конце.

В орокском языке отрицательные предложения от утверди-

тельных отличаются наличием отрицательного сказуемого. Других слов в отрицательной форме при этом в предложении не имеется. Слова, к которым относится отрицание, могут принимать частицу *-да, -дэ*. Например:

Дукуду хаики-дда утэлэ анага 'В доме нигде дверей нет';
Нони хаива-да эми ундэ нэнэхэни 'Он, ничего не говоря, ушел'.

По описательному способу образования отрицательных форм глагола с помощью вспомогательного глагола *э-* 'не быть, не стать' орокский язык сближается с северной группой тунгусо-маньчжурских языков. Интересно построение отрицательных условных предложений при помощи вспомогательных глаголов. В них та часть, которая включает условие, состоит из глагольного оборота с двумя вспомогательными глаголами. Из них глагол *би-* 'быть', взятый в условно-временной форме, указывает на условие и лицо, отрицательный глагол *э-* 'не быть', взятый в форме активного причастия прошедшего времени, указывает на отрицание и время, основной глагол, взятый в соответствующей для отрицательных выражений форме, определяет лексическое значение выражения. Например:

Би этчи(н) ундэ биутэвэ, си эзилэүэси сара 'Если бы я не сказал, ты не знал бы';

Си этчи(н) ундэ биутэссе, би эзилэхэмби сара 'Если бы ты не сказал, я не знал бы';

Бу сундатта этчи(н) вара биутэппу, су эзилэүэсу дэптэ 'Если бы мы рыбы не поймали, вы бы не ели'.

Глагол-сказуемое главного предложения берется в отрицательной форме сослагательного наклонения. Например: *эзилэхэмби сара* 'я не знал бы', *эдилэүэси сара* 'ты не знал бы', *эдилэүэсу дэптэ* 'вы не ели бы', и т. д.

В рассмотренных предложениях условно-временная форма от глагольной основы *би-* (*биутэвэ, биутэсе, биутэпу* и т. д.) находится как бы на грани перехода в служебное слово-союз.

Попутно следует отметить, что в языке ороков вообще нет служебных слов, с которыми можно было бы строить придаточные предложения. Взамен придаточных предложений широко используются глагольные обороты, организующим словом в которых могут быть активное причастие в любой форме, деепричастие и все особые глагольные формы.

Пояснительные слова в глагольном обороте располагаются в том же порядке, который является нормой для простого распространенного предложения. Система же сочетания слов в предложении подчиняется следующему основному положению: поясняющее слово должно стоять впереди поясняемого. Этот принцип для пояснительных слов в глагольном обороте является строго обязательным, в то время как в простом распространенном предложении широко допускаются различного рода инверсии.

Комплекс слов, входящих в глагольный оборот, как правило, невелик. Порядок расположения самих глагольных оборотов связан, с одной стороны, с формой организующего слова, с другой — со значением глагольного оборота. Так, причастный определительный оборот всегда стоит перед своим определяемым, например: *Бојонду соррѣ нари гэлбуни Налма* 'Имя человека, который борется с медведем, — Налма'. Глагольный оборот, организующим словом в котором является форма цели, чаще стоит после сказуемого, например: *Ториса Гетатаи гѣда наррѣ бѣүүэчи, итэчибуддуни, Гета мангануни булкуптэни алдѣ гаду-буддони* 'Род Ториса дал роду Гета одного человека, чтобы он следил и, когда богатырь рода Гета умрет, чтобы принес известие'.

При сравнении глагольных форм орокского языка с глагольными формами других языков тунгусо-маньчжурской группы останавливает внимание большое сходство языка ороков с языками ульчей и нанай. Сходство это, как уже указывалось, выражается прежде всего в образовании и употреблении активных причастий. Следует отметить только, что для образования других глагольных форм в орокском языке более широко применяются активные причастия.

Повелительное наклонение по формам для 2-го л. сходно с нанайским и ульчским. Большинство деепричастных форм имеет отчетливо нанайско-ульчский характер. Условно-временная форма глагола характеризуется суффиксом *-гута, -гутэ*, являющимся разновидностью ульчско-нанайского суффикса *-вуча, -вучэ*. Форма цели у ороков тождественна с ульчским по своему оформителю: у ороков, *-будду-, -буддо-*, у ульчей *-бда-, -бдэ-*. Условно уступительная форма (суффикс *-ги, -и*) имеется и в негидальском языке, а в нанайском и ульчском отсутствует. Форма одно-временного действия (суффикс *-наси, -нэси*) сходна с эвенкийской и негидальской, а также удэйской (суффикс *-наһа*).

По образованию отрицательных форм глагола орокский язык сближается с северной группой тунгусо-маньчжурских языков по описательному способу выражения этих форм — с помощью вспомогательного отрицательного глагола э 'не быть, не стать'. В нанайском и ульчском языках отрицательный глагол э принял форму суффикса.

В заключение можно сказать, что изложенным еще раз подтверждаются уже высказанные вначале положения:

1) язык ороков (ульта) — самостоятельный язык, а не один из диалектов какого-либо языка тунгусо-маньчжурской группы;

2) хотя язык ороков (ульта) и имеет ряд черт, присущих языкам северной группы, все же по основным ведущим формам он должен быть отнесен к южной группе, внутри которой наибольшую близость его можно констатировать с языками нанайским, ульчским и, возможно, ороцким.

ТЕКСТЫ И ПЕРЕВОДЫ

ЗАМЕЧАНИЯ К ТЕКСТАМ

Приводимые образцы текстов иллюстрируют разработанные положения морфологии языка. Задачи литературной обработки ороковских текстов и русских переводов к ним автор перед собой не ставил. При подборе текстов отдавалось предпочтение текстам разнообразным по содержанию, по возможности записанным от разных лиц и, конечно, наиболее богатым различными грамматическими формами и словарным материалом.

Первый рассказ — „Охота“ — чисто бытовой рассказ о том, как мальчик поехал с отцом на охоту и впервые видел, как медведь ловит рыбу.

В тексте „Красные волки“ говорится о столкновении человека с животными, которые носят название *залгури* 'красные волки'. Это — кровожадные звери, охотящиеся часто большими стаями, а потому действительно представляющие серьезную опасность не только для охотников-одиночек, но и для групп.

В сказании „Как ороки жили в старину“ говорится о прежних войнах между отдельными группировками ороков и о причинах, вызывавших эти войны.

Предания „Мокчу Кэчиктэ“ и „Дахиннени, Валуннени“ интересны по содержанию, поскольку рисуют известным образом бытовую обстановку в районе расселения ороков, а также некоторые их обычаи. Тексты интересны и с точки зрения языка — построение фраз, богатство и разнообразие словарного материала и грамматических форм.

В сказке „Нерпа — владычица моря“ мы сталкиваемся с элементами культа нерпы. Здесь рассказывается о том, что легло в основу празднования и жертвоприношений, производящихся перед началом рыболовного сезона. В сказке содержатся некоторые элементы, встречающиеся в фольклоре ульчей и нивхов.

Небольшой отрывок из сказки „Делони“ и сказка „Гэвхэту“ отличаются хорошим изложением и ценным грамматическим материалом.

Рассказ „Сильный олень и свирепый медведь“ представляет собой описание детской игры и содержит много оборотов разговорной речи.

Помещаемые здесь орокские загадки интересны как образцы иносказательной речи.

№ 1. ГОБДО

Боло пурэнду бивукки зиң хауниули. Улал ча эрунду пурэттэи нэнэвкил. Бојол боло гэлэктэвкил, дэптубуддөри, зотчоддөри гэлэктэмэри. Ча эрунду бу ами-муна нэннөпу гобдондомари. Бу ами-муна нэннөпу зиң гороло хурэлтэј, солормори Валу уннөни. Адау унини кирадуни, Валулу оси ун'анду, бу андучипу палатка-дөри.

Ча униду боло зиң бәра(н) сундата бивуки. Мунду нуңу(н) улал битчичи, чипал ујнэ битчичи. Бу дэптумэри ходиутаппо, пакчиралухани. Бу апкамбуддөри тотчипу. Апкамари этчипу кулпе, ун'анзела хаунилухани, долзиптухани бојон бунини, мө бујаданасини. Бу улалпу нөлөлүхэчи. Бу бакка долзичилопу, чөтчи такчипу — бојо(н). Бојо(н) дапалухани сундталба, улал сахуриванзивачи-да эсин долзе. Нөни мэтэчихэни сундталба уни эве-тавве мэгзитэини. Чава би зиң ајавлухамби, тамачава эси-мэли итэхэмби. Чөтчи бојо(н) илихани хамари бэгзизи, чөтчи нэнэхэни бу палаткапу бәруни. Аминдуве мөвча битчини бэлэј. Нөни чокоригатчи, мөвчалахани бојомбо. Бојо(н) түхэни, гөтчи-дда илигатчи, гочи-дда түхэни. Бу бојо(н) дапкатаини нэнэнөпу, нөни халанда бутчи битчини.

Бу амимуна бала-бал бојо(н) наттани тэлдөнөпу, чөтчөри апкатчипу. Эсилэкэ авһапу зиң улиңгази.

Эрөчи би ами-муна вәхамби бојо.

ОХОТА В ТАЙГЕ

(Записано в 1949 г. от Семена Павлова, род Гетта)

Осенью в лесу очень шумно, оживленно. Олени в это время уходят в тайгу. Медведи осенью ищут себе добычу, запасая на зиму жир. В такое время мы с отцом поехали на охоту. Поехали далеко в горы, в верховье реки Вал. На берегу реки Адау, притока реки Вал, мы поставили палатку.

В этой реке осенью бывает очень много рыбы. У нас было шесть оленей, и все были на привязи. Как только мы кончили ужинать, стало темнеть. Мы легли спать. Не успели заснуть, как у реки поднялся шум: фыканье и рев, треск сучьев. Наши олени забеспокоились. Мы стали прислушиваться и сразу признали — медведь. Медведь с таким увлечением ловил рыбу, что не слышал, как шумели олени. Он бросал рыбу то на одну, то на другую сторону речушки. Меня очень это увлекло,

я впервые видел подобное. Вдруг медведь встал на задние лапы и пошел в сторону нашей палатки. У отца винтовка была наготове. Он прицелился, выстрелил в медведя. Медведь упал, потом снова приподнялся и снова упал. Мы подошли к нему, он был уже мертвым.

Мы с отцом быстро сняли с медведя шкуру и легли спать. На этот раз спали спокойно.

Так я впервые с отцом убил медведя.

№ 2. ЗАРГУЛИ АМБАНИЕ

Халанда боло путта белани нэвмунэсэл Гетта путтатчиндамари нэнэүэчи. Нөчи угдази гёда уннё солоҕочи. Ча уники нөчи болон-болон путатчүкили битчи. Нэнэмзе гёда муңгёду хаккотчөри, чаива умиҕачи. Чаива умимари ходиҕачи, агдуманне зисэи капахани итэндэми хаи-да поктони.

Нөни ча капаүатчи итэхэни гйда кадара поктони. Тар кадарануни уннё солои пукчихэни поктони сәпчини. Кадара хамаракени хасамари зиң бәра(н) заргули нэнэүэчи. Таматчу нөни угдатаки эвдүхэни. Чөтчи нэвтэки тәлуңутчихэни кадара поктони заргули хасатчимбачи. Нөни чаду нэвтэки тәлуңутчихэни заргули амбамбани. „Халанда ду Торисса нэнэүэчи путатчиндамари. Нөчи путатчикури униңури аптухандучи заргули амбани нөмбочи дөптүүэчи. Таматчу заргули амбани зиң маңга бивуки, нөчи хони-да бивө кадарамба эвукили алба, нөчи нөмбони хэрәлипис'с'э, гидара-мали кэсэни нэвумбукили“.

Гэ, таматчу униңури солоптои нэнэүэчи. Нэнэмзе, биккури аптуҕачи. Гидара нөчи дүтуңэсэ сиромбо гобдоҕочи, пулимэри сиромбо вәҕачи. Таматчу дукутаккөри исуүатчөри, чаиңури умиҕачи. Нөчи сәксәнне униңури бајсаи тугдүлөтчичи дүзи мөзи. Тар тугдөлөтчи бичи зиң нэмдэ мө. Нөчи дүтуңэсэ апкатчичи. Авумзе агдуманне мөлчини һинда бунилэни. Нөни ча бунимбо долзими муротчихони — заргули, уми. Чөтчи нөни нэвби сәррутчихэни. Нэвуни тәдүхэни, чөтчи панусини актакки: „Тар хаи кэсэни-гэ?“. Аңни унҕини: „Гиләүэ һиндани бунини“, — унҕини. Тари бунинөчи бәручи хиндам буннитчичи. Чөтчи аңни унҕини: „Гэ, бу дүнне јө тугдүлөмбәри талдандуни тәрису“. Гэ, нөчи тугдүлөмбәри талдандуни тәүэчи. Нөчи чи тәсичи.

Чи тәсидучи долбони талдамбани лакка отчини. Чомды итәүэчи уни эве-таве киррани заргули хинзөчи нөчи баручи. Таматчу заргули ча тугдүлөмбә митумэри хинзөчи нөчи баручи. Гэ, нөчи ча митчө заргули нитарамзи пачиллаҕачи. Заргулиңучи мүттәи туккичи. Ча заргули бунини бәруни зәсилни пукчитчичи, чотчөри нөчи зәсилбари буннөчи дөпчичи.

Нэвмунэсэл ча долбоне чипали манагачи-тани, ча тугдулэнду тэмэри. Гёваннэни лака осидуни гйда-мали тутахани. Тар тутаха(н) битчи(н) зиң дәи, тар битчи — эдэчи.

Гэ, нөчи, нэвмунне, зиң маңга отчичи. Нөчи, нэвмуне, заргули амбани манагачи.

Таматчу-ко эр заргули Гетта тавазини нэллэ отчини. Заргули буннегини, Гетта тава ивандагини, чиптамзи осини. Ториса заргули буннегини, тором суппачүкил. Ториса эдэмбэчи заргули амбани дэптүхэни.

КРАСНЫЕ ВОЛКИ

(Записано в 1937 г. от Степанова, род Ториса)

Когда-то давно осенью в месяце ноябре (в месяц силков на зверя) два брата из рода Гетта пошли ставить силки на зверя. Они шли на лодке вверх по реке. По той реке они каждую осень силки ставили. Они шли, шли, в месте изгиба реки остановились, чай пили. Кончивши пить чай, старший брат в лес поднялся посмотреть, какие там есть следы. Он там, поднявшись, увидел следы большого медведя. Виднелись (узнавались) следы бежавшего вверх против течения реки громадного медведя. Позади сильного медведя, гонясь, очень много красных волков шло. Он (старший брат) к своей лодке спустился. Потом своему младшему брату рассказал (о том), что красные волки гонятся по следам сильного и большого медведя. Он тогда рассказал младшему брату о злой силе красных волков. „Когда-то двое из рода Ториса отправились ставить силки. Когда они достигли той реки, где они ставят силки, их съели красные волки. Красных волков очень много бывало, они справлялись с сильным большим медведем, они, его окруживши, только один раз крикнуть позволяли“.

Ну, оттуда они (братья) пошли вверх по течению реки. Шли, шли до (своего) места дошли.

Однажды они вдвоем охотились на дикого оленя, бродя, убивали диких оленей. Потом оттуда к себе возвратились, чаю напились. Вечером на ту сторону своей (т. е. где остановились) реки устроили мост из двух деревьев. Тем мостом их были очень тонкие деревья. Вдвоем они легли спать. Старший брат проснулся от собачьего лая. Он, тот лай слыша, подумал: „Красные волки“, — говоря. Тогда он младшего брата разбудил. Младший брат встал (и) спрашивает у старшего брата: „Это что за крик?“ Старший брат говорит: „Гиляцкие собаки лают“. Те, лающие, к ним подходя, лаяли. Тогда старший брат говорит: „Ну, мы с тобой на середине моста давай сядем-ка“. Они на середине (своего) моста сели. Долго сидят.

Так они сидят, а уж полночь близка стала. Вдруг они увидели с той и другой стороны (с того и другого берега) к ним красные волки идут. Потом красные волки по тому мосту ползком к ним

подбираются. Ну, они тех ползущих красных волков, расплющивая, били. Убитые ими красные волки в воду падают. За мертвыми красными волками их сотоварищи прыгали и своих мертвых товарищей поедали. Братья в ночь всех так прикончили, на мосту сидя. Когда близок стал рассвет, только один убежал. Тот, убежавший, был очень большой, то был их вожак (хозяин).

Ну, (а) они два брата богатырями стали. Они два брата, прикончили красных волков.

Отсюда пошло, что красные волки огня Гетта боятся. Когда красные волки залают, если люди Гетта огонь разведут, они тотчас замолкают. Представители же рода Ториса, если красные волки залают, без слов, молча теряют сознание. Главного вождя из рода Ториса красные волки съели.

№ 3. ХОНИ УЈЛА БИТЧИЧИ ГОРОПЧИДУ

Ујлта халанда мэнэ-мэнэ доло соримари бивукил. Хајмари соррукил битчини? Ночи соррукил битчичи эктэ дэруни, нэ дэруни, сундатта, бэјнэ дэруни.

Гочи ночи соррукил битчичи: мэн мэттэккэри нимэрипис'с'э, нимэрихэннетэи ула нумисэни, сундатта пачиккэни, оркин дэпивэ тојовкил битчичи. Тари тамасале сорри битчичи.

Тар соримари, оркимба наррэ эси вара битчичи, ночи масиң-ңори, бајаңңори вэри битчичи. Маңганңори вапис'с'а, дукутаккэри йчимари исуккил битчичи. Чотчэри нэвани, абдулбани гази битчичи.

Тар тамасал долочи соримари, мэн мэпэр чипали манаматчиҫачи.

КАК ОРОКИ ЖИЛИ В СТАРИНУ

(Записано в 1937 г. от Павла Павлова, род Гетта)

Давно когда-то ороки жили, часто враждую между собой. Из-за чего они враждовали? Они враждовали из-за женщин, из-за земли, из-за рыбы, из-за зверя.

Враждовали они также и в тех случаях, если пришедшего в гости человека угощали оленьим желудком, рыбьим хвостом или какой-либо другой плохой едой. Так они враждовали.

Враждуя, они слабых людей не убивали, старались убить сильного, богатого. Убивши могучего (сильного), победившие с победным криком возвращались к себе домой, забравши землю и все имущество побежденного.

Так враждуя, сами у себя многих людей уничтожали.

№ 4. МОКЧУ КЭЧИКТЭ

Гйда уни кирадуни мама-ја, мапа-ја битчичи. Ночи путтэчи битчичи, гэлбуни Мокчу Кэчиктэ. Ночи бимэри сундатта тэл-лувкили битчи(н).

Гйдара мапаҕача униҕуби солои тулэндэхэни-тэни. Тар нэн-нѐдуни нѐзела гйда нари илитчини. Тар нари панутчини хаила мапа нэннѐвэни. Мапа унҕини: „Би сундатта тулэнзѐве“. Гѐ, мапа тулѐчиливи муңгѐҕуби аптухани. Ча муңгѐҕутѐкки хак-катчи, ојосколби хабгутчихани, таматчу нѐни адулиби тулѐхэни. Мапа сѐксѐ зиж бѐрамба дава вѐхани.

Гѐ, мапа долбодоло тулѐчихэни-тэни. Нѐни икпѐтѐкки хаг-дупе, даваҕуби холтѐни дѐпчини. Гѐ, чомзико нѐни хагдѐтчи бидуни нарисали хиндаҕачи-тани, лѐккѐлбѐри дапаҕатчѐри. Мапа илихани-тани. Илиҕатчи панусини: „Су хаила нэннѐсу долбо?“. Тарисали унҕичи: „Бу хаила-да эсипу нэннѐ, бу ситтѐи хинда-апу“. Мапа унҕини: „Хаива хандамари хиндагасу, мимбе вѐн-дагасу-ју?“. Гѐ, тари нарисал мапа дапаҕачи-тани. Дапахандучи мапа утчини: „Су мимбе вѐрису, хамарипари ѐмѐри сѐра, хони-да билувѐри“. Тар нарисал мапа ҕалани хамасаи ујигѐтчѐри, мѐтѐи мѐтѐлѐҕѐчи-тэни.

Гѐ, мама мапаҕуби исивани халачихани. Мапаҕуни долбодола анаҕа. Чомдико гасанду мапа пундадуни хиндахани. Хиндаҕатчи унҕини: „Би агбави вѐҕачи“. Гѐ, мама соҕохони мапаҕуби бучин-дуни.

Гѐ, мама-ја путѐмунѐ битчичи. Нѐчи бимѐри дутуҕѐсѐ тѐл-лучувкили битчи(н). Нѐчи дува зиж бѐрамба тѐллувкили бичи(н). Мокчу Кѐчиктѐ зин дѐи нари отчини-тани. Нѐни бѐјнѐвѐ вѐри нари отчини. Нѐни гйдара бѐјичими исуҕатчи ѐнитѐкки панут-чини: „Би амимби хаими бучини-гѐ, нари вѐҕачи-ју, си миттѐи алдурру!“.

Мама тѐлуҕутчихэни-тэни: „Си амимбаси нарисал вѐҕачи нѐни тулэндѐхѐндуни. Тулѐчидуни хиндаҕатчѐри вѐҕачи. Нѐчи миндѐмѐри ѐтчици вѐра, нѐчи ҕалани хамасаи ујигѐтчѐри мѐтѐи мѐтѐлѐҕѐчи“. Гѐ, Мокчу ча алду долзиҕатчи, муротчихони: „Гѐ, су амимбави вѐҕасу, би сумбупѐ пѐргитѐ“. Мокчу ча алду долзиҕатчи, зиж горо битчини, асизѐ гада отчини. Мокчу ѐнини сагдами бутчини. Анимби буннини хумухэни-тэни. Мокчу асини путтѐ бѐхани-тани, гйда хусѐ путтѐ.

Гѐ, гйдара Мокчу таҕачиндами нѐнѐхэни ча гасатаи. Нѐни нѐнѐхэни долбо. Нѐнѐмзѐ гйда пѐду тѐҕѐтчи, бурикѐби хуллини тавчихани-тани. Таматчу гочи нѐнѐхэни. Нѐнѐмзѐ гасамба апту-хани. Аптуҕатчи маҕаҕучи дукуни бѐруни нѐнѐхэни. Нѐни пакчира бѐруни нѐнѐхэни. Маҕаҕучи дуккуни аптухани-тани. Маҕаҕучи дуккуни чипали хѐрѐли курѐипулѐ мѐзи. Мокчу ча курѐивѐ сула путчѐми аптухани-тани. Тар курѐи гугдалани ила(н) дѐ битчи(н). Ча курѐивѐ даваҕатчи, нанды митуми маҕа дукуни паватаини нѐнѐхэни-тэни. Пава холдондуни отчи, долзи-хани, ча дуку дѐлони сама(н) јаивани, нари инѐсивѐни. Нѐни панамбани андуҕатчѐри, лавтанзи хѐмори инѐтчици-тэни: „Гѐ, Мокчу зилини калтарамзи нѐннѐҕѐј“, — умѐри инѐтчици. Гѐ, сама(н) јајаи унҕини: „Мокчу Кѐчиктѐ бузини лака, су нѐмбони вѐлису. . .“, — уми јајини.

Мокчу ча кэсэчи чипали долзихани. Таматчу пава илэүэтчи итэчихэни-тэни. Нөни пэргини маңгаңучи дукку дөвани гитчини. Мокчу чомдико кучэмби токотчи, топкомбо мигитчидуни ңалани уткулихани. Ча сөсиңимбани долзиүатчи, маңгаңучи лэкэби дапаүатчи, нэхэни-тэни. Мокчу нэриүэни долзиүатчи, корита чоногони бэруни линас тэхэни-тэни, бэгзиби пэнэнзини туңэмби даками. Нөни муротчини: „Бэгзиби лэккэ намгуми-да ојотто, туңэмбэви эсигини намгу улиңга бичи“. Чомдикы итэхэни-тэни тадда дуккэни. Мокчу чиптам маңитахани эми эриси, паккэ пэнэмби лапамзи опоми туңэмби бэруни. Чомдикы тадда чипамзи намгухани-тани Мокчу пэнэккени. Мокчу чиптамзи маңитахани. Тариңуни галпами хозиүатчи унзини: „Ва-а!“ . Коритаби галпа-вунзүвани унзини. Чотчи эми-дэ итэндэтэ хамасаи дукутаки нэнүхэни-тэни. Мокчу ча лэккэни наңды токкотчи, таддани атуүатчи, ултоки гидалахани. Пэнэмби пујэни налманзи капса-хани-тани. Нөни муротчини: „Си мимбэ исилэкэ энэси вара, би симбэ дулузи вэрилами јэ лэккэси таддазини“. Таматчу нөни ча курэивэни сула-сула давадочихани, дукуби бэруни нэнүхэни-тэни. Нэнүмзе дукуби аптудухани-тани. Аптудуүатчи мамаңу-такки унзини: „Би гојов отчи исухамби“. Нөни исуүатчи бини, пујэби ховутчими. Пујэни гйда бэва биүэтчи хокухони.

Тар бидуни, долбо зиң бэра(н) нари дуккуни хэрэлиүэчи. Чотчөри нөчи лэккэзи галпаначичи. Мокчу долбо тэдуүэтчи, мамаңуби сэрүтчини. Мокчу килтамиби бэруни лэккэби дападу-үатчи, сипарихани. Килтами аптуүатчи, гйда саңаки итэчихэни. Нарисал чи галпанасичи. Мокчу итэхэни: гйда маңга утэду отчи, галпанасини. Мокчу итэгини — гој маңга, нөни пэргэни „эр маңга — маңга нэвүни-дэ, биллэ“, — муротчини. Гэ, Мокчу таматчу ча саңаңуки лэккэби дуккэни чул опокотчи, ча маңга бэруни чокоричихани-тани. Мокчу ча маңга туңэндулэни галпа-хани. Маңга тукизи зүсилтаки унзини: „Эр Мокчу тавалу гупу-лини, билэрэ“. Гэ, Мокчу таматчу ча нарисалба долбо чипали вэхани-тани.

Нөни чимај лэкэби дападуүатчи, нарисали поктокичи нэнэ-хэни-тэни. Тар нарисал дувадандүри битчичи. Ча дуваданду зиң маңгаңучи дэрэзихэни. Тар маңга Мокчу нэниүэни этчини сара. Нөни дукузи бими, муротчини Мокчукку халанда вэүачи-тани. Мокчу гйда угда пэзекини йхэни. Нөни чисэни маңга галпахани таддази лэккэки тулэүэтчи этэвхэни-тэни. Чомдикы чимај маңга бөтои нэүэтчи, гујиниси ојотчи, дукутаки йдүхэни-тэни. Чотчи мамаңутаки унзини: „Би исинэни тулэнзитэ!“ . Мамаңуни унзини: „Гэ, тулэндэв кэлэ бими!“ .

Гэ, маңга адулиби дападугачи, бөтои нэхэни-тани. Чотчи нөј-саи эвхэни, угдаби ду ңалази эвриүэтчи, мүду эксэхэни-тэни. Чөтчи нөни униңуби солои гопулапитчини. Мокчу угда пэдзэни оси итэчихэни. Мокчу муротчини: „Гэ, исилэкэ бузиси инэңи-ңуси!“ . Чомзикы маңга гопулапитчини. Гопулапинзидуни хаваңини

итэптүхэни. Мокчу ча хаваньикини чокоричигатчи, галпахани. Галпэзи Мокчу муротчихони: „Ма! си лэkkэси ситтэи бүүзи“.

Маңга мütэй түхэни.

Гэ, нбни ча маңга вāгүатчи, ча гасамба чипал манахани. Ча гасанду гйда путтэвэ, мамава пуллэвхэни эми вāра. Тар мама Мокчутай утчини: „Эр маңга ситтэй зинү бāрамба нарива нэнэ-вэтчини симбэ вāбудури, си ча нарилба этчиси иттэ“. Мокчу унзүни: „Тар нарисал тавачи гуптүхэни“.

Гэ, Мокчу, чи бини.

МОКЧУ КЭЧИКТЭ

(Записано в 1937 г. от Ханьмайину Осипова, род Ториса)

На берегу одной реки жили старик и старуха. У них был сын, имя ему Мокчу Кэчиктэ. Они жили, промышляя и заготавливая рыбу.

Однажды старик вверх по течению (своей) реки пошел сети ставить. Когда он плыл по реке, на земле (на берегу) один человек стоял. Тот человек спрашивает, куда старик идет. Старик говорит: „Я на рыбу сети иду ставить“. Ну, старик до изгиба реки, где он сети ставит, доплыл. На изгибе реки приставши, свое имущество выгрузил, потом свои сети ставил. Старик за вечер очень много кеты наловил.

Ну, старик до ночи сети ставил. Он к своему костру когда пришел, мясо кеты ел. Вдруг, когда он у своего костра находился, люди пришли, стрелы свои захвативши. Старик встал, вставши, спрашивает: „Вы куда идете ночью?“. Те говорят: „Мы никуда не идем, мы к тебе пришли“. Старик говорит: „Зачем пришли? Меня убить пришли?“. Ну, те люди старика взяли. Когда взяли, старик сказал: „Вы меня убиваете, а как потом начнете жить, не знаете?“. Те люди старику руки назад связали и в воду бросили.

Жена прихода мужа ждала. Ее мужа до ночи нет. Вдруг из селения сестра мужа пришла. Пришедши, говорит: „Моего брата убили“. Жена плакала, когда муж ее умер.

Ну, жила женщина (после этого) только вдвоем со своим ребенком. Они вдвоем и рыбу заготавливали. Летом они очень много рыбы заготавливают. Мокчу Кэчиктэ совсем взрослым человеком стал. Он зверя промышляющим человеком стал. Он однажды, возвратясь с охоты, у матери спросил: „Мой отец почему умер? Люди убили что ли? Ты мне расскажи!“. Мать рассказала: „Твоего отца люди убили, когда он сети ставил. Они его избивая не убили, они, руки его назад связавши, в воду бросили“. Ну, Мокчу, те сведения услышавши, подумал: „Ну, вы моего отца убили, (а) я вас попробую“. После полу-

чения тех сведений Мокчу долго жил. Жену себе нашел. Мать его, старея, умерла, мать-покойницу похоронил. Жена Мокчу ребенка родила — мальчика.

Однажды Мокчу пошел тайно сделать нападение к тому селу, где жили убившие его отца. Он пошел ночью. Шел, шел, в одном месте севши, тетиву своего лука поправил. Потом снова пошел. Шел, шел, дошел до селения. Дошедши, к дому их богатыря пошел. Он в темноте шел. Дошел до дома богатыря. Дом богатыря был окружен забором из деревьев. Мокчу тот забор легко перепрыгнув, преодолел. Высота того забора была три сажени. Тот забор перелезши, тихонько ползя, к окну дома богатыря подобрался. Сбоку от окна вставши, слушал, как внутри дома шаман шаманит, люди смеются. Его фигуру сделавши, кинжалами рубя, смеялись: „Ну, Мокчу голова пополам расколется“, — говоря (так), смеялись. А шаман, шаманя, говорит: „Мокчу Кэчиктэ смерть близка, вы его убьете...“.

Мокчу те слова все слышал. Потом, окно лизнувши, смотрел. Он думает, что богатырь по дому ходит. Потом Мокчу, свой нож вынимая, рукой задел. Тот шум услышавши, их богатырь, стрелу взявши, вышел. Мокчу услышав, что он выходит, к углу стены дома вплотную сел, колена своих ног к груди прижав. Он думал: „Пусть стрела в ногу попадет, в грудь не попадет, хорошо будет“. Потом увидал конец наконечника стрелы. Мокчу терпел, не дыша, (лишь) сильнее прижимая свои колени к груди. Вдруг наконечник стрелы попал в колено Мокчу. Мокчу терпел. Тот же, стрелять кончивши, говорит: „Ва-а!“.

О своей стрельбе в стену говорит. Потом, ничего не увидавши, назад в свой дом пошел. Мокчу ту стрелу тихонько вынувши, наконечник снявши, его за пазуху сунул. Рану на колене одеждой из оленьей шкуры перевязал. Он думал: „Ты меня теперь не убил, я тебя сперва убью наконечником этой твоей стрелы“. Потом он тот забор еле перелез (и) к (своему) дому пошел. Шел, шел, до (своего) дома дошел. Дошедши, своей жене говорит: „Я раны получить ходил“. Пришедши, он свою рану лечил. Рана через месяц зажила.

Так, когда он был в доме, ночью множество людей его дом окружили. Потом они из лука стреляли. Мокчу ночью встал, свою жену разбудил. Мокчу к месту около двери, свои стрелы взявши, подкрадывается (прячась подходит). К месту около двери дошедши, в дырку смотрел. Люди все стреляют. Мокчу видит: один богатырь, у двери вставши, стреляет. Мокчу думает: „Этот богатырь, должно быть, младший брат главного богатыря“, — думает. Ну, Мокчу через ту дыру, конец своей стрелы прямо нацеливши, в грудь того богатыря стрелял. Богатырь при падении своим товарищам говорит: „Это Мокчу наш огонь тушит, наверно“. Ну, Мокчу потом тех людей ночью всех убил.

Утром он, (свои) стрелы взявши, по дороге людей пошел. Те люди на летней кочевке были. На летней кочевке (в это время) один самый большой богатырь оставался. Тот богатырь о приходе Мокчу не знает. Он, в своем доме находясь, думал, что Мокчу давно убили. Мокчу под одну лодку залез. Он, наконецник (которым стрелял уже известный богатырь) на свою стрелу насадивши, караулил. Утром богатырь, на улицу выйдя, потянулся и снова в дом вошел. Потом своей жене говорит: „Я сегодня пойду сети ставить“. Его жена говорит: „Иди ставь, да лучше работай!“.

Ну, богатырь свои сети взял, на улицу вышел. Потом, к берегу спустившись, свою лодку двумя руками поднявши, на воду положил. Потом он по своей реке вверх по течению, шестом подпираясь, отправился. Мокчу под лодкой смотрит. Мокчу думает: „Ну, сегодня твоей смерти день!“.

У богатыря же, когда он шестом подпирается, подмышка виднеется. Мокчу в подмышку ему стрелял. Стреляя, Мокчу думает: „На! твою стрелу тебе отдаю!“.

Богатырь в воду упал.

Ну, а он, того богатыря убивши, в том селении всех прикончил. В том селении лишь одна женщина и один ребенок остались не убиты. Та женщина Мокчу говорит: „Этот богатырь к тебе очень много людей послал, тебя чтобы убить, ты тех людей не видел?“.

Мокчу говорит: „Тех людей огонь потух“.

Ну, Мокчу после того долго жил.

№ 5. ДАХИННЕНИ, ВАЛУННЕНИ

Сахалинду талде кирадуни бини гѣда уни гѣлбулу Вал(у). Валуду битчичи Валусал халатчи. Нѣчи битчичи хасун-да аундауду. Нѣннѣ битчичи наму кирадуни, дува — Валу дадуни, боло — Валу дѣрѣндуни, тува — солила. Нѣчи мѣн-мѣн доло ајази битчичи. Нѣчи заңгеңулу битчичи. Заңгеңучи зиң маңга нари битчичи, гѣлбуни Налма. Нѣни эңилу битчини, сагзи мама, амила ана. Амимбани халаңда нарил ваҗачи. Налма сагзи этчин биѣ, ананиңуни хори тунда. Нѣни нѣктѣ нари, моми, маси.

Валусал боло бојолмоси, гѣду сундатта вѣҗитавкил битчичи, дува сундатта тѣлѣрѣ, сѣдүхимбѣ гатасси, нѣннѣ наму кирадуни пѣттѣ вѣҗитара, пѣттѣ илдани чирура ој битчичи, тува сиромбо вѣҗитара, бојомбо гѣлѣрѣ, тува оксолдури, сумилталдури андуси битчичи.

Валусал мѣн-мѣн дѣло дакалзѣри, вѣлалзѣри дувѣлимѣтчивкил битчичи. Боло сиромбо, сѣпѣвѣ, бојомбо вѣханне калтаккѣни сагзисалтаи бѣри битчини. Нѣннѣ бѣрамба пѣттѣ вѣханне, гѣчи бѣри битчини. Нѣннѣ пѣттѣ вѣҗитамари, угдази вѣҗитавкил битчичи.

Гёдара Валусал заңгеуичи боло гобдохони. Мёво молим-зици, чаива улэмзици, багдухиби таумзици гёда аңало орокчини. Нёни гэлбуни Холдохо битчини. Нёчи Валуду оси ун'а дэрэни бэруни ңэнэгэчи. Ңэнэгэтчёри, ңэнэгэтчёри ун'а дэрэмбэни аптугачи. Ун'а дэрэндунни аундавдори андучичи.

Налма Холдохотои панусини: „Холдо, си эри ун'амба сариси?“. Холдохо утчини: „Ана, ага, би эри ун'амба эсу сара“. Налма унзини: „Гэ, Холдо, нуку, бу дүнне эри ун'а дэрэндунни сэппэ гобдору, сиромбу, бојомбу вайталипу. Си дуккори эттэвру, би гобдору оңоптой!“. Холдохо унзини: „Аја, ага, хаива-да утчимбэси чипали тојломи“.

Налма чиманани гобдохони. Гобдојотчи, сэксэ, тунда сэппэ вайатчи, исухани. Налма зомбо инёни гобдохони. Тари гобдоми зиндо тунда сэпэвэ, дакпу сиромбо, тунда бојомбо вахани. Гёдара сэксэ исууатчи, Холдохотои унзини: „Холдо, си эси сэксэ тэлуңэ тэлуңутчу!“. Холдохо тэлуңучилухэни: „Ага, би ситтэи си энитчи тэлуңучилухэмбэни тэлуңутчитэ! — Халанда, си эттэли балзёдуси, амитчи униндуни Дахи умби наду бисэл дахиннёни эр бу полбоппо манагачи. Халанда Валусал бэра нарил битчичи, дахиннёни вайандучи оји отчипу, оркил отчипу. Си амимбаси дахиннёни вайачи. Боло гобдэдуни вайатчери, таваду иватчичи, вайхамбани чипали гатчичи“.

Налма унзини: „Элэ, хоззу хайва тэлуңутчеси, чимана гасатаккёри ңонуңптэ, би сариви си тэлуңутчивэси“. Холдохо тэлуңучими хозихани.

Ча долбонне аундајатчёри, чиманани гасатаккёри ңонууэчи. Гасамбари илалта аундајатчёри аптудујачи, Налма гасамби аптујатчи, дукутакки йдухэни. Дукудунни энини умукэ соңгоми тэсини. Налма утчини: „Хайими соңнёси? Хайваси хай дэптухэни?. Энини мама унзини: „Налма, эри эси си анадуси дахиннёни пуличи гасамба калтаккани вайачи. Чинне чијапани Дахиду гёда путтэ пулитчини. Ча путтэтэи бу гасандупу би мапа ула нэмиссёни, сундатта пачиккёни тојохони. Тари чази аксами ңонууэтчи, зёсилтакки алдуридухани“. Налма унзини: „Би нонзичи эсу ңэллэ, хаймари мимбе эсичи ванда-да-га!“.

Сэксэ Налма энини сундатта долдоттаи вандахани. Горо бипе исухани. Исууатчи, Налматаи унзини: „Налма дахиннёни синдагачи, биллэ, нари панамбани итэхэмби“. Налма унзини: „Гэ, аја, синдагачи; би ајакта корбове тулэкки ујусу“.

Долбо Налма этчини аура, гидаби дапајатчи тэчини. Тар тэми утэккёни нари голпотчивани итчёни. Итэхэндунни эвветавведунни лэккёди галпанасичи. Налмава гёда лэккэ этчини наңбо. Налма зёсилби пулахихани. Зёсилни синдагачи. Синдајатчёри дахиннёпани хэргэлэуэчи. Дахиннёни хоринне битчичи. Хэргэлэуэтчёри галпанатчичи, чипали вайачи, дахиннёни маңганучи туттаугачи. Дахиннёни маңганучи гасаттаки туттадухани. Валусал дахиннепани вайатчёри, иламба илалтадули да-

хиннэни маңгаучи гэлэңдэгэчи. Гасандөри асилбари, пурилбэри, эничилбэри, амичилбари вэдэүгэчи.

Долбониду дахиннэни маңгаучи гөчи зинне синдагачи. Синдагачтчэри Валусал пурилбэчи, асилбачи, амилбачи, улалбачи, абдулбачи мэнэ гасатаккэри нэнуүгэчи. Нэнухэндучи тундалтава биүэтчэри, Валусал исуүгачи. Исухандучи гасандучи хажичи-да ана. Налма унзани: „Эри хаж амбани манахани-үа гасамбапу! О, аја, госипсули! Эри дахиннэни маңгаучи, хони тоготчи вāха-и!“... Зэсилтаки унзани: „Тувэ тувэдэттэкэри нулдидуүэтчэри, улалбари оккодуни эттэвнэптэ! Хони-дда мумбэпу вандадумари синзэллал!“.

Тувэ гөррау бэдуни Налма тувэдэттэки нулзидухэни. Тувэ Налма зэсил-муна улалбари ујитэүгэчи. Налма зэсилни тунданне битичи. Гэдара Налма ила зэви улалби итэңдэвчини. Иланне улалтаи нэүгэчи. Налма зэсилни ана этчичи исура. Налма мурутчини: „Гөчи вāгачи, биллэ, зэсилбаве чөмори эсичи исура, билэрэ...“. Налма тэмзи-кэ нарил кэссэчи долзихани. Долзигачи наккануби итэңдэвчини бөтои. Накка итэңдэхэни, идухэни, унзани: „Дахиннэни зэсилбаппо вāгачтэри, йчимэри гасамбари бэруни туксаудоккал“. Налма мурутчини: „Аја, госипсули! Эри хажбүддөри мумбэпу Валусалба маннэчи дахиннэни“. Налма наккануатаки унзани: „Би мэнэ улал оккотоичи эттавзэ-лэми, си дукури эттэвсэри!“.

Налма улал оккотоичи нэнэхэни. Долбо тондо дөдуни эттэүхэни. Тэми сөсинүмба долзихани, итэхэни: нарисал синзэчи — зинне. Такчини дахиннэни маңгаучи. Нөни наврэни. Налматаи лакка осичи. Дахиннэни маңгаучи унзани: „Эсинэңи Валусал маңгаучи вāнапта!“.

Налма мэдэхэни, лэккэлби, гидаби бөлиэхэни. Дахиннэни нөни удэтэини синдахандучи Налма галпахани, маңгаучи мөвамбани лэккэни наңбухани. Дахи маңгани бутчини. Зэсилни Налмамба хэргэлэүгэчи, гидалзи гидамачилуүгачи. Валу маңгани зиг танадала нари. Гидамачимзе, гидамачимзе Налма дахиннэпани чипали вāхани. Вāгачи маңгаучи буннэни дукутакки гадухани. Наккатаи унзани: „Би Дахи маңгани вāхамби. Чимана нөни гасамбани-ка манаңзэ-лами!“.

Чиманани Налма дү зэдзи Дахила нэнэүгэчи, Дахи маңгани буннэни олбитичи. Нөчи йчимэри Дахи бэруни туксауүгачи.

Иламба инэңи биүэтчи, Налма исухани мэнэ гасатаки. Нөни асилби, пурилби, амичилби, эничилби гадухани. Дахиннэни абдулбачи чипали танатчини. Налма унзани: „Эсилэ-кэ дахиннэни мумбупу эңэл вāгита, би гөчи сорибүдзи зэлачимби, нөчи эсичи оси“. Нөчи утчичи: „Бу эсипу эмэтчу дүлэсэи сүттэи сорре, элэ хажибари гамачибүддөри бүлмэтчипу“. Валусал дахиннэпани дабзигачи, дахиннэпани дабзигачтэри билуүгэчи.

ЖИТЕЛИ РЕКИ ДАХИ И ЖИТЕЛИ РЕКИ ВАЛУ

(Записано в 1937 г. от Павла Павлова, род Гетта)

На Сахалине, на морском берегу, есть одна река по названию Валу. На реке Валу жил род Валусал. Они жили в нескольких юртах. Весной они жили на морском берегу, летом в устье Валу, осенью в верховье Валу, зимой — вверх по течению. Они между собой хорошо жили. Они имели начальника. Их начальник был очень сильный человек (богатырь был), имя его Налма. Он имел мать, старую старуху, отца не было, его отца когда-то люди убили. Налма был не стар — его лета двадцать пять. Он коренастый, плотный, сильный человек.

Валусал осенью охотились, во время икрометания рыбу убивали, летом рыбу сушили, ягоды собирали, весной на берегу моря нерпу промышляли, нерпячий жир вытапливали, зимой на оленя охотились, медведя разыскивали; зимой для себя сани, лыжи делали.

Валусал между собой богатством (одеждой, шелком, уварью и пр.), а также добытым на промысле обменивались. Осенью половину добытых оленей, соболей, медведей старикам отдавали. Весной, когда много нерпы добудут, также отдавали. Весной, нерпу промышляя на лодках, добывали.

Однажды начальник рода Валусал осенью отправился соболевать. Заготовщиком дров, варщиком чая, починщиком своего платья одного глупого брал. Его имя было Хольдохо. Они с р. Валу пошли к верховью ее притока. Шли, шли, до верховья этой реки дошли. В верховье ее себе шалаш построили.

Налма у Хольдохо спрашивает: „Хольдо, ты эту речку знаешь?“ Хольдохо сказал: „Нет, брат, я эту речку не знаю“. Налма говорит: „Ну, Хольдо, младший брат, мы вдвоем в верховье этой реки, на соболя поохотившись, на дикого оленя, медведя будем охотиться. Ты дом карауль, я соболевать стану“. Хольдохо говорит: „Хорошо, брат, все, что ты сказал, я буду делать“.

Налма на следующий день ушел соболевать. Пособолевавши, вечером, пять соболей убивши, пришел. Налма десять дней соболевал. Так охотясь, сорок пять соболей, восемь оленей, пять медведей убил. Однажды вечером возвратившись, он Хольдохо говорит: „Хольдо, ты сейчас вечером рассказ расскажи“. Хольдохо начал рассказывать: „Брат, я тебе расскажу то, что рассказывала твоя мать. — Как-то давно, когда ты еще не родился, по реке твоего отца в местности Дахи проживающие люди нас убивали. Когда-то Валусал много людей было, а когда жители р. Дахи убили, мало стало, слабые стали. Твоего отца Дахи-

сал убили; осенью, когда он соболевал, убивши, на огне сожгли, все добытое им забрали“.

Налма говорит: „Достаточно, кончай то, про что ты рассказываешь. Завтра в свое селение ухожу, я узнаю, правда ли то, что ты рассказываешь“. Хольдохо рассказывать перестал.

Ту ночь переночевавши, на следующий день в свое селение ушли. До своего селенья через три ночевки дошли. Налма до своего селенья дошел, вошел в свой дом. В доме его мать одна плачет, сидит. Налма сказал: „Почему плачешь? Кто, что твое поел?“. Его мать старуха говорит: „Налма, вот сейчас, когда тебя не было, дахисал приходили, половину селения убили. Третьего дня из Дахи один парень приходил. Этого парня старик, что живет в нашем селении, оленьим желудком, рыбьим хвостом угостил. Тот на то обидевшись, ушел, своим товарищам рассказал“. Налма говорит: „Я их не боюсь, почему они меня не идут убивать?“.

Вечером мать Налмы рыбу отправилась ловить на глубокое место. Долго пробыв там, пришла. Пришла и говорит Налме: „Налма с реки Дахи пришла, наверно, тени людей я видела“. Налма говорит: „Ну, ладно, пусть приходят, я злого вожака оленя у дома привяжу“.

Ночью Налма не спал, копые взявши сидел. Так, сидя, за дверью человека подглядывающего видит. Когда он увидел, и тут и там они начали стрелами стрелять. В Налму ни одна стрела не попадала. Налма своих товарищей позвал. Товарищи пришли. Пришли, людей с реки Дахи окружили. Людей с реки Дахи человек двадцать было. Окруживши, они (Налма и товарищи) стреляли, всех убили. Богатырь Дахисал убежал. Богатырь из людей с реки Дахи в свое селение убежал. Валусал людей с реки Дахи убили, в течение трех дней богатыря ходили искать. В своем селении своих жен, детей, отцов, матерей оставили.

Ночью богатырь из людей с реки Дахи и еще двое пришли. Пришли и детей, жен, родителей, оленей в свое стойбище увели. Когда они увели, пять дней прошло, Валусал пришли. Когда они пришли, в их селении никого, ничего их нет. Налма говорит: „Это что за злая сила наше селение уничтожила? О несчастье! Теперь богатырь из людей с реки Дахи, как с тобой поступивши, убью!“. Своим товарищам говорит: „Зимой, на зимние стоянки перекочевавши, на пастбищах своих оленей караульте! Как-никак, а и нас убить придут“.

Зимой, в месяце декабре, Налма на зимнее стойбище перекочевал. Зимой Налма со своими товарищами своих оленей привязал. Его товарищей пятеро было. Однажды Налма трех своих товарищей послал посмотреть своих оленей. Трое к оленям пошли. Товарищи Налмы не возвратились. Налма думает: „Снова убили моих товарищей, поэтому не возвратились“.

Налма голоса людей услышал. Услышав, своего слугу послал посмотреть. Слуга пошел, посмотрел, возвратился, говорит: „Люди с реки Дахи, наших товарищей убивши, с победным кличем в свое селение бегут“. Налма думает: „О, несчастье, наш род Валусал люди с реки Дахи приканчивают!“. Налма своему слуге говорит: „Я сам к оленьему пастбищу пойду караулить, ты дом будешь караулить“.

Налма к пастбищу оленей ушел. Ночью до середины ночи караулил. Сидя, шум услышал, посмотрел — люди подходят вчетвером. Заметил богатыря людей с реки Дахи. Он впереди идет. К Налме близко стали. Богатырь людей с реки Дахи говорит: „Сейчас богатыря из рода Валусал убьем!“. Налма узнал их — свои стрелы, свое копьё приготовил. Люди с реки Дахи к его месту когда подошли, он в их богатыря стрелял, в сердце его стрела попала. Богатырь с реки Дахи умер. Его друзья Налму окружили. Своими копьями они и Налма друг с другом сражались. Кололи, кололи Налма людей с реки Дахи всех убил. Убивши, их покойника-богатыря к своему дому принес. Слуге говорит: „Я богатыря людей с реки Дахи убил. Завтра его селение буду кончать“. Утром Налма с двумя товарищами ушел к реке Дахи. Покойника-богатыря с собой потащили. Они с победным криком бежали к реке Дахи.

Через три дня Налма возвратился в свое селение. Он своих жен, детей, родителей привел. Имущество людей с реки Дахи все похитили. Налма говорит: „Уж теперь-то люди с реки Дахи нас не убьют; я снова, чтобы воевать, готов, они же нет“. Те же говорили: „Мы с вами в дальнейшем не будем воевать. Мы всякими вещами обмениваться будем“.

Валусал людей с реки Дахи победили и, победивши, начали жить.

№ 6. ПЭТТЭ — НАМУ ЭДЭНИ

Дува гѣда уни дѣдуни гѣда мапа битчини. Мапа сундатта тѣлихѣни. Нѣни гѣда бојомбо узихѣни. Бојоңуни тунда ананинулуу. Мапа бојоңуби путтѣби узичѣчи узихѣни. Сундатта вандами, бојоңуби олбинзи битчини. Мапа сундатта вами, мѣнѣ тѣлихѣни, сокторо, бѣккѣрѣ, маурира ој битчини.

Гѣдара сѣксѣ тулѣчими, сундатта вѣүитами тусѣ бѣруни итѣхѣни — пѣттѣ аурини. Тари пѣттѣ, мапа итѣгини, зиң оннори (иргала). Мапа нѣмбони итѣүѣтчи, бојоңутаки унзини: „Тари пѣттѣ зиң иргала, би нѣмбони ванзѣта. Би нѣмбони вѣүатчи, иргала наттазини хоссензи андусилами. Гѣ, окко, си угдари ѣттѣуру, би нѣмбони ванзѣтта!“.

Мапа пѣттѣ н’аңбахани. Н’аңбаүатчи, н’аңбаүатчи гѣда силма сулани опокотчи, мѣзи дуүитчини. Дуүитчиндуни пѣттѣ сутчини.

Мапа пэттэ саунадунн дапахани. Пэттэ сетосини мӯ б̄руни каксини. Мапа п̄рг̄ени: „Би симбе хаими-да эсу чиндэ. Би синзи багдухилабузи то̄ви. Этчели симбе в̄радзи, эсу хоззе“. Хони, хони томзи-ко, пэттэ мапава мӯ б̄руни ирухани. Мапа эсини чиндэ. Пэттэ мапава м̄т̄эи ирупитчини, мапа хоттой-да н̄н̄-хэмби этчини с̄ра. Тари пэттэ мапава наммо та̄саи пукту-х̄ни.

Г̄едара чима̄ мапа м̄лчини: дуку д̄дунн биви, дукуду г̄еда иргала пэттэ. Мапа халлурихани, ит̄эх̄ни — дуку хаики-да ут̄эл̄ ана̄а. Дуку д̄дунн бини: тава, часиккал, пэттэл натталчи. Дуку д̄они н̄гд̄э, намавли. Мапа муротчини: „Эри хаито̄ синдахамби? Эри пэттэ мимбе д̄эптубудзи то̄јни, билл̄!“ . Иргала пэттэ унзини: „Мапа, си мимбе хаибудзи в̄а̄ита̄аси?“ . Мапа унзини: „Си хаиси, нариси-ју, т̄эдд̄э пэтт̄эси-ју?“ . Пэттэ унзини: „Бии — наму эд̄эни биви“. Мапа муротчини: „К̄эт̄т̄э этчим энд̄э наму эд̄д̄эни“. Пэттэ унзини: „Мапа, си мит̄т̄эи бо̄јо̄уби б̄ру! Эсигиси б̄р̄э, би симбе в̄арилами, д̄эпчил̄эми. Бо̄јо̄уби б̄р̄эгиси, би синду б̄ра(н) сундатталба, пэттэлб̄э в̄авунзилами“. Мапа унзини: „Б̄рил̄эми а̄а, си мимбе эд̄зе в̄ара!“ .

Пэттэ унзини: „Мапа, си мит̄т̄эи т̄элӯн̄у т̄элӯн̄утчу хони си биви, дукузи хаива ӯл̄эви?“ . Мапа т̄элӯн̄училух̄ни. „Би анани-н̄уби зиндо тунда. Би балзихамби Т̄эм̄э уни д̄адунн, г̄еда аундау д̄адунн. Эри балзӣятчи, би умук̄э(н) биви; сундаталба, пэттэлб̄э в̄а̄итами, н̄н̄ң̄э, дува, боло, тув̄э би н̄а б̄э̄н̄эн в̄а̄итатч̄эви“. Мапа т̄элӯн̄утчимн хозихани. Т̄элӯн̄утчимн хозӣятчи, пэтт̄эт̄эи панусини: „Эр би балзӣятчи, сундатталба, пэттэлб̄э в̄ами, чомн хаими г̄едара-г̄едара сундаттал, пэттэл эсичи в̄аванда?“ . Пэттэ унзини: „Си пэттэл, сундаттал эсигичи в̄аванда, м̄т̄эи са̄н̄налба, д̄эпилб̄э м̄эт̄чӣг̄эси. Эсигиси м̄т̄эи д̄эптубуддунн б̄р̄э, би сундатталба, пэттэлб̄э эсу н̄н̄н̄эунд̄э су унӣул̄таису, х̄в̄эр̄э̄ул̄т̄эису. М̄т̄эи д̄эптубуддунн эсигиси б̄р̄э, би акс̄эви, эм̄этчу д̄ул̄эс̄эи сундатталба, пэттэлб̄э эми в̄ара, намуттан д̄эпп̄э м̄эт̄-чисс̄эри!“ .

Мапа унзини: „Би чава этчимби с̄ра. Эси би дукутакки хони н̄энулл̄эви?“ . Пэттэ унзини: „Би сит̄т̄эи угд̄адд̄оси б̄рил̄эми. Би синду г̄эс̄э н̄н̄н̄л̄эми си дукутаиси, бо̄јомбо ганими“ .

Чиманани мапа пэтт̄энд̄у н̄энӯг̄эчи. Мапа дукк̄они аптудӯачи. Мапа дукудунн бо̄јо̄унн умук̄э(н) бини. Мапа бо̄јот̄эи унзини: „Бо̄јо, би симбе пэтт̄эт̄эи, наму эд̄эт̄т̄эини б̄ривн“. Мапа бо̄јомбо пэтт̄эт̄эи б̄х̄эни. Пэттэ унзини: „Мапа, би сит̄т̄эи эси бо̄јо̄ун-ласи тамм̄эви — иламба анани сундатталба, пэттэлб̄э в̄аванди-лами, иламба анани з̄ӣн̄ а̄ази бив̄эн̄зил̄эми, иламба анани пэттэл улӣн̄гактачи силмами сит̄т̄эи синдаванзилами“. Тара̄н̄ачи укк̄этчи, пэттэ н̄энух̄эни. Т̄эдд̄э, мапа иламба анани сундатталба, пэттэлб̄э б̄рамба в̄ах̄ани. Т̄эдд̄э, пэттэ утчиндул̄эни мапа ба̄јатчини. Ба̄јакатчи, мапа билух̄эни.

Эри т̄эдд̄э эсин биэ, эри нӣма.

НЕРПА — ВЛАДЫЧИЦА МОРЯ

(Записано в 1937 г. от Павла Павлова, род Гетта)

Летом в устье одной реки жил один старик. Старик рыбу заготавливал. Он одного медведя воспитывал. Медведь его был пяти лет. Старик своего медведя, как своего ребенка, воспитывал. Рыбу идя промыслять, медведя с собой брал. Старик рыбу, добывая, сам чистил, жареную, вяленую готовил.

Однажды вечером, сети ставя, собираясь рыбу ловить, по направлению излучины реки посмотрел — нерпа лежит. Та нерпа очень пятнистая (пестрая). Старик, ее увидевши, своему медведю говорит: „Та нерпа очень пестрая, я ее пойду убью. Я, ее убивши, из ее пестрой шкуры для себя охотничью юбочку сделаю. Ну, око (око — обращение, ласкательное слово), ты лодку карауль, я иду убивать“.

Старик нерпу скрадывал (незаметно подкрадывался). Подкрадывался, подкрадывался, на расстояние одного ремня приблизившись, палкой ударил. Когда ударил, нерпу оглушил. Старик нерпу за ласты схватил. Нерпа барахтается, в воду дергает. Старик думает: „Я тебя ни за что не выпущу. Я из тебя для себя одежду сделаю. Покамест тебя не убью, не кончу“. Как-никак нерпа старика в воду стащила. Старик не отпускает. Нерпа старика в воду втащила, старик, куда он ушел, не знает. Та нерпа старика в глубь моря утащила.

Однажды утром старик проснулся — внутри дома он сам находится, с ним пестрая нерпа. Старик огляделся — увидел: в доме нигде двери нет. Внутри дома есть огонь, чашки, нерпичьи шкурки. Внутри дома светло, тепло. Старик подумал: „Это куда я пришел? Это нерпа, меня чтобы съест, так сделала, верно“. Пестрая нерпа говорит: „Старик, ты меня для чего задумал убить?“. Старик говорит: „Ты что, человек ли или действительно нерпа?“. Нерпа говорит: „Я царица моря (есть)“. Старик подумал: „Я чуть не ошибся с царицей моря (чуть не убил царицу моря)“.

Нерпа говорит: „Старик! Ты мне своего медведя отдай, если не отдашь, я тебя убью (и) съем; если своего медведя отдашь, я тебе позволю много рыбы, нерпы промыслять“. Старик говорит: „Я отдам, ладно, ты меня не убивай“. Нерпа говорит: „Старик, ты мне рассказ расскажи: как живешь, для своего дома что ты работаешь?“. Старик начал рассказывать: „Моих годов сорок пять, я живу в устье р. Тым в одном шалаше. Так живя, я одиноким живу, рыбу, нерпу промысляю, весной и летом, осенью и зимою охочусь на зверей“. Старик рассказывать кончил. Рассказывать кончивши, у нерпы спрашивает: „Так живя, рыбу и нерпу промысляя, почему же иногда рыба и нерпа не ловятся?“. Нерпа говорит: „Ты, нерпа и рыба когда не ловится, в воду табак, еду бросаю. Если не дать в воду пищу, я рыбу, нерпу не посылаю в ваши реки, в ваши озера. В воду пищи если не даешь, я обижаюсь

и с того момента не позволяю рыбу, нерпу промышлять. Ты в море пишу в будущем бросай!”.

Старик говорит: „Я этого не знал. Теперь в свой дом как пойду?“. Нерпа говорит: „Я тебе (для тебя) лодку дам. Я с тобой вместе поеду в твой дом, чтобы взять медведя“.

Утром старик с нерпой ушли. До дома старика дошли. В доме старика медведь в одиночку живет. Старик медведю говорит: „Медведь, я тебя нерпе, царице моря, отдаю“. Старик медведя нерпе отдал. Нерпа старику говорит: „Я тебе теперь за твоего медведя плачу: три года рыбу, нерпу буду позволять промышлять, три года буду позволять хорошо жить, три года лучших нерп выбирая, к тебе буду заставлять приходить“. Так когда сказала, нерпа ушла. Верно, старик три года рыбы, нерп множество промышлял. Верно, как сказала нерпа, старик разбогател.

(Только) это не (есть) правда, это — сказка.

№ 7. ЗОЛОНИ

Гѣда уни дэрэндуни, гѣда аундав дѣдони мапа-ја маманду битчичи. Нѣчи пурилул битчичи: гѣда хусѣ, гѣда ѣктѣ. Мапа гѣлбуни Нѣнтѣни, мама гѣлбуни Секалан. Пурилчи гѣлбулчи: ѣктѣ гѣлбуни Мѣнуѣкѣн, хусѣ гѣлбуни Золони. Мапа-ја мама-ја зѣиѣ бајасал битчичи: улалчи дѣ дѣту давни, абдулчи бѣду бичи, гаксе сони ѣси итѣптѣ. Пурилчи балзихаттаичи зѣон дѣу анани осини. Мама-ја мапа-ја хаива-дда ѣсичи андуси. Тѣн мапа мѣво мѣлсини, мама дѣппѣ бѣллѣрини, багдухулба андусини. Золони инѣн-инѣн сиромбо вѣндасусини, пундани мѣвѣ мѣулсини, иргалава иргѣни, хаива-дда чипали андусини.

Бимзѣ, бимзѣ гѣдара мапа, мама, Мѣнуѣкѣн чимај тѣхѣндучи Золони ана, хоттои-да нѣнѣхѣмбѣни ѣсичи сѣра. Мама унзѣни: „Путтѣпу хаи амбани пуктухѣни?“.

Золони ана отчиттаини ила(н) инѣнѣи отчини. Иламба инѣнѣи Золонимба халачиѣачи. Зѣиѣ инѣнѣиду Золони сѣксѣ исухани. Золони алиѣатчи исухани. Амини панусини: „Путтѣ, си хаила пуличисе-ѣ? хаива вѣндатаѣаси?“.

Золони унзѣни: „Би сиромбо вѣндатахамби“. ѣнини унзѣни: „Хони ѣсимѣв ѣрѣнѣчи горо битчиси-ѣ, хали-дда пулими горо ѣтчиси бирѣ?“.

Золони унзѣни: „Би дѣу ваѣгај мамисалба иламба инѣнѣи хасактахамби, гѣда-да ѣтчѣмби вѣра. Хасамзѣ, хасамзѣ гѣда уннѣ давотчимби, би нѣчи хамареккѣчи уннѣ давхамби. Уннѣ давѣатче, гѣчи хасалухамби. Хасидувве тари мамисал ујсѣј сѣгдѣѣчи. Ујну сѣгдѣмѣри мѣттѣј утчичи: „Си, нѣ путтѣни мумбѣпу ѣдзѣ хасаси, гирапса-мали осиласи, бузилѣси. Таматчу нѣчи чуп сѣгдѣѣчи, би мутудухамби“.

Золони ѣниттѣкки панусини: „Тари хаил-ка би хасатчимби?“.

ѣнини унзѣни: „Си хасатчилчи — ѣккѣл. ѣккѣл-дѣ бимѣри — маѣ-

ганулчи. Тари эхкэл — наңна эхкэлни“. Золони унзани: „Би нѳмбони гочи хасанһилами, су миттэј хасабуддовве сэгзэ гассā бурусу, лэжкэлдове, лауталдове бурусу!“ Энини Золонитај дүзи зилилу куккувэ бүхэни. Золони нэнэлүхэни. Гасаңудзи үхани, үсэј сэгдэхэни. Аундавби увеккени зилтэ хэрэлихэни. Золони унзани: „Энэкэ, амака, ноко Мэнуңкэн ајази биссэрису, би муту-зилами ила(н) бэл манаптутатче!“.

Золони чуп нэнэхэни, мапа-ја, мама-ја билүгэчи. Золони нэнэхэни хамараккени мапарил гочи гѳда путтэ багачи. Ча путтэри гэлбуригэчи Дарамизи.

Чимај Мэнуңкэн тэгэтчи соноби бāруни үсэј итэхэни — сонодуни гѳда чиндэ дѳтчени. Чиндэ пакамзи нуптухэ(н). Дѳтомзи чиндэ лэдэлүхэни: „Нѳнтэни мапа, Секалан мама, су миттэј паталаңбори бурусу, эсигису бүрэ би сумбѳпу варилами. Би — нари маңгани би, миниңэчи би нари нāду ана“. Нѳнтэни мапа нэлэлүхэни, паталаңуби бүлүхэни. Мэнуңкэн агзэни, мурутчини: „Би амимби мимбе нари маңгатаини бүрини“. Мапа-ја, мама-ја паталаңнѳри чиндэкэтэи бүүгэчи. Чиндэ зилтэ аундагатчи паталаңнѳчи гадуми дукутаки нэнүхэни.

Дарами бѳзинни, инэңизинни балзини, дāи осини. Золони ила бэл исуха(н) битчи(н) — ана. Мапарил Золонимба дү ананне халачилүгачи — ана. Халачимзи, халачимзи Золонимба оңбогочи. Золони нэнэхэттэини закпу(н) анани отчини...

ДѳЛОНИ

(Отрывок из сказки, записанной в 1949 г. от Семена Павлова, род Гетта)

В верховье одной реки, в одной юрте жили муж с женой. Они имели детей: одного мальчика и одну девочку. Имя мужа Нинтэни, имя жены Секалан, имена детей: девочки — Мэнуңкэн, мальчика — Дѳлони.

И муж, и жена были очень богаты: оленей два стада, вещи, развешенные на улице — с одного конца другого не увидеть. Детям со дня рождения исполнилось двенадцать лет. И жена и муж ничего не мастерят. Только старик за дровами ездит, а жена пищу готовит, платья чинит. Дѳлони каждый день ходит добывать дикого оленя, сестра его воду носит, узоры вышивает, все мастерит.

Жили, жили, однажды утром муж, жена, Мэнуңкэн встали, а Дѳлони нет — куда ушел, не знают. Жена говорит: „Нашего ребенка какая-то злая сила утащила!“.

Как исчез Дѳлони, три дня прошло. Три дня Дѳлони дожидались. На четвертый день вечером Дѳлони возвратился. Усталый пришел. Отец спрашивает: „Сын, ты куда ходил, ты что добывать ходил?“. Дѳлони говорит: „Я оленя ходил добывать“. Мать

говорит: „Как же далеко ты отсюда был! Никогда так далеко не надо ходить!“. Дёлони отвечает: „Я двух диких важенок три дня гонял и ни одной не убил. Выслеживал я их, выслеживал, одну речку пересек. Я позади их речку пересек. Речку перевалил и снова начал их выслеживать. Когда я за ними гнался, те дикие важеньки вверх взлетели. Вверх взлетая, мне сказали: «Ты, дитя земли, нас не догоняй, а то погибнешь, только кости от тебя останутся». Потом они совсем улетели, я возвратился“.

Дёлони спрашивает у матери: „А кто же это был, кого я выслеживал?“. Мать говорит: „Те, кого ты выслеживал, — женщины. Будучи женщинами, они богатыри. Те женщины — небесные женщины“. Дёлони говорит: „Я их снова буду выслеживать. Вы мне, чтобы я их догнал, дайте летающую птицу, дайте мне стрелы и меч“. Мать дала Дёлони двухголового лебедя. Дёлони отправился. Он сел на свою птицу и полетел. Над юртой четыре раза покружился и говорит: „Матушка, отец, сестренка Мэункэн, счастливо живите! Я возвращусь по истечении трех месяцев“.

Дёлони совсем скрылся, старик и старуха остались жить. После ухода Дёлони у них еще ребенок родился. Того ребенка назвали Дарами.

Однажды утром Мэункэн проснулась и посмотрела на соно (отверстие над дверью). На соно сидит птичка. Птичка неясным, темным образом распласталась. Сидела, сидела птичка и заговорила: „Старик Нинтэни, старуха Секалан, вы мне свою дочку отдайте. Если не отдадите, я вас убью. Я — богатырь. Такого человека, как я, на земле нет“. Старик Нинтэни испугался и отдал. Мэункэн радуется, она думает: „Мой отец меня богатырю отдает“. Старик и старуха отдали свою дочь птичке. Птичка четыре ночи переночевала и возвратилась к себе, уводя их дочь.

Дарами растет с месяцами и днями, большим становится. Дёлони и по истечении трех месяцев все нет. Старики прождали Дёлони два года — все нет. Они про Дёлони забыли. Как Дёлони ушел, уже восемь лет прошло...

№ 8. ГЭВХЭТУ

Гэвхэтузи гэлбулу нари гйда хотто сѳдуни битчини. Гидара нѳни чимаги тѳэтчи, паикта пусикуби дапаѳатчи, паиктаѳуби бѳруни ѳэнэхэни-тэни. Чомѳико нѳни итэхэни: гйда гаса су(н) абгинѳидуни хиндахани. Тар гасаѳуни нѳни увбекини сѳгдѳми хиндахани. Ча хотонду эдэн гйдаѳи паталаѳулу битчини. Тар гаса эдэн паталаѳуни дукуни бѳруни ѳэнэхэни. Чѳтчи турибани саѳани кирадуни дѳхони-тани, дѳѳотчи халлурихани-тани, чѳтчи ча туриба саѳакени чул ихэни-тэни. Гэвхэту тавасаи чи итѳчими битчини. Чомѳико тар гасаѳуни нѳдухэни гйда хаѳва-ѳу тапалаѳатчи. Гэвхэту итэхэни-тэни — тариѳуни эктѳ. Гаса нѳни увбекини

сэгдэми нэнүхэни-тэни, эктэнүни анзи гајавкини мэнүмэ хунапту итэлчини. Гэ, Гэвхэту чи итэхихэни-тэни хавасаи нэннэвэни, нони чи итэтчини чуп нэнүдэлэ. Гэ, долбодухандуни дукутакки нэнүхэни-тэни.

Гэ, Гэвхэту чимаги тэпе, паиктануби нэннэни. Сэксэ исуханзи алду долзихани эдэ паталануни вэдэштүхэмбэни. Эдэ салданули дуку-дуку тавумбани гэллйчи. Гйдара чимаги дү салда хиндагачитани Гэвхэту дукутаини. Гэвхэту унзини: „Гэ, бала нэннйсу эдэ дукутаини!“. Гэ, тариули нөмбони гадумари нэнүхэчи-тэни. Эдэ панутчини Гэвхэтуэй хали итэхэмбэни. Гэвхэту ункини: „Ила инэй отчини итэхэттэиви“. Эдэ унзини: „Си нэнэв гитангу салдамба олбими тар гаса поктоккэни“. Гэвхэту чауха олбими нэнэхэни.

Нони сун абгинзини бэруни нэнэхэни-тэни. Чи нэнэмзе, нэнэмзе гйда пөду нэ дони бэруни би саңа бэхани-тани. Гэ, Гэвхэту унзини: „Мимбэ эјэ саңаки тубгусу топкотузи сунабијатчэри“. Чотчи унзини: „Дуку андујатчери, дукуки ујусу!“. Гэ, дуку андујатчэри, сунабијачи-тани. Гэвхэту ча дуку дөдуни анзе нэлази конгокту дапугами тэхэни. Гэвхэту унзини: „Би эдэ паталануни бэпе, илагалта конгокту дапипинзилами“.

Гэвхэту ча саңа дөкини тубгууэчи-тэни. Чи тукини пакчира бэруни. Чомзикы тукидуни нэм осини-тани. Нони итэхэни нэва аптүхамби. Гэвхэту ча нэва аптүјатчи, гитуми нэнэхэни. Чи нэнэмзе гйда пөду гйда дуку бэхани. Гэвхэту ча дукутаи ихэни-тэни.

Ча дукуду гйда эктэ гаксе биэду бини. Тари эктэ эдэ паталануни. Нөмбони итэјэтчи сојохони-тани: „Си хайбүдзе хиндагаси-га!“ — унзини. Гэ, Гэвхэтумбэ зиң бэрамба дэпукэтчи, сэдэхи пэзикини апкамбүтчини-тани. Чотчи мэнэ палламби гэм силтүдүхани амба мапануби санаизини. Тар эктэ мапануби исивани халачими чи бини.

Гэ, чомзикы бөкела нари кэсэни чаик ојни. Чотчи дукутаки идүхэни. Идүјэтчи, хаива-ју буми унзини: „Ма! Улосу!“ — уми. Чомзикы нони тэдзези гэсэ унзини: „Ноккэ, эр хай сиро пуни хайми нокисини-га?“. Мапануни унзини: „Эр гадујаси пуни-тэни...“. Амба мапануни чипали дэптүхэни-тэни, чотчи унзини: „Гэ, зиливи итэјиттэв!“. Мапануни итэјитэхэни. Итэјитчидуни, тариуни апканзини котор лисидуни, эктэ унзини: „Гэвхэту! Гэвхэту!“. Амбануни зилиби эврини, чотчи панусини: „Сага Гэвхэту?“. Нони унзини: „Анага, би олоносиви...“. Гөчи апкатчини, гөчи сэрүтчини, тариуни гөчи мелзини. Гэ, исилэкэ зиң горо аврини-тани, амбарамзе лисини порокини сэгдэ нируктэ нэрини. Гөчи Гэвхэту сэрүтчихэни-тэни. Гэвхэту тэдүхэни, тэдүјэтчи, лавтамбани дапүјатчи, сэгдэ нируктэни хопулахани-тани, тариуни пит бутчини.

Таматчу дунне нѐнууэчи-тэни, чисэпчи саңаңури аптудууачи-тани. Гэ, эдэ путтэни унзани: „Си увудумэду ханкинду тэру, би пэдуду тэритэ!“. Гэвхэту унзани: „Си увудумэду...“. Гэ, эдэ паталаңуни увудумэду тэхэни-тэни, Гэвхэту пэдуду. Гэвхэту коңгокту дапсипитчини, зэсилби нѐмбочи тонзичи. Томзэ эдэ паталаңуни дукуни тотчичи-тани. Чомзиду алдакичи хопулауачи-тани. Гэвхэту натаи тудухэни, хуглэрэмзи мэпи.

Нѐни чаду зиң горо аврини-тани, авумзэ мелдууатчи, митуми хамасаи нѐнухэни чисэпчи амба дукуни битчитэи. Нѐни амба дукутани ихэни-тэни, йуэтчи малуки апкатчини.

Авуми толчичихани. Эр малуки гида утэ бини, ча утэки ипе, бакаври ду ситто мѐвэ, гида сэгдэнзи мѐллу, гидадума тагданзи мѐллу. Мелдууатчи итэхэни-тэни малу бэруни чакки гида утэ бини. Нѐни ча утэки ихэни-тэни. Ча дуку дѐвони чи митухэни. Чомзикы ду ситто мѐвэ итэхэни, гида сэгдэ, гидадума тагда. Тагдадумаки хунигэнзи чиполохони-тани — паккэ осини, сэгдэ-думэки чипологини — зин улинга осини. Гэвхэту зиң улиңга отухани-тани.

Чотчи нѐни ојодума дукутаи нѐдухэни, чотчи долзихани бѐ бэруни нари соңйивани. Нѐни нэхэни. Нѐуэтчи, итэхэни: мѐ сувэкини гида путтэ лопула. Нѐни ча путтэ тубгууэтчи оропчи мѐттэи олбитчини. Чотчи ча мѐзи нѐмбони хавхани. Тариңуни зиң улиңга отухани. Гэвхэту нѐтоини панусини хай нэдуни бивэни. Тариңуни унзани: „Би эмэтчу зиң лакка биви, мин аммимби, эннимби соңйичи мимбэ гэлэдумэри. Мимбэ эр амба пуктухэни“. Гэвхэту унзани: „Гэ, бала сuttэи нѐнйсу!“.

Гэ, дутуңсэ нѐнууэчи-тэни. Тар путтэ унзани: „Си мимбэ бај эззэ бѐдду, си карумба гэлэсэри, дузи зилиллу сэвэмбэ!“.

Гэвхэту унзани: „Йккэ ... гэллэңитэ...“. Гэ, нѐчи тар путтэ ојисалбани аптудууачи-тани. Амнини, энини соңомори тэсичи. Нѐчи йривэчи эсичи сара. Эр путтэ унзани: „Су хаймари соңнѐсо?“.

Ча кэсэни долзиуатчэри, нѐчи бэручи итэуэчи-тэни. Путтэбэри баудууатчэри, агдамари комонничи. Гэвхэту чаду зиң горо бини. Чотчи путтэ унзани: „Амма, си ча наритаи дузи зилилу сэвэмби буру!“.

Мапа сэвэмби Гэвхэту бѐхэни-тэни.

Гэвхэту таматчу чисэпчи саңаңуби бэруни нѐнухэни-тэни. Ча саңаңуби аптудухани. Аптудууатчи, сэвэмби ду зилини алдан-дуни тэуэтчи, саңаңуби ујсэи нѐнухэни-тэни. Саңаңуки нѐдууэтчи хотомби бэруни гитуми нѐнухэни-тэни. Хотомби аптудууатчи, эдэтэи нѐнэхэни-тэни. Эдэттэи пулитчимби поктоби тэлуңучихэни. Эдэ унзани нѐтоини: „Хайбудди зиллэнзисигэ?“.

Гэвэхэту унзани: „Ана, би эсиви зиллэндэ“. Нѐчи чи такту-матчиуачи-тани. Чомзикы эдэ паталаңуни ихэни-тэни гида наризи

чувствуется?". Жена ему говорит: „Это запах того, что ты принес“. Муж поел досыта потом говорит: „Ну-ка, поищи у меня в голове“. Жена стала искать, и, когда ищет, тот засыпает. Когда он храпит, женщина говорит: „Гэвхэту! Гэвхэту!". Муж поднимает голову и спрашивает: „Где, какой Гэвхэту?". „Да это я просто вздрогнула“. Снова он засыпает, снова она будит, тот снова просыпается и засыпает. Ну, теперь, видно, крепко спит, храпит, и от этого на его голове красные волосы поднимаются, дыбом стоят. Снова женщина будит Гэвхэту. Тот встал, взял меч ее мужа и отрубил ему его красные волосы. Тот моментально умер. Оттуда они вдвоем ушли. Дошли до прежнего отверстия. Дочь вождя и говорит: „Ты садись в верхнюю половину дома, я в нижней сяду“. Гэвхэту говорит: „Нет, ты садись в верхней“. Ну, та села в верхней, а Гэвхэту в нижней. Гэвхэту ударил в колокол, и воины, что были наверху, потащили их. Тащили, тащили и как только вытащили дочь вождя, дом в промежутке двух этажей сразу перерубили. Гэвхэту упал внутрь земли, сильно расшибся.

Лежал, лежал, очнулся и ползком добрался до дома черта. В дом черта вошел. Вошедши на „малу“ лег спать.

Спит и видит сон: на этом малу одна дверь есть, через эту дверь когда войдешь, найдешь две посудыны с водой, одна с красной водой, другая с белой водой. Проснувшись, посмотрел на малу — там одна дверь есть. Он через ту дверь вышел, внутри того помещения долго ползал. Вдруг две посудыны воды увидал — одна красная, другая белая. В ту, которая белая, свой указательный палец окунул — хуже стало, в ту, которая красная, окунул — очень хорошо стало. Гэвхэту очень красивым, здоровым стал. Потом он в верхнее помещение вышел и услышал на улице плач человека. Он вышел наружу.

Вышел и увидал, что на вершине дерева один ребенок повешен. Он того ребенка снял, к известной воде отнес. Потом той водой его вымыл. И тот очень здоровым, красивым стал. Гэвхэту у него спрашивает, на какой земле он живет. Тот говорит: „Я отсюда очень близко живу, мой отец и моя мать плачут, меня разыскивая. Меня этот черт утащил“. Гэвхэту говорит: „Ну, скорее к вам идем!“.

Ну, они вдвоем пошли. Тот ребенок говорит: „Ты меня задаром не возвращай, ты плату попроси — двухголового севона“. Гэвхэту говорит: „Ладно... попрошу“.

Ну, дошли они до родных ребенка. Его отец и мать сидят и плачут, что они вошли, не знают. Этот ребенок говорит: „Вы почему плачете?". Те его слова услышавши, на них взглянули. Своего сына нашедши, радуясь, целовали. Гэвхэту у них очень долго жил. Потом ребенок говорит: „Отец, ты тому человеку двухголового севона дай!". Старик севона отдал Гэвхэту.

Гэвхэту оттуда к прежнему отверстию пошел. До отверстия дошел, промеж двух голов севона сел, из отверстия наверх вышел. Из отверстия вышел, к городу пешком отправился. Пришел к вождю и рассказал ему о своем путешествии.

Вождь ему говорит: „Зачем лжешь-то?“. Гэвхэту говорит: „Нет, я не лгу!“. Они долго спорили. Вдруг дочь вождя входит со своим мужем. На него взглянувши, заплакала. Потом она говорит отцу: „Этот человек меня спас“. Вождь тогда правду узнал об ее спасении. Гэвхэту дочь вождя в жены получил. Жену получил и стал очень богатым.

№ 9. УЛА МАСИННИ, БУJU АЖАКАТАННИ

Бу ујлта пурилни боло, тувэ, дува, нэңнэ хай-дда хупинзи чипали хуппокипу. Боло хуппокипу хупинзи гэлбулузи „Ула масинни, бују ајактанни,“. Эри хупимбэ пурил баҗачи.

Халанда боло гёда ула курбунни бују ајактанне сориҗачи. Ула курбунни боло пурэнду битчини, нёни зэкихэ битчини. Пурэнду ула курбунни гёда ваңгај наммё дапутахани. Нами зиң бују битчини. Боло нарисал улалбари дападухандучи ула чипали битчичи, тэң гёда зин ананинулу курбу, гёда ваңгај нами ана битчичи. Тари курбу эдэни гэлбуни Пулахи битчини. Пулахи гёданнепа гэлэндэвэтчини курбуни. Нари гэлэндэтэхэни, исухани итэҗэтчи ула курбуни бују ајактандуни сорривачи. Ча бујумбо ваҗачи.

Ху пи (н). Эри хупинду зон тунда пурил хуппичи.

1) Холдохо — бојо ајактанне; 2) Луңгу — ула масинни; 3) Икавки, 4) Пэнэ, 5) Кулада, 6) Ниңтэ. 7) Коңго — улал; 8) Бэкедэ, 9) Пётур, 10) Годо, 11) Ламу, 12) Ванда — нарил; 13) Чинэ, 14) Элэ, 15) Чорна — ңинзил (ңиндал).

Дулузи Холдохо — бојо ајактанне, Луңгу — ула масинни пурэттэи ңенэҗачи. Пурэнду сорилуҗачи. Ула масинни зиң маси, козини моми, хујэлни маңгавлил, бэјэни дәи. Нёни сиңактални пакам би, нутэзи борочихани. Бојо ајактани бэјэни дәи, хумана, лалли, иктэлни дәисал, хосиктални ңонимисал, зилини дәи, сиңактални хурумукэсэл, исални нучикэ.

Чине гёда нари улалба гэлэндэтэми, бојо ајактанни, ула масинни сорривачи итэхэни битчи. Эсинэңи тунда нарисал чала ңенэллэчи тунда улалзи, ила ңинзилба ороңмори. Нарисал нуңэчи Годо. Нарисалду лэккэл, гидал, мэукчал бичи. Нарисал тунда-туңаса пурэсэл, нарил маңгаулли.

Чиманани нарисал гулитчичи бојо ајактани ула масимбани гэлэндэмэри. Нарисал чимај ун'амба солоҗочи, дэрэндунни чаива умиҗачи. Нарисал нуңэҗучи Годо унзини: „Су, пурэсэл, нанда лэдэнусу, сёсиңимбапу долзиллал“. Ламу унзини: „Аја, эңэл долзе сорури бимэри. Сорисал хамача-дда бэјңэсэл эвувкил долзе хай-да сёсиңимбани“. Годо унзини: „Си Ламу эҗе манга-

потче, бојо ајактанни за эсини биэ, лалунзи буззи бујо за эсини биэ“. Ламу унзини: „Би эсу нэллэ лалунзи, буззи бојонзи, нонјочини би бојомбо бāрамба вāхамби, дэптухэмби“. Годо унзини: „Кэ, эззе маңрапотче, аја, эси акчелапу-тани си маңгаси“. Ламуја, Годојо палиматчимари ходиүчи.

Таматчу нөнөүэчи. Нөнэмзе, нөнэмзе Элэ-ңинда носулахани. Годо ңинда носулахандуни меванахани. Годо ңинакалухани. Элэ-ңинда илихани, чиңнени, Годо бāруни итэтчйни.

Нөнэмзи-кэ бојо хојивани долзихани. Дулэсри итэхэни бојо пакал ојовани, гочи итэхэни ула масимбани. Нарисал зий лакала, зий лакала синдагачи. Бојо ајактанни ула масинни хайва-дда эсичи сāра, нарисалба этчичи иттэ. Нарисал бәйһәл соривачи итэ чилуүэчи.

Итчөчи — бојо аңмаккени сәксэ сабзэни, холдолкени улисәл агбитчичи. Улатаи итәүэчи — ула исални сәгдәтчини, наттани холдолкени гудәдэхэни. Годо унзини: „Ајакта бојомбо дулузи меукчалаусу!“ Годо зәсилни хайва-дда эсичи ләдәндә, һәллөчи бојонзи. Годо мәнэ эсини нәллә, бојомбо меукчалахани.

Мухали бојо туһәндулэни наңбухани, бојо түхэни. Бојо түхәндуну ула илисини. Ламу унзини: „Би ула масинзини эсу нәллә нөмбони даһпәлами“. Ламу ула бāруни гитухэни. Гитчидуну ула масинни Ламу бāруни пукчитэхэни. Ламу этчини кулпе, ула нөмбони хујалки лөхони, пуктухэни. Ламу кучәлу битчини. Кучәмби куптудуни тококочи, ула билдалани гидалахани. Гидалахандуни ула түхэни. Годо синдахани, итэхэни: Лунгу, ула масини, хураккени сәксэ хәјэхэни. Лунгу нари отухани. Луңгу Годотои унзини; „Мимбә Ламу хурандуве духитчини“. Луңгу соңолухани, Ламутаи пукчитэхэни. Луңгу Ламунзи сорилуүачи. Годо зәсилби хәвәтчихэни, зәсилни синдагачи. Зәсилбари соривачи дапулатчилуүачи. Ламуңучи әлләвүт тагдахани. Соримари хојуҗачи. Годо унзини: „Хупимәри нари соривачи би хали-дда этчимби иттэ, хојуҗиусу хупимәри, зәсилпу гочи сорйллал“.

Пурил дукутаккери һөнүлуүэчи. Ламу зәсилзи гәсә эсини һәнну. Ламу унзини: „Сунду гәсә хали-дда эсу хуппә“. Зәсилни унзичи: „Бу-ддә синду гәсә эсипу хуппә“.

СИЛЬНЫЙ ОЛЕНЬ И СВИРЕПЫЙ МЕДВЕДЬ (ИГРА)

(Записано в 1937 г. от Павла Павлова, род Гетта)

Мы, орокские ребята, осенью, зимой, летом, весной в разные игры все играем. Осенью мы играем в игру с названием „Сильный олень и свирепый медведь“ (Сила оленя и свирепость медведя). Эту игру ребята так получили.

Когда-то осенью самец домашнего оленя дрался со свирепым медведем. Олень был в тайге, он очень сильный был. В тайге он нашел самку. Самка была очень дикая. Осенью, когда люди собрали своих оленей, олени все были, только четырехлетнего

олень самца да самки не было. Хозяина того оленя имя было Пулахи. Пулахи одного человека послал разыскивать своего оленя. Человек сходил, разыскал. Разыскавши, увидел, как олень и медведь дрались. Того медведя убили. Потом про то рассказали.

Игра. В этой игре пятнадцать ребят играют.

1) Хольдохо — свирепый медведь; 2) Лунгу — сильный олень; 3) Икавки, 4) Пэнэ, 5) Кулада, 6) Нингтэ, 7) Конго — олени; 8) Бэкэдэ, 9) Пэтур, 10) Годо, 11) Ламу, 12) Ванда — люди; 13) Чинэ, 14) Элэ, 15) Чорна — собаки.

Сначала Хольдохо — свирепый медведь — и Лунгу — сильный олень — в тайгу уходят. В тайге начинают бороться. Сильный олень очень силен, шея толстая, рога его твердые, тело большое, шерсть темная. Свирепый медведь телом большой, худой, голодный, зубы большие, когти длинные, голова большая, шерсть коротенькая, глаза маленькие.

Вчера один человек, оленей разыскивая, видел драку свирепого медведя и сильного оленя. Сегодня же пять человек туда пошли на пяти оленях, трех собак ведя. Старший (предводитель) Годо. У людей стрелы, копыя, ружья есть. Люди, все пятеро, молодые, богатыри. Утром люди отправились разыскивать. По реке поднявшись, в верховье ее чай пили. Предводитель людей Годо говорит: „Вы, ребята, тихо разговаривайте, ваш шум услышат“. Ламу говорит: „Ладно, не услышат, борющимися будучи. Борющиеся никакого зверя не слышат, никакого шума“. Годо говорит: „Ты, Ламу, не храбрись, злой медведь не простая вещь, голодный, умирающий медведь не простая вещь“. Ламу говорит: „Я не боюсь голодного умирающего медведя. Я медведей множество убил и поел“. Годо говорит: „Ну-ка, не храбрись, мы теперь увидим твою мощь“. Ламу и Годо перестали ссориться. Оттуда пошли. Шли, шли, собака Элэ след почуяла, у Годо сердце сильно заболело. Годо собаку натравливает. Элэ собака остановилась, лает, на Годо смотрит. Прошли еще, рев медведя услышали. Вперед посмотрели, увидели темную спину медведя и сильного оленя. Люди начали смотреть на борьбу зверей. Видят: изо рта медведя кровь капает, с боков мясо виднеется. На оленя посмотрели: олень глаза покраснели, шкура с бока порвана.

Годо говорит: „Злого медведя прежде стреляйте!“. Товарищи Годо ничего не говорят — медведя боятся. Годо сам не боится, медведя застрелил. Пуля в грудь медведя попала, медведь упал. Когда медведь упал, олень стоит. Ламу говорит: „Я сильного оленя не боюсь, его возьму (заберу)“. Ламу к оленю подошел. Когда он подошел, сильный олень на Ламу набросился. Ламу не успел (увернуться), олень его на рога повесил, унес. Ламу имел нож. Свой нож из ножен вынул, оленя в горло колот, олень упал.

Годо подошел, увидел: из носа Лунгу, сильного оленя, кровь течет. Лунгу человеком стал. Лунгу Годо говорит: „Меня Ламу по моему носу ударил“. Лунгу начал плакать, на Ламу набросился. Лунгу с Ламу начали драться. Годо своих товарищей позвал, его товарищи пришли, начали разнимать. Ламу сильно рассердился. Драться кончили. Годо говорит: „Я никогда не видел, чтобы люди, играя, дрались. Кончайте играть, наши товарищи снова подерутся“.

Ребята пошли по своим домам. Ламу со своими товарищами не идет. Ламу говорит: „С вами вместе никогда не буду играть“. Его товарищи говорят: „Да и мы с тобой не играем“.

№ 10. ГАЈАВО (ЗАГАДКИ)

1. Гйда хупкэки чак паикта балзигачи. (Нируктэ) 'На одной кочке обильно трава растет. (Волосы)'.
2. Наму кирани хујэмэ нарисали јап битчичи. (Иктэ) 'На берегу моря из рога сделанные люди живут. (Зубы)'.
3. Гйда ачиҫа хурэмбэ капамзи-да лиҫас даксахани. (Хурига). 'Одна крыса, на гору поднимаясь, вплотную прилипла. (Нос)'.
4. Дү сиро холдомбони аҫгамари оккэчи. (Сё) 'Два диких оленя по склонам горы снег копытом разгребая пасутся. (Уши)'.
5. Тагданне ивэчихэмбэни сэгдэнне ивинни. (Сиҫу, иктэ) 'Нарубленное белым человеком красный втаскивает. (Язык и зубы)'.
6. Нуку халатчу, ака халатчу. (Бэгзи) 'Младший брат подожди, старший брат подожди. (Ноги)'.
7. Гёда мудуҫэ пурукатчихани. (Ивэ) 'Выдра в озере ныряет. (Деревянная большая ложка, которой черпают рыбу при варке)'.
8. Пурэнду энүҫэ пујсини. (Сируктэ омони) 'В тайге котел кипит. (Муравейник)'.
9. Агдуманне докутаини нэудумэнне эсини йрэ. (Купту) 'В дом старшего брата младший не входит. (Ножны для прямого ножа, в которые не входит кривой нож для строгания)'.
10. Дэптуми, дәптуми — эси эллэ. (Тава) 'Ест, ест — не наедается. (Огонь)'.
11. Хују хото мөүхэни. (Энүҫэ пујсини) 'Девять лысин скачут, шаманят. (Котел кипит)'.
12. Поктола анаҫази үэннэ. (Мевукча мухалини) 'По дороге без возврата идет. (Ружейная пуля)'.
13. Агдуманне этчимбэни бәка, нэудумэнне бәха(н) (Сигзипу, мәркэ). 'То что не нашел старший брат, нашел младший брат. (Расческа и частый гребень)'.
14. Таҫгунне злиматчихани. (Аундав сонони) 'Сто человек головами вместе. (Жерди шалаша)'.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Предисловие	3
Введение	5
Фонетика	10
Гласные	—
Характеристика гласных	—
Согласные	11
Характеристика согласных	12
Особенности звукового состава слов	13
Фонетические особенности языка ороков сравнительно с ульчским и нанайским	15
Морфология	20
Общие замечания	—
Имя существительное	23
Словообразование имен существительных	24
Существительные с непродуктивными суффиксами	25
Существительные с продуктивными суффиксами	26
Образование существительных от других частей речи	27
Словообразование внутри категории имен существительных	32
Словоизменение имен существительных	34
Конечные звуки основ имен существительных	—
Число имен существительных	36
Притяжательные формы имен существительных	—
Склонение имен существительных	41
Значение и употребление падежей	46
Служебная роль имен существительных с пространственным значением	52
Имя прилагательное	54
Группировка имен прилагательных по значению и оформлению	56

	Стр.
Выражение сравнения и наивысшей степени качества . . .	62
Местоимение	63
Личные местоимения	64
Возвратные местоимения	65
Притяжательные местоимения	66
Указательные местоимения	68
Вопросительные местоимения	71
Определительные местоимения	72
Числительные	—
Количественные числительные	73
Порядковые числительные	76
Распределительные числительные	77
Собирательные числительные	—
Ограничительные числительные	78
Повторительные числительные	—
Числительные — единицы измерения	—
Наречие	79
Наречия качества	—
Наречия предела	81
Наречия места	—
Наречия времени	85
Частицы	86
Глагол	87
Словообразование глагола	88
Отыменные глаголы	—
Отглагольные глаголы	90
Типы глагольных основ	94
Глагольные формы	—
Причастие	95
Основная форма активных причастий	—
Личные и возвратные формы активных причастий	99
Пассивные причастия	103
Причастия со значением обычности действия	104
Наклонение	105
Изъявительное наклонение	—
Сослагательное наклонение	107
Повелительное наклонение	—
Деепричастие	111
Одновременное деепричастие	—
Одновременно-длительное деепричастие	112
Разновременное деепричастие	—
Условно-временное деепричастие	113

	Стр.
Особые глагольные формы	115
Форма цели	—
Условно-временная форма	117
Форма одновременного действия	—
Форма несостоявшегося действия	120
Условно-уступительная форма	—
Отрицательные формы глагола	121
Причастия	—
Наклонения	122
Тексты и переводы	126
Замечания к текстам	—
№ 1. Гобдо	127
№ 2. Заргули амбанне	128
№ 3. Хони ујлта битчици горопчиду	130
№ 4. Мокчу Кэчиктэ	—
№ 5. Дахиннени, Валуннени	135
№ 6. Пэтть — наму эдэни	140
№ 7. Золони	143
№ 8. Гэвхэгү	145
№ 9. Ула масинни, бују ајактанни	150
№ 10. Гајаво (загадки)	153

Тансия Ивановна Петрова

ЯЗЫК ОРОКОВ (УЛЬТА)

Утверждено к печати

Институтом языкознания Академии наук СССР

Редактор издательства *К. Н. Феноменов*. Художник *В. В. Грибакин*
Технический редактор *Н. Ф. Виноградова*. Корректоры *К. И. Видре, В. А. Лузиков* и *Г. И. Шер*

Сдано в набор 25 X 1966 г. Подписано к печати 15/VII 1967 г. РИСО АН СССР № 26-135В.
Формат бумаги 60 × 90 ¹/₁₆. Бум. л. 4 ¹/₈. Печ. л. 9 ³/₄ = 9,75 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 10,08. Изд.
№ 3119. Тип. зак. № 1293, М-17051. Тираж 1200. Бумага типографская № 2. Цена 60 коп.

Ленинградское отделение издательства «Наука»
Ленинград, В-164, Менделеевская лин., д. 1

1-я тип. издательства «Наука». Ленинград, В-34, 9 лин., д. 12